

Эдуард Бочкин

По следу
ищущего
медведя

Повести и рассказы

Улан-Удэ
2020

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)кр
Б866

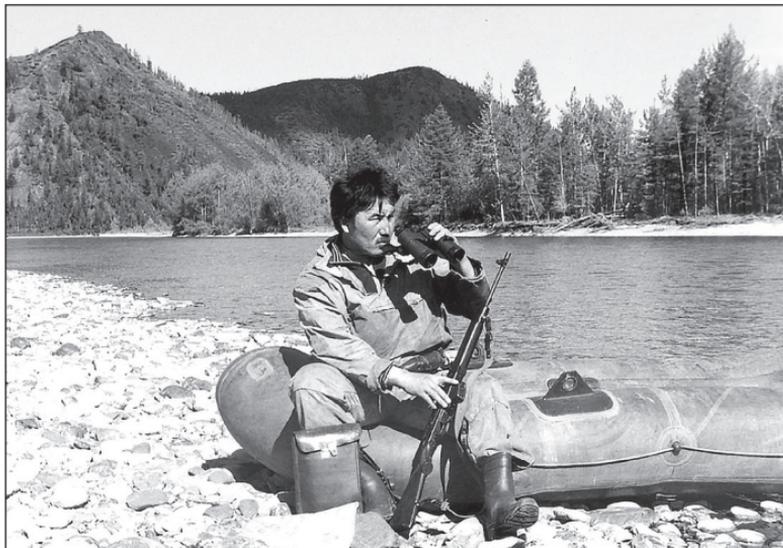
12+

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии».

Бочкин Эдуард Савельевич
Б866 По следу пещерного медведя. – Улан-Удэ :
НоваПринт, 2020. – 304 с. илл.

ISBN 978-5-91121-324-4

© Бочкин Э.С., 2020

Человек эпохи плейстоцена

Эдуард Савельевич Бочкин (1963 – 2019) родился в с. Харанут Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. С детства влюбленный в природу, он решил навсегда связать свою жизнь с ней. Окончил факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Посвятил жизнь изучению арктического медведя в естественной среде обитания. Жил в Магаданской области, п. Палатка, работал охотоведом в лесном хозяйстве, занимался научными исследованиями, писал диссертацию, вел полевые

дневники, из которых росла его проза. А когда лесное хозяйство пришло в упадок, пошел работать на вахту, чтобы обеспечить свои экспедиции в мир дикого Приполярья.

С 2009 года стал постоянным автором журнала «Байкал». Его ценили читатели и коллеги по перу. Так, прозаик Геннадий Башкуев писал о нем: «Один из немногих авторов журнала, которого я читал с доверием». О Бочкине можно говорить как о продолжателе традиции, начатой в республике еще Михаилом Жигжитовым, а в общероссийском масштабе – такими писателями, как Владимир Арсеньев и Григорий Федосеев. Он был полон сил для новых походов и планов собрать большую книгу прозы, но, к сожалению, не успел. Поэтому завершить работу над его книгой пришлось без него.

В книгу вошли две повести и рассказы. Название книге дал сам Эдуард Бочкин. Он же проиллюстрировал ее. Книга рассказывает о мире дикой природы, которая не знает сочувствия, как мы его понимаем, но знает вековечное спокойствие, достоинство, которым обозначает границу, за которую лучше не заходить. И в прозе Бочкина это едва ли не главное.

Длительные экспедиции по дикому Приполярью были для него не только работой, но и способом почувствовать себя человеком эпохи плейстоцена, обладавшего, по его мнению, «величественным и поражающим своей глубиной и полнотой духовным миром», утрату которого Бочкин так остро переживал.

Занятия литературой были для него попутным промыслом и отдыхом между полевой работой и научными изысканиями, но для нас они стали единственным свидетельством того, о чем думал и что чувствовал этот удивительный, незаурядный человек наедине с Природой.

Булат Аюшеев.

Повести

Не плачьте, лиственницы

ГЛАВА 1. ТАЕЖНЫЕ НОЧИ

Зависшее на бирюзовом осеннем небосводе солнце уже начало клониться к закату, когда тяжело нагруженная автомашина плавно остановила свой ход.

Огромная, затмевающая полнеба туча дорожной пыли накрыла магистральный грузовик. На несколько мгновение вокруг ничего не стало видно – ни придорожных камней, ни пней у насыпи, даже признаки самой дороги исчезли в мутной воздушной массе.

Наконец, густое пыльное облако стало перемещаться в сторону. Окружающее машину пространство быстро светлело, и в нем все более четко начали проявляться очертания низкорослых, наполовину потерявших уже отмершую хвою лиственниц. И я, совсем не опасаясь вдохнуть мерзкую смесь из воздуха и мельчайших частиц глины и еще бог знает чего, рывком открываю дверцу кабины грузовика.

В кузове, на пропыленных и туго набитых крапивных мешках лежит мой станковый рюкзак и свернутая в плотный рулон резиновая надувная лодка.

Другой рюкзак с теплой зимней одеждой и документами я вынимаю из кабины автомобиля.

Здесь, в двух километрах от устья реки Эльген, мне

предстоит отправиться в двухнедельное плавание по легендарной реке Буюнде, овеянной всевозможными историями еще со времен завоевания этих богатейших всевозможными природными ресурсами земель вооруженными до зубов казачьими ватагами.

Сбрасываю наземь покрывшиеся толстым слоем пыли рюкзаки и лодку.

Остается только сказать пару прощальных слов водителям КамАЗа, подобравшим меня на развилке дорог в сотне километров отсюда.

Два рыжих здоровяка молча и с нескрываемым интересом уставились на меня круглыми, мутно-серыми глазами, явно при этом чего-то недопонимая.

Но вот один из них разжал полные, красиво очерченные губы и негромко спросил:

– Ты че, один на ночь глядя поплывешь? Не боишься?

– А чего я должен здесь бояться? – вопросом на вопрос отвечаю я.

– Ну мало ли что! Люди в собственных квартирах, бывает, всяких там домовых страшатся, по городу вечерами в одиночку стараются не ходить. Хулиганов стало много.

Вопрос с подвохом, провокационный, но отвечать приходится.

– В моем пантеоне такие зверушки, как домовые, не водятся. Ну а хулиганам лучше меня за километр обходить. В этом смысле я совсем даже не подарок.

– Ну-ну, давай. Ни пуха.

– К черту. Вам счастливо доехать.

Когда грузовик, вернее, начало клубящегося пыльного облака исчезло где-то за дальним поворотом, а рев автомобильного мотора превратился в еле слышное бормотание, принимаюсь переносить свой походный скарб на прибрежную гальку.

Кажется, все улыбается мне в этот солнечный сентябрьский денек. Отличная погода. После сильных заморозков уже нет нудных комаров. Мошка разве еще держится, но и она в этих местах не вьется тучами.

Под стать великолепной погоде и тот, кто сейчас оттолкнется от берега и наляжет на весла. Выдрессированные в многодневных походах мышцы стонут от распирающей их силы и всегда готовы с радостью взяться даже за самую тяжелую и изнурительную работу. А дух, даже не стоит говорить, крепок и давно рвется в бой.

Уже год прошел, как окончил иркутский охотфак – мечту всех настоящих бродяг. Уже год состою на государственной службе в должности районного охотничьего инспектора. Правда, в штатном расписании она называется районный охотовед, но это скорее ошибка, так как с охотведением, как с достаточно сложной научной дисциплиной и очень важной областью знаний, она имеет очень немного общего.

По той же причине мы, выпускники интереснейшего и необходимейшего для народного хозяйства и природопользования факультета, призваны выполнять практически только полицейские функции, то есть то, что не было уважаемым даже в такой древней демократии, как греческие Афины, где традиционно роль полицейских играли наемные скифы или рабы. Тогда любой гражданин предпочитал быть арестованным, чем идти на эту службу. Но то в демократиях, где люди действовали по совести и по согласию с ней. После, как известно, появились более мощные и обширные образования, где человек мог жить и без совести, и тем более без согласия с ней.

Ну а чтобы люди не обманывали и не обворовывали свое же государство, последнее всегда имело дубину. Правда, дубина, как всякая палка, – о двух концах. Так вот,

чтобы второй конец не бил больно по хозяевам, часть дубины сделали полегче.

Наверное, поэтому я иду по реке не на аэроглизсере или другом транспортном средстве со сверхмощным двигателем, о которых, кстати, мы мечтали в пору студенчества, а на арендованной в общественной организации старенькой, залатанной резиновой лодчонке.

Давно лишенная в своих истоках защитных, питающих влагой ручьи лесов река в верховьях настолько обмелела, что лодка задевает каменистое дно даже тогда, когда я буксирую ее по самой глубокой части русла.

Наконец, напротив устья Эльгена река Буюнда становится немножко полноводнее, и тут уже можно браться за весла.

Эльген впадает в Буюнду несколькими очень мелкими, по щиколотку, рукавами, и ни за что не подумаешь, что в среднем течении ее из-под коряг и обрывистых берегов рыбаки нередко вытягивают полутораметровых щук и полтора-двухкилограммовых хариусов и ленков. Правда, сплавляться по ней можно только в весеннее половодье или после обильных летних дождей, когда уровень воды в ней поднимается в несколько раз выше, чем я наблюдаю сейчас.

Быстро пролетает яркий, но короткий сентябрьский день. Не успев как следует налюбоваться еще сохранившейся во многих защищенных от холодных ветров местах красочное, раннее осеннее многоцветье северной растительностью, я начинаю долго и придирчиво выбирать место для ночлега.

Вторая половина сентября в этих краях отличается ясными, но очень морозными ночами, от пронизывающего холода не спасут ни ватники, ни пуховые спальные, ни другая, привычная для гражданского человека одежда.

На одном из поворотов реки в поле моего зрения оказывается обтянутый полиэтиленовой пленкой балаган. Принадлежит он, судя по расположенным вблизи пойменным лугам, сенокосчикам, давно, еще в июле-августе, завершившим всякие полевые работы и разъехавшимся по квартирам.

Сквозь призмы полевого бинокля отчетливо различаю над крышей временного пристанища выход огромного сечения водопроводной трубы, каких всегда полно на орошаемых или, наоборот, дренируемых полях и лугах. Очевидно, эта труба служит здесь дымоходом. Хотя легко себе представляю, как уже через полчаса после самой интенсивной топки в балагане станет так же нестерпимо холодно, как на открытом воздухе. И не поможет удержать тепло, даже если прикрыть ее сверху после топки плотной заклонкой.

Но что поделывать, в наших условиях даже тридцать минут блаженства в теплой, жарко натопленной времянке – это уже кое-что существенное, приближающее ночевку к полноценному отдыху. Тем более что можно продлить удовольствие, заготовив дровишек если не до потолка балагана, то хотя бы заполонив пространство под нарами. А в топку подкидывать наряду с сухими дровами и сырые поленья, и тогда тепло будет держаться немного дольше.

Спать, конечно, придется, облачившись в ватный комбинезон и меховые носки.

Стремительно сгустившиеся сумерки скрыли ночной мглой последние очертания ближайших кустов и деревьев. Тем более исчезли из виду склоны сопки, лиственницы и тополя по другую сторону реки. Лишь поблескивает едва заметными тусклыми отсветами только набирающих силу лучей далеких и холодных звезд ночного неба река Буюнда. Грохот ее перекатов, то приглушенный и почти не-

слышимый, то стремительно усиливающийся так, что, кажется, вот-вот заложит от шумов уши, мне придется слушать четырнадцать или пятнадцать долгих, по-осеннему холодных и темных ночей.

Луна, светившаяся с наступлением сумерек, вдруг куда-то провалилась, оставив все пространство под пологом деревьев в кромешной тьме. Чуть-чуть просвечивают контуры верхушек близстоящих лиственниц и чозений. Да сухая, с каменистым дном протока, вплотную к которой находится балаган, выделяется во мгле чуть более светлой, чем все вокруг, полосой.

Легкий, походный ужин и традиционное получасовое чаепитие происходят на воздухе. Я не включаю фонарь. Мощный луч его, пробежав по стволам деревьев и ветвям раскидистых кустов, непременно вспугнет очарование осенней ночи. Ворвется в мир, чья интимная жизнь проходит по другим, неподвластным холодному рассудку законам.

Уже дважды я поднимался со скрежещущих под тяжестью тела наспех сколоченных сенокосчиками нар и подбрасывал в прожорливую топку железной печи дрова. И начал было уже дремать, когда на сухой протоке, со стороны лесной чащобы громко застучала галька. Какой-то крупный зверь, явно торопясь, продвигался по нагромождениям хорошо окатанных водными потоками каменных обломков. Направлялся неведомый зверь к реке и скоро должен был появиться вблизи моей ночлежки.

Звуки шагов все усиливались. Грохот нарастал так стремительно, что казалось, будто зверь совсем рядом, у входа в обшитый пленкой балаган. Дремоту как рукой сняло. Кровь прилила к голове, учащенно застучало сердце. Рука привычно легла на деревянный приклад лежащего под боком и заряженного мощными пулевыми па-

тронами, давно проверенного в деле полуавтомата МЦ 21-12. Что же делать?

Ведь медведь, а в этом сомнений уже не было, может войти с любой стороны. Полиэтиленовая пленка для него не преграда. В доли секунды мощная, вооруженная длинными, крючковато изогнутыми и острыми когтями лапа одним ударом сорвет половину стены или распорет, как заправский портной, с потолка до земли. В следующее мгновение ужасная, ощерившаяся огромными клыками пасть появится в нескольких дециметрах от того, кто находится в балагане.

Успеть отреагировать, нацелить длинный ствол самозарядки и сделать хотя бы два прицельных выстрела: третий уже не успеть в тесном помещении и в очень неудобном, мешающем быстрым движениям ватном облачении. Поэтому моментально принимаю решение покинуть бесполезную хижину и на открытом месте, на освещенной слабым звездным светом протоке встретить хищника.

Медленно, слишком медленно отрываются ноги от нар. Громко, чересчур громко скрипят плохо сработанные доски подо мной. Стремительного и неожиданного броска не получается, и это еще более подхлестывает и возбуждает меня. В три больших прыжка оказываюсь посреди сухой протоки, готовый выпустить одной большой очередью весь магазин остроносых пуль в мохнатое чудище. Но где же оно?

Метрах в тридцати от меня раздается громкий треск ломаемых ветвей кустарника и полугнилых валежин. Шум при этом все удаляется. И вот наконец только слышно: «У-ф-ф-ф», а потом еще, уже где-то у подножия лесистой сопки медвежье: «У-ф-ф-ф-о-у». Акустический фокус. Медведь находился от меня еще в сорока, пятидесяти метрах, а грохот гальки из-под его толстенных мозолей на лапах

был такой сильный, что казалось – он уже рядом, перед входом в балаган.

Ночью очень хорошо слышны звуки под лесным пологом, так как воздух становится чрезвычайно прозрачным для всевозможных звуковых волн. В следующую ночь решаю спать под открытым небом, так привычнее и, возможно, безопаснее.

Утро дохнуло свежестью и холодом. Небо, ясное и голубое, приветливо глянуло мне в глаза. А замерзшие лужицы, как ледяные зеркала, отражают в себе прибрежный лес и запоздавшие несколько утренних звездочек.

Несмотря на довольно приличный морозец, я быстро сбросил ватники, разделся по пояс, обулся в болотники и на мелководе с величайшим наслаждением поплескался на себя студеной речной водой. Мало кто знает, что именно утром, какое бы оно ни было, человек задает себе ритм на весь предстоящий день. Ранний подъем, веселые и добрые мысли долго поддерживают хорошее настроение, бодрость духа.

Наконец сделаны последние приготовления, подкачана резиновая лодка.

Поднявшееся над гористым горизонтом яркое, оранжевое солнце обещает мне приятное и интересное плавание. Я подставляю ему распахнутую грудь и лицо.

После беспокойной ночи становишься особенно чувствительным к его ласкающим лучам. А легкий ветер, то и дело налетающий с разных сторон, тихо и ненавязчиво рассказывает мне очередную таежную сказку или делится своими потаенными мыслями. О, сколько радости приносит яркое осеннее утро!

Изгибы русла и все протоки, по которым предстоит сегодня пройти, давно и очень хорошо мне известны. Многочисленные места, где торчат из-под воды и неглубоко под

ее поверхностью острые жерди и тычки, я заблаговременно обхожу. Здесь запросто можно проткнуться или даже порвать в клочья надувную лодку и в считанные секунды пойти на дно или попасть в довольно частые, зияющие чернотой глубоких вымоин завалы.

Выбраться из-под заломов живым вряд ли кому когда-либо удавалось. Попавшая в самую сильную струю водяного потока лодка неизбежно затянется со всем содержимым под гору деревьев и жердей, а появившись по другую сторону залама, вряд ли может быть восстановлена. Если, конечно, будет кому ее восстанавливать.

В отношении безопасности верховья реки Буюнды требуют к себе особенно пристального внимания сплавщиков. Русло в этих местах часто расходится на несколько рукавов, и каждый из них, как правило, имеет несколько заломов и большое количество смытых и затопленных с корнями крупных деревьев.

Ласковое осеннее солнышко, побывав некоторое время на светло-голубом и совершенно безоблачном небосклоне, покатило к дальним остроконечным гольцам. Щебетавшие с раннего утра лесные птички одна за другой стали замолкать. Лишь речные перебаты по-прежнему грохочут, не могут о чем-то договориться, как, впрочем, и перекричать друг друга, а танцующие на них сине-зеленые, с лазурными гребешками волны, словно играя со мной, то и дело заплескивают через низкие борта лодки одну порцию брызг за другой.

Уже несколько часов подряд, слева, за стеной плотного пойменного леса наблюдаю весьма густые, регулярно подновляемые столбы пыли, которые не только не оседают, но и даже, наоборот, становятся еще выше и распространяются на все ближайшие окрестности. Газопылевая атака известного противника и никак иначе. Постоянно слышит-

ся отдаленный и приглушенный лесами и шумом реки рев автомобильных моторов. И где-то в устье таежной речки Хурчан временами раздается грохот ружейной пальбы. А над рекой мимо меня то и дело проносятся на предельной скорости небольшие стайки чирков, крохалей и серых уток. Некоторые из них при виде моей лодки предпринимают всевозможные маневры, очевидно, упреждая этим возможные попытки их обстрела.

Нет никакого сомнения, что в тех местах, откуда летят запуганные утки, развлекаются охотой на водоплавающую дичь колхознички из близрасположенного животноводческого хозяйства. Я решаю оседлать дорогу и проверить возвращающихся с охоты тружеников сельского хозяйства.

Когда-то, во времена сталинских лагерей, здесь производились очень интенсивные лесоразработки. Во многих местах до сих пор лежат в траве и кустарниках колючая проволока, нагромождения всевозможных железных изделий и агрегатов. Середина двадцатого столетия оставила о себе память не только в виде ржавеющего во многих местах железа, но и вырубкой самых высокопродуктивных участков тайги и обширнейшими лесными пожарами.

Очевидно, что достичь прежнего величия колымская тайга сможет лишь через двести и более лет. Ныне живущим уже никогда не придется видеть в полной мере великолепии и красоты местной природы. Такой, какой она была в начале столетия.

Когда начало смеркаться, я наметил на одном берегу место ночевки, но направил свою лодку к противоположному берегу. Причалив в небольшой лагуне, я прячу свое плавсредство в прибрежном ивняке, оставляю возле него заметный в темноте ориентир и ускороленным шагом направляюсь к таежному проселку.

Полторачасовое ожидание в засаде возле дороги ничего не принесло. Последние две «Нивы» на моих глазах проскочили в сторону поселка и растворились в начавшем было редеть пылевом облаке. На некоторое время на придорожную тайгу опустилась тишина.

Но вот, когда последние лучики солнечного света скользнули по верхушкам самых высоких лиственниц, раздался неясный шум. Показалось, что планирует самолет с выключенным двигателем. Через мгновение огромная, в несколько сотен особей, стая белых куропаток пронесется над моей головой и приземлится в паре сотен метров от меня на свободные от ерника и кустарниковых ив лужайки. В ту же секунду окрестности оглашаются истошными криками куропачей. Кого-то гомерический хохот птиц повергнет в самый неподдельный ужас, другой, менее пугливый, примет тарактение куропача за «лай» крупнокалиберного станкового пулемета. Во всяком случае, и ту и другую реакцию людей мне уже доводилось наблюдать.

Теперь же пришлось слушать беспрестанный грохот нескольких десятков «ДШК» и «Горюновых». Не остановил их даже одиночный выстрел, которым я добыл себе на ужин одного из крикунов. Стая просто сместилась в сторону от опасного места, и убыль одного члена стаи никого не напугала и не обеспокоила. Было немалое желание подстрелить еще несколько птиц и устроить себе царский завтрак и обед на следующий день, но времени на сие приятное занятие уже не оставалось.

Стремительно выдвинулась ночная темень. Все погрузилось в непроглядный мрак. Продвигаться к берегу приходится уже на ощупь. Поначалу пробую подсвечивать себе фонарем, но почти сразу отказываюсь от этой затеи, так как замечаю отпечатавшийся в глинистом грунте след огромной медвежьей лапы.

Судя по некоторым признакам, где-то поблизости у мохнатого хищника постоянный маршрут, по которому тот периодически обходит свои обширные владения. Перспектива быть замеченным по лучу карманного фонаря никак меня не устраивает. Поэтому иду крадучись, часто прослушивая лесные шорохи. Медведь, если он не потревожен, передвигается с некоторым шумом, что дает незначительный, но все-таки шанс услышать его первым.

Передвигаться в ночной мгле мне помогают хорошее знание местности и немалый опыт ночных переходов. Иногда охоту на различных зверей, засады у привады и солонцов нужно делать именно в ночное время суток. Умение ориентироваться в темноте – обязательный элемент в полевой выучке мало-мальски опытного зверобоя.

Наконец, в крошечной полуночной тьме переправляюсь на другой берег.

Вот и знакомое нагромождение нанесенного еще в весенний паводок всевозможного плавника. Это неистощимый источник дров для ночного костра и материала для устройства ночлега.

Полчаса интенсивной работы – и бивуак готов, заготовлена груда сухих, в два метра длиной бревен и жердей, затеплился в глубине галечной косы небольшой, для готовки легкого, из суповых концентратов ужина, костерок.

Куропатку пришлось оставить на утро.

Внезапно зашевелилась поставленная на борт и служащая укрытием от ветра со стороны реки надувная лодка. Поднимаюсь и сразу замечаю горностаю. Совсем уже белый, он отчаянно пытается вытянуть из-под края лодки добытую мной за рекой дичину. При этом настырный зверек упирается всеми четырьмя лапами и без какого-либо страха наблюдает снизу за мной двумя черными бусинками маленьких, любопытных глаз.

Наконец, это ему удастся, и удивительно быстро и сноровисто горностайка волочет белую куропатку под завал. Как бы было интересно пронаблюдать за ним до конца, но жертвовать куском дичины я не собираюсь, поэтому отбираю у воришки куропатку и бросаю ее в рюкзак, который лежит у меня в ногах, сверху для надежности закладываю ее запасной одеждой. А зверек тем временем сердито ворчит под бревнами. В свете фонаря его глаза горят двумя злыми зелененькими огоньками.

Все так же шепчут и бормочат ночные перебаты обмелевшей к осенним холодам реки. В небе многозначительно мерцают и перемигиваются яркие полуночные звезды. Ночь снова безлунная и очень морозная. Слышно, как где-то неподалеку переправилось через реку небольшое стадо диких северных оленей. Громыкнули камешки под их копытами, стукнули друг о друга олени рога, и снова все стихло.

Под утро, в самые предрассветные часы, какой-то крупный зверь вывалился сквозь кусты на противоположный берег, затем, очевидно без всякой опаски, плюхнулся в воду и поплыл. Послышалось сопение. Вот он вышел на косу, отряхнулся и... пошлепал голыми пятками по прибрежной гальке в сторону моего расположения. «Медведь!» – ожгла сознание запоздалая мысль. Титаническими усилиями пытаюсь заставить себя пошевелить руками. Вместо этого откуда-то из глубин подсознания приходит совсем другая команда. Напрягаются совсем не те мускулы, которые, казалось бы, нужны. Деревенеют руки и ноги, все тело. Отчаяние от бессилия что-либо сделать железной рукой сжимает горло, оставляя только возможность незаметно дышать верхушечками легких. А зверюга уже поравнялся с кострищем. Не убавляя хода, шумно втягивая воздух, хищник проходит мимо. Зашелестела на краю галечной косы

пожухлая травянистая и кустарниковая растительность. Через несколько мгновений снова наступила тишина.

Лишь с первыми лучами солнца начинаю приобретать способность двигаться. Отряхиваюсь от налетевшего за ночные часы на одежду пепла. По давно укоренившейся привычке все измерять, взвешивать и подвергать анализу иду искать следы ночного пришельца. Все еще болит затылок, мышцы бедер сводит судорога. Но, постепенно разминая мышцы и суставы, продвигаюсь к месту переправы медведя.

Наконец, узреваю мокрое пятно, не успела еще испариться влага. Дальше, дальше, а вот и четкий отпечаток лап на полоске аллювия. Измерив его, определяю, что это был очень крупный зверь, следы которого мне уже попадались за рекой, и теперь, вероятно, он прошествовал в места своего зимнего сна.

На этом сюрпризы ясного осеннего утра не закончились. Когда я начал раскрывать запакованный рюкзак и предвкушал уже скорый завтрак из великолепной дичины, из-под походного снаряжения и одежды показались груды белых перьев и обглоданный киль куропатки. Ночной ворюшка горностаи все же умудрился пробраться к моим припасам. Ну что же, скоро начинается сезон охоты на пушных зверьков, и удачливый карманник одним из первых будет пойман, ободран, натянут для просушки на стандартную правилку. Бесплатные обеды, как и сыр, бывают только в мышеловках.

Тем не менее я с некоторым сожалением разрушаю эту сюрреалистическую картину. Будь здесь Сальвадор Дали, он непременно перенес бы все увиденное на свой холст. Все же вид обглоданных костей и окровавленных куропаточьих перьев и нежных, почти невесомых пушинок наводит на мысль о некрофилии. Посему я в следующее мгно-

вание выбрасываю останки куропаха на прибрежную гальку. Тихое, едва заметное со стороны течение реки принесло мою лодку к началу глухой полузаросшей травянистой и древесной растительностью протоки.

Вкладываю в футляр полевой бинокль, через который только что обозревал укрывшиеся за густой порослью прибрежного тальника и посыпанные облетевшей уже лиственничной хвоей кедрового стланика каменистые берега реки.

Несколько едва слышных всплесков воды – и резиновая лодка, подгоняемая разлапистыми веслами, с разгона утыкается в вязкий илистый грунт по краю старицы. В последней весьма редко бывает солнце, особенно осенью и зимой. Разве что в ранние утренние минуты заглянет сюда его заблудший лучик. В остальное время суток здесь царят полумрак и вечная сырость. Даже поредевшая после сильных заморозков и ветров и пропускающая вследствие этого к поверхности почвы намного больше света, чем хотя бы полмесяца назад, хвоя листвягов не скрашивает впечатления заброшенности, угрюмой забытости этого, редко посещаемого людьми места.

Перенесены в укромное место снаряжение и попутная лодка. Поправлена амуниция и перезаряжен магазин пулаutomата. Теперь в нем только высокоточные пулевые патроны.

Отсюда начинается моя собственно инспекторская работа.

Роль «чистильщика» сама по себе не может приносить особенное какое-то моральное удовлетворение. Но в некоторых обстоятельствах и в определенные периоды работа оперативника бывает крайне необходимой, и выполнять ее, соответственно, необходимо на самом высоком профессиональном уровне. Ясно, что иногда бывает нелег-

ко совмещать три отличающиеся друг от друга ипостаси. А именно: выполнять одновременно работу ученого-исследователя, специалиста-ресурсоведа одной из отраслей народного хозяйства и наконец инспектора-оперативника, выявляющего конкретные нарушения одной из областей законодательства.

Совершенно очевидно, что если все это вместе взятое получается, и к тому же на великолепном профессиональном, то есть с точки зрения общественно необходимых затрат совершенно достаточном уровне, то цены таким полевым исследователям, инспекторам надзора и специалистам отрасли природопользования просто не может быть. Каждый день их полевой и иной работы отмечен втрое более высокой общественно полезной эффективностью.

...Хрустнула под резиновым сапогом заплесневелая валежина. В ту же секунду из-под ближайшей кучи сухих веток и сучьев стремительно выскользнул заяц-беляк. Он уже в белой зимней шубке, но все-таки с еще заметными остатками летних волос по всей снежной поверхности меха. Еще не выкунил, скажут охотники на пушного зверя. А глаз! Какой глаз! Пронзительный. Негодующе-свирепый. Вот те на!

Вот вам и трусливый зайчишка из сказок для детей. Зверек отбежал метров на двадцать и, усевшись на бугорочке, совершенно безбоязненно наблюдает за всеми моими действиями. Устроился он прямо на моем пути, а вспугнуть его никак нельзя, так как может появиться там, где видеть его сейчас никто не должен. Поэтому обхожу его стороной, продираясь при этом сквозь всевозможные заросли. Оглядываюсь и узреваю, что заяц привстал на задних лапках и, не то торжествуя, не то недоумевая по поводу моих маневров, подпрыгивает свободными передними конечностями. Все-

го, что произошло, он еще в своей короткой заячьей жизни не видел. Цель моих маневров самая прозаическая. Река Буюнда в этом месте упирается в очень протяженную базальтовую стену и, проскальзывая под ней, поворачивает в сторону, образуя при этом огромный, почти в километр, длинный широкий и тиховодный плес.

Каменная скала при всем этом нависает над водной гладью черной и хмурой глыбой. Почти по всей макушке ее размножились густые заросли кедрового стланика, а в подстилке под редкими, но кряжистыми лиственницами плотным зелено-маслянистым ковром расстился густой и пышный брусничник.

Глубина плеса на всем протяжении каменной громады такая, что на дне реки кажутся маленькими камешками огромные, с автомобильное колесо в диаметре, булыжники и валуны. Человеку, имеющему мало-мальскую подготовку в военном деле, сразу станет очевидным, что тут не только одного человека, а целиком взвод можно безнаказанно перестрелять и отправить на дно, на съедение рыбам. Поэтому, устроившись поудобнее на опавшей листве чозений и тополей, из глубины темного пойменного леса начинаю тщательнейший осмотр противоположного скалистого берега.

Незаметно для самого себя начинаю любоваться заливыми нежными лучами теплого вечернего солнца берегами Буюнды. Забыв на некоторое время обо всем, то через бинокль, то невооруженным взглядом осматриваю все окрестности около часа-полтора.

Наконец, когда угасающий солнечный свет последний раз упал на волнующуюся поверхность воды, а блики его заиграли, заискрились ослепительной, серебристо-оранжевой дорожкой, поднимаюсь с холодной лесной подстилки и без всякой опаски выхожу из своей засады на открытую со всех сторон галечную косу.

Мне хочется взглянуть на солнечный диск, наполовину скрытый островерхой вершиной огромной конусообразной сопки. Каким-то необъяснимым образом картина вечернего заката начинает навевать грустные мысли и чувства. Видимо, таково действие ежевечернего ритуала прощания осеннего солнышка с посветлевшей и обмелевшей, несущей множество опавшей листвы чозений, ив и тополей рекой.

Стремительной хищной птицей накрыла ночная мгла прибрежные скалы и кряжистые деревья. Только нестихающий шум водоворотов у подножия скал и далекого речного переката тревожит слух. Лишь огромная черная сопка, выделяющаяся на фоне светлого звездного неба, позволяет хоть как-то ориентироваться в пространстве.

Я держу курс прямо к подножию этой сопки. На берегу одного из ручьев, каскадами маленьких водопадов вливающих свою драгоценную, студено прозрачную воду в Буюнду, стоит наскоро сколоченный барак. Место, выбранное для постройки, очень живописное, густо поросшее кедровым стлаником и вполне зрелым листвягом, а в глубине распадка, в устье которого стоит избенка, есть даже небольшая осиновая рощица. Чахлые, обреченные на вымирание родственницы тополя душистого сохранились в бассейне Буюнды еще со времен голоценового оптимума, когда граница лесов продвинулась почти везде в Евразии далеко за Полярный круг и отстояла от теперешней в 150–300 километрах севернее. Само собой, продвинулись к северу и многие теплолюбивые виды растений. И вот теперь мы становимся свидетелями заключительного акта природной драмы – исчезновения последних рощиц теплолюбивой осины. Похолодание все более прогрессирует из столетия в столетие так, что никакой парниковый эффект скоро не в силах будет ме-

шать естественным изменениям климата и всей, чрезвычайно зависимой от него живой природы.

Пока же все, как обычно, вытасил и перевернул лодку. Поднялся по невидимой в темноте и хорошо утоптанной тропиночке на довольно приличную площадку на склоне сопки. Последняя образовалась относительно недавно – две, полторы тысячи лет назад – в результате оползня части горного склона. Что было причиной – таяние ледовых жил в склонах сопок и гор или ставшие во много раз более полноводными, по сравнению с ледниковыми временами, реки и ручьи подмыли подпирающие снизу груды щебня, почвы и растительности на ней, трудно сказать однозначно. Нужны специальные исследования.

Но тем не менее получившаяся в результате природного катаклизма приподнятая над поймой реки площадка являет собой очень удобное место для остановок на отдых, ночлег. С нее хорошо видны излучина реки, а также на многие километры долина самой Буюнды.

На хорошо оборудованном невдалеке от жилища кострище я разжигаю костер, ставлю на него наполненный ледяной ручьевой водицей чайник и беру за полевой дневник.

Свежевыстроенный барак принадлежит одному из отродий достойной жалости и сочувствия ветви человечества, именуемой хомо советикус, которую я давно мысленно назвал, отдавая дань закрепившейся в биологии традиции бинарной номенклатуры, браконьерусами оротуканусами. Вклад этой части человечества в разрушение местных биологических систем весьма приличен. Этому есть вполне исчерпывающее объяснение. Но никак не обязывающее к проявлению сочувствия или тем более какого-либо оправдания.

Большинство разбойничающих на реке Буюнде и дру-

гих притоках верховьев реки Колымы проживают в довольно приличном по благоустроенности и развитости инфраструктуры городке Оротукан. Эвенкийское название речки, на которой стоит поселение, к сожалению, никак не связано с абсолютным большинством его жителей. Все они прибыли в разные годы из-за Каменного пояса с берегов Днепра, Днестра, Волги на банальнейшие заработки. Нет ничего предосудительного в естественных человеческих потребностях, важнее, как они проявляются, в каких формах, обстоятельствах удовлетворяются.

Психология временщика, делающего в кратчайшие, как ему очень желается, сроки состояние, обеспечивающее ему на остаток своей и своих потомков жизни высокий уровень материального благополучия, часто не считаясь с различного рода издержками, без выбора достойных средств и способов, почти всегда означает полное уничтожение не защищенных государством, местным обществом ресурсов. К сожалению, первыми в этом ряду всегда оказываются природные, находящиеся в диком состоянии и пользующиеся всегда большим потребительским спросом биологические ресурсы – леса, населяющие их животные и обитающая в водоемах рыба ценных промысловых пород.

Городок этот довольно развит в индустриальном отношении, поэтому жители его почти всегда прекрасно оснащены транспортом для воды и для суши, всевозможными снастями и оружием. Учитывая их многочисленность и подогреваемую духом соперничества предприимчивость, а также и то, что очень большое число оротуканусов к тому же добывает золото в многочисленных старательских артелях и тем самым приводит в негодное состояние, без всякой, конечно, рекультивации, огромные площади земной поверхности, вклад их в экологическое неблагополучие региона трудно переоценить.

Застучала крышка на вскипевшем чайнике. Брошена в бурлящий кипяток изрядная порция цейлонского черного чая. И через две-три минуты бодрящий, ароматный напиток готов.

Догорающий во мраке ночи костер совершенно не дымит. Только сильный жар от раскаленных до яркого красно-желтого цвета углей да тепло зажатой в ладонях кружки горячего чая распространяют в пространство под пологом листвягового леса невидимые тепловые лучи.

Оранжевые мерцающие угольки легко и совершенно естественно дают нужный настрой мыслям. Начинается своеобразный, даже мной самым трудноуловимый разговор с пляшущим сине-красными язычками пламенем костра, с мигающими крохотными протуберанцами раскаленными кусками древесных углей. Постепенно, исподволь я вникаю в иной, полный таинства и скрытого могущества мир.

В ночной тиши громко зашуршали осыпающиеся из-под когтистых лап зверя мелкие, листовидные осколки сланцев. Я не вижу, что творится в темноте вокруг избушки, но посредством слуха достаточно точно определяю, что сзади и справа от меня, по сложенному из длинного ряда миниатюрных, почти совсем разрушившихся и скрытых зарослями стланика и лиственниц каменных останцев склону, вышел очень молодой, полутора лет от роду, бурый медведь.

Появление мохнатого зверя не является для меня неожиданностью. Я давно наблюдаю за ним и с каждым разом все более убеждаюсь, что этот зверь обречен. Глупый медвежонок повадился ходить к бараку, возле которого хозяйева и довольно частые посетители всегда разбрасывают пищевые отходы, пустые емкости от продуктов, что всегда привлекает всеядных медведей, для которых пропитание означает большие затраты физических сил и времени.

Само собой разумеется, что смышленное животное, если есть возможность насытиться с наименьшими потерями энергии и времени, обязательно воспользуется ею.

На том участке реки, где безраздельно хозяйничают оротуканусы, очень низка, по сравнению с соседними территориями, численность промысловых копытных зверей, боровой дичи и пушных зверьков. Очень сильно из-за постоянного перелова подорваны запасы хариуса и сига-валька. Ленок на этом участке водных угодий отсутствует очень давно.

Положить конец затянувшемуся грабежу биологических ресурсов уже пытались неоднократно, но без видимых успехов.

ГЛАВА 2. ВЕТЕР, ПЕСНЮ МНЕ СПОЙ...

Чуть забрезжил осенний рассвет. Сквозь полуосыпавшуюся, но еще сохраняющую свою, по-осеннему спокойную, желто-зеленую прелесть лиственничную хвою заглянули в глухой распадок первые солнечные лучики. До этих мест еще не добралась зима в той степени, как уже случилось в верховьях реки.

Восток небосклона продолжают занимать две блистающие ярким, голубоватым отсветом планеты. Словно забывшись в упоительном любовном танце, Марс и Венера не замечают надвигающийся и, казалось бы, нехотя, не по своей воле разоблачающий их космическую связь день и излучают сквозь морозный утренний воздух возбуждающий самые разнообразные мистические фантазии звездный свет.

Но вот, в последний раз заговорщицки подмигнув мне, обе великолепные планеты растворяются в ослепительном пламени рассветного солнца.

С сегодняшнего утра мне предстоит весьма неблагодарная работа охотничьего инспектора, чья деятельность всегда была сопряжена со многими трудностями.

Шершавые, непропорционально широкие ладони привычно ложатся в отшлифованные места на веслах. Потрепанная в бесконечных сплавах и переправах резиновая надувная лодка безропотно несет по колыхающей водной глади полуторacentнерный груз.

Впереди, на всем двухсоткилометровом протяжении реки, где мне необходимо исполнить надзорные функции, насчитывается более двух десятков избышек, землянок, барачков и балаганов. Все они бывают в теплое время года заняты либо рыбаками и охотниками, либо прячущимися в таежных дебрях хищниками-золотишниками. Иногда попадаются на пути немногочисленные группы туристов и другого праздного люда из числа отпускников и пенсионеров.

Большая часть таежных жилищ, как правило, бывает оккупирована жителями соседнего административного района, главным образом из городка Оротукан, или оротуканусами. Иногда, в течение одного только рейда, нами бывало встречено чуть более ста человек на участке реки всего в тридцать километров. Ясно, что это были прекрасно вооруженные огнестрельным и холодным оружием, оснащенные моторными лодками и катерами рыбаки и охотники.

Даже на первый взгляд на этой реке антропический пресс превышает все мыслимые пределы. Причем фактор беспокойства, сам по себе достаточно губительный, является довольно безобидным элементом антропогенного

давления по сравнению с прямым уничтожением промысловых и не являющихся таковыми биологических ресурсов.

В первой же виске, с достаточно глубокой и проточной водой, замечаю двух больших крохалей. Сквозь призмы полевого бинокля хорошо различимы все их отличительные признаки. Обе птицы поочередно, с мерами предосторожности, окунают под водную поверхность снабженные зубатыми клювами головки и что-то там старательно выискивают. Очевидно, перелетные птицы стараются как можно полнее использовать время отдыха и как следует наполнить зоб водными насекомыми и червями – обычным кормом крохалей.

Мне же предоставилась великолепная возможность обзавестись свежей дичиной. Мясо крохалей не отличается сколько-нибудь выдающимися вкусовыми качествами, и поэтому многие охотники редко употребляют его в пищу, предпочитая использовать добытых уток в качестве приманки для пушных видов зверей.

Но я очень хорошо знаю, что все следующие дни можно пройти по реке многие десятки километров, но так и не встретить сколько-нибудь подходящей для добычи птицы. Ее выбили задолго до открытия сезона охоты многочисленные шайки оротуканусов.

Вокруг их примитивных балаганов и избушек валяются в изобилии не только груды консервных банок и стеклопосуды, но и тушки убитых без всякого прока, еще не переживших белок, дятлов, чаек и кукш. Частенько прогуливающийся по их кострищам ветер разносит по всей округе куски содранной с невыкунивших зайцев кожи с шерстью, кучи пуха с расстрелянных полупьяными стрелками камешков и гагар.

Поэтому все же решаюсь добыть эту парочку. Направив

лодку поближе к галечному берегу, я очень осторожно, не создавая много шума, перезаряжаю свой полуавтомат на дробовые патроны. Подгребаю веслами к высокой галечной косе, чтобы оказаться как можно ближе к уткам в момент, когда те должны будут заметить меня.

Парочка крупных уток, обнаружив вблизи себя охотника, почти одновременно захлопала серыми, с белой полоской, крыльями и заработала красными перепончатыми лапками, стремясь побыстрее подняться на крыло, и уже было сделала это, когда мне пришлось одним коротким и хлестким дублетом покончить с обеими птицами.

Подбираю долго трепыхающуюся на воде пернатую дичь. Стрельба по уткам давно уже не удовлетворяет меня как любителя ружейной охоты. Редки случаи, когда приходится убивать их больше, чем нужно для предстоящей трапезы. Наверное, еще в далеком своем, сибирском детстве отстрелял всех «своих» зайцев и уток. Я еще захватил те благословенные времена, когда дичи было полно и не возбранялось десятилетним пацанам шляться сутками напролет по окрестным лесам и болотам, держа наперевес двуствольные, трехствольные «зауэры», ТОЗ-БМ, «ижевки», а особенно везучим и малокалиберки с боевыми карабинами. Дичи почему-то от такого рода вседозволенности не становилось меньше, и преступлений, связанных с охотничьим оружием, не наблюдалось чаще, чем обычно. Видимо, времена, как и люди, могут сильно меняться.

На подходе к одному, выстроенному в укромном, скрытом от посторонних глаз месте довольно ветхому бараку замечаю какое-то движение. В густом, высоком кустарнике идет какое-то двуногое, более двух метров ростом существо. «Ах! Наверное, йети! Нет», – вовремя замечаю, что двуногая особь в обыкновенной рабочей спецовке. Значит, оротуканус.

Огромная, весьма неповоротливая туша подходит к сухому и довольно толстому дереву, несколькими движениями вырывает его вместе с корнями и, держась за вершину, тащит его по тропе в глубь леса. Я быстро и неслышно подбегаю сзади и пристраиваюсь за корнями чозении. При этом с неподдельным интересом начинаю изучать отшельника. Тот без видимых усилий тащит по узкой, очень неудобной для передвижений тропке дерево и никак не соизволит оглянуться. Шум ветвей надежно заглушает звуки моих шагов, поэтому я преспокойно разглядываю человека и не могу надивиться. Толстая, спадающая огромными складками шея выглядит намного толще головы. Она определенно мешает хозяину обозревать окружающее пространство, иначе он давно заметил бы меня.

Наконец пешеходная тропа круто заворачивает в сторону и тут же выходит на хорошо утопанную площадку перед жилой хижинкой. Все, кто был в этот момент у жилища, в том числе и отслеживаемый мной тучный, как откормленный на сало боров, гигант, замечают меня.

– Ого-го! Кто к нам пожаловал! – раздаются радостные вопли.

Все ясно. Здесь прячутся от дикостей современной цивилизации несколько старичков пенсионеров. В небольшой отшельнической компании они все давно наскучили друг другу. Любому новому члену или даже посетителю бывают рады как свежему глотку воздуха. Некоторые из обитателей дощатого барака знакомы мне.

– Попей чайку с нами, Эд.

– Спасибо. Но некогда, мужики.

Здесь нечего делать. У пенсионеров всегда порядок и тишина. Редко какой негодяй с ружьишком подселается к ним и палит с утра до вечера по всему, что летает, плавает и бегаёт.

Еще несколько балаганов проверены мной в этот день. Большинство из них оказалось пустым. Двухногие обитатели покинули их за один-два дня до моего прихода. Каким-то образом люди вычислили время очередного появления инспектора в этих краях и спешно исчезли, оставив после себя еще теплые печки-буржуйки да характерные, частенько только для оротуканусов, археологические культурные слои.

В малопримечательном издали устье впадающей в Буюнду грязным, песочно-илистым потоком реки Гербы передо мной друг появляются с полдюжины свисающих с густо заросшего ольховником и тополями обрывистого берега удилищ. Несколько весьма угрюмого вида и очень недружелюбных оротуканусов пытаются выловить какую-то рыбешку в чрезвычайно мутной, кофейно-молочного цвета речной воде. Последняя имеет такой цвет, оттого что в бассейне реки Гербы множество старательских артелей добывает из россыпных месторождений золотой песок и самородки. Их промывочные приборы без перерыва работают с ранней весны до поздней осени. Причем оротуканусы нередко совсем не заботятся о чистоте сбрасываемых после промывки драгоценного металла речных вод.

Дно реки Буюнды до очередного дождевого паводка или даже до весны будет покрыто толстым слоем липкой и скользкой оболочки из мельчайших глинистых частиц, представляющих из себя нечто вроде коллоидного раствора и суспензии. Известно, что и то и другое чрезвычайно долго сохраняется, нарушая тем самым нормальную жизнь водоема.

Ряд заросших волосней, потемневших от загара мужиков выстроился вдоль береговой линии и сосредоточенно наблюдает за скачущими на частой, сбойной волне разноцветными и разнокалиберными поплавокками.

Я причаливаю к заводу вблизи одного из оротуканусов, привязываю к свисающим на водную поверхность ветвям ольховника свою резиновую лодку и быстро поднимаюсь на обрывистый бережок. Уже стоя на тропинке, подзываю двоих ближних ко мне оротуканусов, представляюсь и прошу их быть при досмотре таежного жилища и проверке документов на охотничье оружие.

– Есть там люди. Иди смотри, – буркнул недовольно один из них, даже не отвернув взгляда от водной поверхности.

В полусотне метров от берега стоит сколоченный несколько лет назад из лиственничных жердей и обшитый рубероидом довольно вместительный барак. На кострище трещат сырые дрова и вьется в ясное небо сизоватый дымок.

Возле костра стоит тот, кого мне представили как «людей». Сухопарый, под метр девяносто жлоб, с довольно мягкой физиономией заострял огромным, несуразно широким тесаком лиственничные кольца. Очевидно, готовился к постановке на ночное время суток в одной из ближайших лагун браконьерской сети. Изготавливаемые человеком кольца очень хорошо подходили к этому предприятию.

Пышные, свисающие до подбородка усы нервно задержались, когда я сунул под нос красную корочку – удостоверение государственного инспектора – и коротко представился.

– Ну и что? Что у нас можно обнаружить? Сделай свой досмотр, попробуй.

Пока я осматриваю барак и тайники вблизи него, этот изображающий не то лихого кавалергарда, не то половецкого лучника, а может, и вовсе последнего, переквалифицировавшегося уже в запорожского казака разбойника, что поначалу и происходило в исторической реальности,

жлоб поигрывает своим ужасным оружием и с явной ухмылкой наблюдает за моей работой.

Последнее меня начинает раздражать, и во мне поднимается волна злости. Сейчас проверю, что за герой здесь объявился. Крутить бы этому безмозглому хаму титьки поселковым шлюшкам, а не вдыхать дымы таежных костров. Таким чушкам противопоказано выбираться за черту города или поселка.

Закончив досмотр, я подхожу вплотную к наблюдающему за мной оротуканусу.

– Слушай, паря! Ты хоть представляешь, какой срок можно заработать за этот самодельный кинжал?

Сам подхожу еще ближе, держа левую руку в полусогнутом виде, чтобы в любой момент отвести от себя смертоносный металл. Раньше, чем лезвие тесака коснется моей одежды, собеседник получит пару мозгов правительственных ударов.

Его бесцветные, водянистые, как у пьяниц с большим стажем, глаза сначала изображают растерянность, затем что-то вроде страха. В следующий миг готово появиться и подобострастие. «Ну вот, теперь ясно, что за эпический духоборец здесь красуется». Разворачиваюсь и иду по тропинке изучать документы у вооруженных двустволками удильщиков.

Плюхнувшись с берега в лодку, с необозримым омерзением рассматриваю струи речной воды, представляющей из себя слегка разбавленную жидкостью глиняную суспензию. «И в такой отвратительной воде еще держится хариус?»

Последний и самый отдаленный из выстроившихся в длинный ряд рыбаков удильщик, когда мое плавсредство поравнялось с ним, вдруг тихо, но достаточно для того, чтобы я расслышал, вник в смысл сказанного, произнес:

– Иди вниз. Там их намного больше.

Через несколько километров, сразу после крутого и шумного поворота реки, перед моим взором вдруг предстает какой-то мужичонка. Одетый в меховую безрукавку и толстый шерстяной свитер человек склонился над белеющей перед ним алюминиевой кастрюлей и чистит картофель. Сначала он опускает, совсем как енот-полоскун, каждую очищенную картофелину в реку, а затем уже бросает ее в кастрюлю. Длинная рыжая, судя по блеску и форме, ухоженная борода в такт его телодвижениям попеременно окунается то в мутные речные потоки, то в наполненную не менее светонепроницаемой водой металлическую емкость.

Увлечшись редким в лесу и потешным зрелищем, я неожиданно для себя оказываюсь прямо перед кулинаром, который, в свою очередь, заметив совсем рядом с собой надвинувшуюся тень, довольно резво вскочил, держа при этом впереди себя тонкое, но длинное лезвие перочинного ножа.

Поприветствовав его как можно дружелюбнее и представившись, прошу его присутствовать при осмотре кое-как сколоченного толевого балагана. Тот, не объяснив причины, наотрез отказывается это делать, всем своим видом показывая, что разговаривать в данный момент со мной ему не о чем.

По виляющей среди зарослей густой и высокой кустарниковой растительности тропинке я попадаю в тщательно укрытое от посторонних глаз жилище. На нарах из-под груды грязного тряпья торчит приклад ружья. Как раз то, что я предполагал узреть. Процедура составления протокола не занимает много времени, и я собрался было уже отчаливать от места встречи с нарушителем охотничьих правил, когда до моего слуха донеслись удивительнейшие звуки.

Со стороны устья реки Гербы, от недавно проверенных мной оротуканусов началась непрерывная ружейная пальба. Очевидно, это вновь прибывшие сплавом по Гербе оротуканусы таким буйным образом пытаются выразить свое недовольство и возмущение «бесчинством и произволом охотинспектора». Ясно, что напуганный мной хам что-то, видимо, соображает в инстинктах толпы и, как это всегда бывает, не упускает случая разжечь в ней низменные страстишки. При этом, конечно, дефективный и морально неполноценный мужлан мнит себя всамделишным героем.

Свинство всегда возмутительно. А если оно еще к тому же чрезмерно воинственно, то к естественному чувству отвращения неизменно добавляется желание поскорее отделаться от него. Пока гремят выстрелы, мне приходит в голову кажущийся единственно верным выход, созревает план восстановления «истинного порядка». А именно, решаю заночевать поблизости от них, а перед рассветом, во время так называемых быстрых снов, когда людям чрезвычайно трудно проснуться и сориентироваться, накрыть всю компанию еще тепленькой, не очухавшейся от сладких грез и сновидений.

Но в ту же секунду замечаю пристальнейшие глаза рыжебородого. Он явно желает увидеть на моем лице признаки испуга или замешательства и тут же довольно уверенно произносит:

– Может, оставишь все-таки ружье?

«Ах ты, подлый раб!» – возмущается все мое нутро. Негодование перечеркивает все мои предыдущие планы. Пальцы сами ложатся на спусковой крючок самозарядки, и в следующее мгновение хлесткий одиночный выстрел разрывает воздушную толщу. Гулкое и отчетливое эхо тотчас доносится от ближайших скал и деревьев. Пальба в

верховьях мгновенно прекращается. Все решилось просто и незамысловато. Воображение дорисовывает то, что нам не видно, – разбегающихся по окрестностям и засовывающих в опавшую листву оружие оротуканусов.

Спиной вперед отплываю от рыжего одиночки. Тот стоит с таким видом, что что-то очень важное не успел мне сказать. Его синие глазенки сверлят меня до тех пор, пока моя лодка не исчезает за ближним поворотом реки.

Очень скоро заиграли на волнах длинные тени от раскинувших над самой водой блекло-желтые кроны лиственниц. Приходится делать немалые усилия, налегая на весла, так как необходимо до наступления темноты пройти многочисленные перекаты и опасные места. Но затемно причалить к намеченному заранее месту в этот раз, похоже, не удастся.

На излучине реки, через огромную и залитую обильным светом предвечернего солнца галечную косу, замечаю две копошащиеся на берегу человеческие фигуры. Остановливаясь в полукилометре выше по течению реки. Маскирую в нагромождениях плавника лодку и, вынув из нее необходимые для дела планшеты и оружие, направляюсь к рыбакам.

Один из них, когда за спинами загремела галька, от неожиданности присел на булыжник, который только что пытался вынуть из мелкого, плотно утрамбованного гравия. Крупное, с редкими усиками лицо выражало крайнюю степень недоумения. Не ответив на приветствие, он лишь пробурчал что-то нечленораздельное, когда я спросил о том, есть ли кто у ближайшего барака. Тем не менее он показался мне более непосредственным и заслуживающим какого-либо доверия. Бесхитростное поведение его вызывало даже некоторое чувство симпатии.

Второго я отслеживал более внимательно и успел уже

отметить боковым зрением, как взволновала и растревожила его наша встреча. Резкий профиль, быстрый оценивающий взгляд, слегка задержавшийся на полевой сумке и полуавтомате и, вдобавок ко всему, характерная поза. Та, которая не позволит наблюдателю выявить достаточные для описания внешние приметы, а можно будет уловить лишь самое общее – примерный рост, тип сложения, приблизительный возраст. Но чутье профессионала подсказывало мне, что именно он чем-то серьезно озабочен и за ним следует очень внимательно присмотреть.

Совсем не ожидая, что рыбачки могут сказать мне что-нибудь достоверное, я направляюсь к стоящему в трех сотнях метрах от места встречи дощатому бараку. В окрестностях его, как и вокруг других оротуканских времянок, груды пустых консервных банок, битого стекла, пух и шерсть истребленных за прошедшее лето всевозможных птиц и зверушек.

Никого возле жилища не оказалось. Но уходить я не спешу. Из-за раскидистого, но плотного куста кедрового стланика, сквозь его длинные, уже посыпанные опадающей лиственничной охрой и листвой тополей хвоинки, я, как опытный натуралист, с превеликим интересом принимаюсь наблюдать сквозь призмы полевого бинокля за всеми маневрами оротуканусов.

Не прошло и двух минут, как происходит то, что я подсознательно ожидал увидеть. А именно, из-за огромной горы, на другой стороне реки, появляются две долговязые фигуры. Мерно покачиваясь и устало переставляя ноги, они продвигаются по каменным россыпям у подножия горы в сторону переправы.

Спустя мгновение один из рыбачков запрыгнул в резиновую лодку, оттолкнулся от берега и отчаянно, так, что полетели во все стороны брызги воды, заработал веслами.

Затем выскакивает на другой стороне реки и бежит навстречу пришельцам. Не добежав до них, кричит им что-то, показывая руками в мою сторону. Последние, сообразив наконец в чем дело, быстро обмениваются поклажей. Один из оротуканусов с ружьями в обеих руках и рюкзаком за спиной побежал, перепрыгивая с камня на камень, к прибрежным кустам. Через призмы бинокля рассматриваю бегущего, по привычке определяю его возраст, физические данные. Но больше всего меня интересует оружие, и по некоторым косвенным признакам определяю, что в руках человек держит малокалиберный карабин и двустволку. Очень неприятное, опасное сочетание. Но сознание близкой опасности подстегивает меня.

Когда беглец исчезает в зарослях ивняка и тополей, я выхожу из своего укрытия. Не спеша, как будто ничего не успел заметить, возвращаюсь к надувной лодке. Сбрасываю ее в реку и резкими и сильными толчками весел выхожу на быстрину. Течение стремительно несет меня к тому месту, где исчез вооруженный оротуканус. Я спешу, так как до того, как ожидающие на берегу люди подбегут и порежут на куски мою лодку, а поклажу сбросят в воду, мне необходимо успеть прочесать лесок вдоль впадающего в реку крупного ручья. Задача не из простых, поэтому приходится выкладываться.

Трещит и рвется по швам крытая плотным брезентом полевая куртка. По рукам и лицу больно хлещут тальниковые ветви. Бежать нужно, прикрываясь зарослями, при этом на ходу нужно вести непрерывное наблюдение за тем, что происходит вокруг, иначе можно проглядеть стрелка и позволить ему сделать прицельный, хорошо выверенный выстрел. Этого нельзя ни в коем случае допустить.

К счастью, в одной глубокой проточке замечаю сквозь взмученную ручьевую воду следы совсем недавно пробе-

жавшего человека. Стало ясно, что оротуканус принял единственно верное в его условиях решение – бежать не чужа ног, во все лопатки туда, куда глаза глядят.

Оставшиеся на берегу подвергаются досмотру. Тот из них, что переправился на моих глазах на лодке, втихаря топил мертвого зайца-беляка.

– Ну и что теперь? Влепить вам по вместимости рюкзака? Изнутри-то он весь облеплен заячьей шерстью.

– Нам кажется, что ты не умеешь проделывать подобные штучки, – забеспокоились попавшие впросак оротуканусы.

– Правильно кажется, – соглашаюсь с ними я. – Но за одного все-таки придется заплатить.

Предвечерье. Чудное, красивое время. Полное особенного, изысканного томленья. Я по-настоящему люблю и каждый раз с благоговением ожидаю его вновь.

Привычка наблюдать и на этот раз здорово выручает меня. Под скалой, у весьма угрюмого речного прижима, в закатных лучах мелькнули две физиономии. Вечернее солнце – вечный мой союзник – и на этот раз проявляет перед моим взором то, что должно быть скрыто от глаз стороннего наблюдателя.

Засада! Пронзила сознание четкая и в общем-то давно ожидаемая мной мысль. Кто же это вдруг вздумал устраивать охоту на инспектора? Волна праведного негодования и копившееся месяцами раздражение захлестывают мозг. Суки, неужто на этот раз все же заставят меня смокрушничать. Сам же быстро прячу в футляр полевой бинокль, чтобы наблюдатели не догадались, что уже давно замечены мной, а их преступные планы раскрыты.

До самого последнего момента стараюсь отодвинуться от этой, даже меня смущающей мысли. Ищу мысленно все, что смогло бы спасти меня в последующей жизни от горь-

ких минут раскаяния. С целью оттянуть миг боевого столкновения причаливаю в трехстах метрах от устья сухой протоки, где, по моим предположениям, на меня устроена браконьерская засада.

Не спеша, совершая замедленные передвижения, иду осматривать избушки, но внутри меня происходит сложная духовная работа. Трудно даже в мыслях совершить то, к чему, казалось бы, теоретически готов всегда, а практические навыки обеспечивают вроде бы стопроцентный успех.

Очевидно, правильное решение в каждом случае зависит от наличия особого и глубокого самосознания и очень твердых жизненных и духовных устоев. Их-то я и пытаюсь призвать на помощь, чтобы надежно обуздать свою обозленную и готовую при случае крушить направо и налево натуру.

Кажется, судьба оказалась благосклонной ко мне и на этот раз. Один из прятавшихся оротуканусов выволакивает на берег лодку и переправляется на мою сторону. С собой у него нет ни оружия, ни каких-либо рыболовных снастей.

– Здорово. Ты, наверное, очень устал. Я заварю чайку покрепче.

– Я спешу. Ты один?

– Нет. Второй ушел в ручей и не скоро вернется.

Обычный в подобных ситуациях диалог. Но обман никак не снимает напряжения, отчего я предельно насторожен и взвинчен, как леопард перед броском. Все должно иметь свой логический конец. Начавший действовать должен предвидеть закономерные последствия.

Проточку, где запрятался второй отшельник, я все же решаю «очистить». Возвращаюсь к лодке, сбрасываю ее в реку и по быстрине очень скоро набираю нужную мне инерцию. Течение стремительно несет мою надувную лодку к противоположному берегу. У самого устья сухой про-

токи бросается в глаза огромная, нанесенная еще в большой весенний паводок куча всевозможных бревен, жердей и сучьев. К ней-то в последний момент я и направляю коротким, но сильным рывком свою зеленую, под цвет речной мути, окраски резиновую лодку. Она со всего хода прочно ложится на прибрежные валуны.

Досылаю в патронник тяжелый пулевой патрон, еще один такой же вкладываю в подствольный магазин. Через плотный древесный завал прорываюсь в прибрежный лес. На вершине залама, с высоты двухэтажного дома замечаю притаившегося противника. Тот еще не обнаружил моего появления у себя за спиной.

Внизу, в густых зарослях шиповника, растущего посреди нагромождений валежника, он должен заметить и услышать меня. Не дай бог направит в мою сторону двустволку.

Все происходит в точности так, как мной рассчитано. Он заметил меня тогда, когда я начал сокрушать густой кустарник под пологом пойменного леса.

Вскочил на ноги и вышел на середину пересохшей протоки. Мне ничего не оставалось делать, как только, спрыгнув с обрыва на сухой гравий в протоке, отрезать ему путь к отступлению.

Оротуканус с приоткрытым ртом наблюдает за всеми моими передвижениями. В его округлившись серо-голубых глазах с красными прожилками застыли растерянность и неприкрытый страх. Человек оказался совершенно сбитым с толку.

– Положить ор-р-ружие! – слетает с моих уст армейская команда.

Загремевшее о гальку двуствольное ружье наконец-то снимает нервное напряжение и направляет развитие событий в привычное русло. Под ногами перепуганного оротукануса большой рюкзак, из которого выглядывают белые

наплава и свинцовые грузила мелкочаеистой жилковой сети-убийцы. Именно такими сетями уничтожается хариусиное и сиговое поголовье. В нее попадает вся сколько-нибудь ценная рыба, от пятнадцатисантиметровой молоди до редко доживающих в таких местах до половозрелого возраста полукилограммовых красавиц рыбин.

Все ясно. Они готовились порыбачить запрещенными орудиями лова. Перед самым перекатом, сквозь шум воды до меня долетают голоса оротуканусов.

Один из них очень обиженно произносит:

– У-бандюга.

– Ничего, ничего. Предпочитает в одиночку работать. Рискует. Можно воспользоваться этим, – успокаивает его напарник.

Нельзя сказать, что все это я пропустил мимо ушей и уж тем более что услышанное оставило меня равнодушным.

Поздним осенним вечером нагруженная конфискованными ружьями и рыболовными снастями резиновая надувная лодка утыкается в каменистый берег вблизи заброшенной несколько лет назад и безлюдной дорожной дистанции «Буркот». На этом участке реки Буюнды за одну только осень проведено больше десятка рейдов. После каждого из них возле разгруженной лодки стояли пирамида незаконных и изъятых в законном порядке ружей и груды запрещенных снастей.

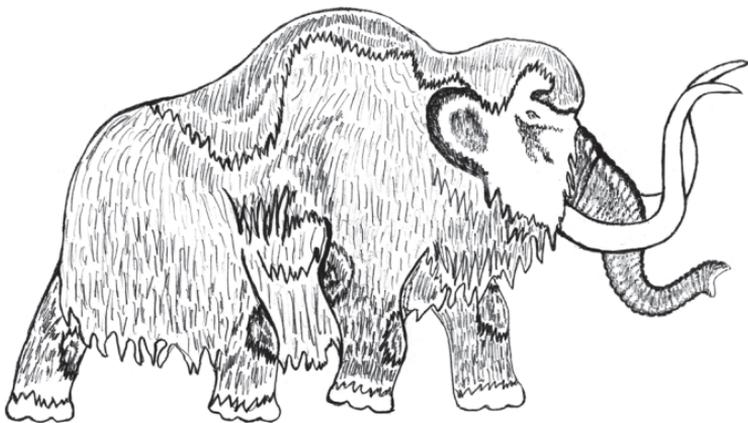
Но почему-то не было удовлетворения от итогов такой сверхудачной работы. Какие-то смутные сомнения, еще не оформившиеся в моем мозгу в четкое и твердое знание, тревожат и волнуют мою душу.

Откуда-то поднялась редкая на реках прибойная волна. Вот она захлестнула подошвы моих болотных сапог, откатилась. Но, будто спохватившись, снова легонько нахлынула, коснулась обуви и, словно успокоившись, что я все

еще здесь, не ушел от речной стихии, возвратилась в рябую поверхность танцующих волн. Может, она пыталась развеять мои сомнения? Хотела еще раз напомнить о существующих независимо от человеческих капризов неизблемых и непоколебимых тысячелетиями истинах? Грустно. Бесконечно грустно.

Этим летом в протекающем совсем недалеко от места моей высадки ручье отряд геодезистов нашел кости древних элѐфантов. Я видел эти покрытые плесенью времен и сильно расслоившиеся куски бивней.

Кто это был? Григонтериевый слон? Сибирский волосатый мамонт? Мастоdont? Что он искал в том, сейчас еще малопримечательном и глухом распадке, который в те отдаленные от нас на десятки тысяч лет времена представлял собой каменный мешок – короткое скалистое ущелье. А может, его загнали туда древние охотники? Ведь где-то на этих бескрайних североазиатских просторах сформировался мужественный и стойкий, верный своим богам тип человека.

Почему именно здесь, в самом суровом уголке палеолитической Ойкумены, древние прародители под аккомпанирующий рев арктодусов и пантер, топот бесчисленных бизонов и мамонтов совершили последний и необратимый рывок к цивилизации?

Развалившийся суперконтинент Арктида разделил некогда единый людской массив, определив тем самым их судьбы. До сих пор никто не разберет, чья из них достойней.

Легкий ветер, налетевший вдруг как раз из того распада, где нашли останки величественного животного, шевелит в прибрежных зарослях ветвями, шуршит пожелтевшей, иссохшей на осеннем солнце листвой, будто хочет что-то мне сказать. Эй, ветер, ветер... «песню о доле мне спой, на ковыли сыграй, я иду в последний свой бой за родимый и вольный край...».

ГЛАВА 3. ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ

Пыльные колымские трассы. Кто не морщился и не затаивал дыхание, когда клубящееся непроглядное облако, поднятое проходящей мимо автомашиной, накрывало человека с головой. И долго приходилось ждать, чтобы серая пелена наконец-то спала и появилась возможность хоть как-то дышать.

На такой вот, чрезвычайно пыльной, испещренной на каждом метре колдобинами щербистой дороге стоит заброшенный поселок Буркот. Громадная сопка загораживает его от лучей светила в вечернее, закатное время.

Есть особая прелесть наблюдать закаты осеннего

солнца. Видеть, как поднимается густая тень все выше и выше по склонам противоположной, еще освещенной сопки. На ее скатах вся палитра ярких осенних красок. Преобладают, конечно, кроваво-красные и желтые. Наконец остается освещенной только большая и голая макушка каменной громадины. Неужели это его последний лучик? Невыносимые мгновения. Кажется, что душа сей миг покинет грубую мускулистую оболочку и пустится в погоню за такими близкими и необходимыми ей светом и теплом.

В серых сгущающихся сумерках переносим на речную гальку лодки и нехитрый походный скарб. В предстоящий рейд вызвался меня сопровождать участковый милиционер Веня. Он давно просился участвовать в составе бригады общественников в рейдах по борьбе с браконьерством или просто в любительских сплавах по колымским рекам. Не всегда его можно было взять с собой, так как сплав по таежным рекам всегда является небезопасным предприятием и требует многих специальных знаний и навыков, а тем более борьба с нарушениями охотничьего и рыболовного законодательства.

Но в этот раз я все же решил проверить его возможности, как следует понаблюдать за ним. Перед выездом на Буюнду Веня не забыл надеть милицейскую форму, из-под летней меховой куртки выглядывают новенькие офицерские погоны.

В намеченный мной рейд по браконьерским малинам, туда, где, бывает, не ступает годами нога какого-либо инспектора, приходится отправляться ночью.

Сия мера предосторожности необходима для того, чтобы пройти незамеченными несколько километров на участке реки, где она хорошо просматривается с дороги. С вырубленной в скалах дороги наблюдатель видит, как на

собственной ладони, речную гладь на протяжении нескольких километров. Нечего говорить о том, чтобы пройти их незамеченными в светлое время суток.

Наши подозрения о том, что река в этом месте просматривается заинтересованными людьми, подтверждаются, как только мы замечаем прибывшего с противной стороны юношу мотоциклиста. Последний очень долго, вплоть до ночных сумерек всматривался в водную гладь, очевидно, ожидая сплавщиков.

Как только воровской наблюдатель загремел мотоциклетным двигателем и, поднимая клубы пыли, исчез за поворотом дороги, двинулись по водному пути мы.

Откуда-то с севера надвинулись плотные кучевые облака. Дождя, к счастью, не было, но зато яркие осенние звезды и уже поднявшаяся было луна одна за другой исчезают в мутной ночной пелене. Река все же выделяется в этой темени светлой полосой. А шум воды на перекатах и у загроможденных валунами и булыжником берегов позволяет вовремя отворачивать на мелководьях от острых граней каменных осколков. Там, где есть возможность идти прямолинейно, я бросаю весла, вынимаю из футляра полевой бинокль и тщательно осматриваю появляющиеся из-за поворота и выделяющиеся на фоне водной глади неясные очертания речных берегов.

Широкий и очень мелкий плес с огромными поросшими водорослями валунами посередине заставляет нас спешно покинуть лодки и идти по воде, держа последние за концы капроновых тросов.

Вдруг впереди, прямо по ходу, хищно резанул ночную тьму белый луч довольно мощного фонаря. Нам ничего не остается, как взгромоздить груженные лодки на большие плоские валуны посреди реки и привязать их фалами за камни же.

Низко пригибаясь, выбираемся на пологие каменистые берега. Отсюда сквозь призмы бинокля всматриваюсь вдоль береговой линии. И замечаю очень скоро, что от воды к зарослям ивняка торопливо уходят трое. У одного из них над плечом выделяется черной полоской ружейный ствол. По всему было видно, что кто-то из них заметил подозрительное движение и всплески воды под нашими сапогами и предупредил увлеченных рыбной ловлей напарников.

Уже на берегу ко мне подбегает Веня и полушепотом спрашивает:

– Ты что-то заметил? Где? Я ничего не вижу.

– Трое уходят в заросли. Те, что слева. Значит, так. Пройдись вдоль косы у самого уреза воды, заодно прислушайся к тому, что в лесу будет твориться. Понадобись – позову. Сам не лезь, а то прирежут как поросенка, пикнуть не успеешь.

План «работы» с самого начала прост и надежен. Нужно в первую очередь отсечь браконьеров от высокоствольного материкового леса, заставить затаиться в густом ивняке. Дело привычное, не однажды уже приходилось вылавливать в густой растительности попрятавшихся нарушителей.

Первый пробный забег делаю вдоль зрелого высокоствольного пойменного леса, второй, уже в обратную сторону, – по густым зарослям тальника и чозений. Тут, конечно, все оказалось намного сложнее. Нужно быстрыми рывками преодолевать заросли, периодически останавливаясь на несколько мгновений в тени ивового молодняка. Нужно при этом очень внимательно прослушивать лесные заросли и снова по зигзагообразному маршруту прочесывать куртины порослей.

«Не стоять в просветах между кустами», – даю себе

жесткую команду, так как становлюсь в этот момент отличной мишенью для того, кто прячется в засаде. Сердчишко тарабанит скорострельным пулеметом, мешает мне прослушивать растительность. Но поначалу никто не шелухнулся, не вздохнул напряженно, не сменил неудобную позу. Приходится идти на некоторые хитрости.

Отбежав немного, кричу вдоль зарослей:

– Мужички, чего же вы испугались? Свои ведь, о двух ногах.

Произошло то, что должно было случиться. Не выдержали нервишки у того, кто больше всего дрожал. Это, конечно же, был вооруженный оротуканус. Как смертельно напуганный зверь, понесся человек сквозь тальниковую чащобу. С места делаю спринтерский рывок и пытаюсь догнать, пока тот бежит еще в зарослях. Под шум сокрушаемых беглецом ветвей необходимо сократить до максимално возможного расстояние между нами, напрыгнуть на него сзади. Ошеломить. Подавить волю. В такие мгновения человек превращается в сгусток сокрушающей энергии, им управляет уже не рассудок, а что-то или кто-то совсем другой, из запредельных для понимания высот.

Но поздно. Оротуканус уже успел проникнуть под полог высокоствольного лиственничника. На густом брусничнике шаги его почти не слышны. Зато, в свою очередь, сам он может, обнаружив погоню, укрыться за подходящее дерево и, когда я буду хорошо различим в темноте, встретить меня выстрелом в упор. Что в общем-то, учитывая обстоятельства, будет логично.

Спешно возвращаюсь к тем, кто еще прячется. Одного из них удалось обнаружить очень быстро. От него на добрый десяток метров вокруг несло тройным одеколоном. Очевидно, что уотребил его не по назначению. Зову к

себе, в густые и небезопасные все еще заросли, милиционера Веню.

– Ой! Кто это?! – вдруг неожиданно вскрикнул участковый.

Из-под толстых полугнилых валежин выползает еще один, недостающий оротуканус. Веня, перешагивая через препятствие, случайно наступил на него, но не испугался. Молодец.

– Документы есть?

– Откуда? Зачем они в тайге.

– Тогда пойдем искать сети.

В матерчатой сумке с несколькими десятками молодых хариуса лежит тот самый фонарь, лучи которого позволили обнаружить браконьеров. Теперь он служит нам, и, подсвечивая им, мы продвигаемся вдоль береговой линии.

Вот в ярком луче фонаря показывается длинная, с очень мелкой ячейей рыболовная снасть.

– Позорники! Губят всю молодежь, – возмущается Вениамин.

Но оротуканусы, к кому обращены слова, нас уже не слушают. Они, будто сговорившись, очень резко рванулись с места и пустились наутек. Из-под их резиновых сапог во все стороны разлетаются галька и высекаемые камнями искры. А в свете трофейного фонаря весьма часто замелькали сильно потертые локти курток и подошвы сапог. Остается только для острастки посвистеть им вдогонку.

Сплав с этого момента значительно осложняется. Личности скрывшихся в лесной чащобе браконьеров не установлены, к тому же у них имеется огнестрельное оружие. Поэтому ответ обиженных нами добытчиков может быть пренеприятнейшим. Приходится выбирать из двух зол наименьшее: заплывать невзначай под завал или упавшее

на воду дерево, откуда, впрочем, есть шанс выбраться, или попасть под прицельный выстрел «неуловимых мстителей», после которого продырявленная лодка и, возможно, ее хозяин камнем пойдут на дно.

Для того чтобы максимально обезопасить себя, договариваемся с Веней идти в тени деревьев, у самого берега, поближе к прибрежным зарослям кустарников, тем самым сведя к минимуму риск быть замеченными по всплескам весел. Расходящиеся от работы весел круги волн могут очень точно указать местоположение сплавщиков.

Под рукой все время держим заряженные ружья. Впереди находится еще одно серьезное препятствие. Деревянный мост через реку Буюнду. Его опоры с просторными площадками наверху и сложной конструкции фермы представляют идеальное место для устройства засады.

До рези в глазах всматриваюсь в них сквозь линзы бинокля, но в кромешной темноте ничего не удастся разглядеть. Остается только подплыть к мосту на верный выстрел и, включив фонарь, осветить все ближайшие опоры и фермы. Веня обеими руками держит ружье наизготовку и взводит курки. То же самое приходится проделывать после того, как прошли под пролетами моста: «Все! Свобода».

Еще несколько трудных часов сплава по таежной реке – и мы попадаем в устье реки Хулуганьи. Невдалеке, в склоне густо поросшей кедровым стлаником и лиственничником огромной горы находится очень старая землянка.

Старожилы говорили нам, что построили ее очень давно хищники-старатели, незаконно добывавшие россыпное золото в протекающих поблизости горных ручейках. О нравах этих людей до сих пор ходят ужасные рассказы и легенды.

Жестокие законы государства заставляли их тщательно прятаться, и всякого, невзначай ставшего свидетелем их трудного и рискованного промысла, хищники побыстрее уничтожали. Так ли это или нет, но до сих пор в таежных делянках встречаются старательские лотки и другие инструменты и принадлежности.

На циферблате четыре часа утра. В осеннюю пору на этой географической широте сие означает самую непроглядную темень. Но уже видно, что за ночь все-таки прогнало с небосклона кучевые облака, и предстоящий день обещает быть ясным. Зато мы не только капитально продрогли, но и испытываем непреодолимое желание хотя бы немножечко вздремнуть, желательнее в тепле. Полуразрушенная бандитская землянка не самое подходящее место, но за неимением лучшего приходится останавливаться в ней.

Попытка затопить примитивную из насквозь проржавевшего железа печь поначалу не удалась, так как выявилось одно весьма неудобное свойство ее.

Дым во время топки все время шел внутрь землянки и, вдобавок ко всему, совсем не было входной двери. Посоветовавшись, решили дверной проем прикрыть куском полиэтиленовой пленки, а отжившую и отслужившую все положенные сроки железную печь протопить как следует, подобно тому, как это делалось в сибирской глубинке, в банях по-черному.

На удивление, все получается как нельзя лучше. Когда из насквозь проржавевшей трубы перестал идти дым и уже не вылетали красные искры, а в печке прогорели дрова, снимаем кусок пленки и тщательно проветриваем прогретое помещение. У входа я бросаю валяющиеся повсюду консервные банки, а оба наших ружья мы ставим на боевой взвод и направляем дулами прямо на вход.

Появится вдруг во мгле предрассветного часа грозный призрак четвероногого или двуногого хищника – обязательно наступит на пустые звонкоголосые жестянки, зашуршит пленкой в дверном проеме, и, если это будет необходимо, сокрушающий все на своем пути огненный смерч сметет его прочь.

– Я поражаюсь вашим окладам. Почему так? – заявляет вдруг Веня.

Впечатления прошедших суток заставили его кое о чем призадуматься.

– Всему виной остаточный принцип финансирования, когда на охрану биологических ресурсов отпускалось столько средств, сколько оставалось после всего остального. Плюс ко всему незаинтересованность властей держащих, особенно после революции, как-никак, а чиновники высоких рангов всегда предпочитали оргиям с малолетними девицами и занятиям спортом «царскую», без всяких правил, охоту и рыбалку. Отсюда вытекает их кровавая, почти всегда, незаинтересованность в совершенном охотничьем и рыболовном законодательстве, точно так же, как и вообще в природоохранных законах. Но закроем эту бесполезную и небезопасную тему раз и навсегда. Теперь знаешь все и хорошо. Знания бывают опасными, когда говорят о них не с теми, с кем нужно.

Но Вениамин чего-то все-таки недопонял и хочет задать вопрос, но, видя, что я не расположен к разговору, с сожалением вздыхает, а через минуту уже тихо посапывает. Крепкие стены землянки все еще отдают терпким запахом дыма и хвои. От них исходит мягкое и нежное тепло. Благодать.

ГЛАВА 4. КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН

«Охота есть высочайшее наслаждение. Но для того, чтобы охота могла служить источником высокого наслаждения для человека образованного и развитого, необходимо иметь к ней серьезный интерес, как к орудию для изучения природы, с помощью которого добывается масса драгоценного материала для жизни, для науки и для искусства».

Князь А. А. Ширинский-Шихматов

После двухчасовой отсыпки в хорошо протопленной землянке мы снова чувствуем прилив энергии. Ослепительное, только что взошедшее на бирюзовый небосклон, нам навстречу, солнце помогает радоваться полноте природной жизни, истинной, непреходящей значимости бытия. Быстрое течение реки, встречный ветерок обдают нас благостным холодком.

Я, как обычно, почти не отрываюсь от окуляров бинокля. Разворачиваю при этом веслами лодку то вправо, то влево, в зависимости от того, с какой стороны находится заинтересовавший меня предмет, горный увал или лесной массив.

Обозревая в утренних лучах окрестности, получаю редкую возможность по-настоящему оценить многокрасочную палитру осеннего разноцветия местной растительности. Северные пейзажи колымской тайги все более очаровывают меня.

Первое, непосредственное знакомство с этими местами состоялось еще предыдущей зимой. Но много ли можно увидеть в минус шестьдесят градусов по шкале Цельсия, когда тусклое солнце висит над мутным от морозов и кристаллизирующейся в воздухе влаги горизонтом всего не-

сколько часов? Что можно узреть сквозь свисающие со всех обдаваемых дыханием частей одежды изморозь и превращающийся в сосульки куржак?

Дышать-то таким воздухом небезопасно – можно запросто подморозить верхушечки легких. В этих местах нередко отстреливают диких северных оленей с почерневшими от великих холодов трахеями, бронхами и верхними частями легких.

Совсем по-другому в разгар осени. Котловина, по дну которой протекает длинный, извилистый ручей, превращается в сентябре в сплошное и невероятно красочное панно. Мерцающие в легкой утренней дымке высокие гольцы со всех сторон окружают ее, прикрывая хрупкую северную растительность от губительных, несущих со стороны Ледовитого океана мертвящий холод ветров.

Не шумит, не сорит листьями в подобные моменты окрестный лес. Он словно только что пришел в себя после

пусть скоротечного и не очень жаркого, но по-своему ошеломительно бурного лета.

Неумолчный гомон птиц, вопли зверей, густая, отчаянно рвущаяся к небу зелень – все это буйство жизни вдруг резко начинает стихать, как только студёные северные ветры по-настоящему принимаются обжигать нежные стебельки и ветви местной растительности.

Угасшие, казалось бы, страсти неожиданно обнажают другую, глубинную суть северной природы, познать умом, понять и принять сердцем которую весьма непросто.

На одном из горных увалов замечаю пасущегося на обширном ягоднике огромного медведя. Замечает его и Веня. Причаливаем и выходим на песчаный берег. Устроившись на большой куче плавника, разглядываем чёрнобурого монстра. Я уже достаточно хорошо информирован об этом гиганте. В течение долгих пятнадцати лет многие люди в нескольких местах и в определенное время замечали этого красавца. Если сделать поправку на время, предшествовавшее его вступлению в пору зрелости, то получается весьма солидная цифра, а именно – этому бурому медведю почти тридцать лет.

Теперь я имею возможность видеть его собственными глазами и, откровенно говоря, люблю его медвежьей статью. В каждом неторопливом, совершаемом с достоинством и сознанием собственной мощи и силы движении сквозит первобытная, неукротимая энергия. По всему видно, что перед нами истинный хозяин окрестных гор, таёжных, поросших густым кедровым стлаником увалов, высокоствольных пойменных лесов. И прекрасно то, что ещё обитают в наших северных урманах такие великолепные экземпляры медведей.

Из-за ближайших чозений и тополей вдруг вылетели две уже совершенно белые куропатки. Вскидываю свою

самозарядку, беру на мушку одну из них, делаю нужное упреждение и плавно, чтобы не сбить с прицела, нажимаю тугой спусковой крючок. По сильной, тяжёлой отдаче догадываюсь, что в патроннике оказался пулевой патрон, и, само собой разумеется, промахнулся. Шустрая куропатка, словно натолкнувшись на какое-то невидимое препятствие, захлопала своими круглыми крыльями, на мгновение притормаживая в воздухе. Плотная воздушная волна от пролетевшей перед птицей тяжёлой свинцовой пули заставляет последнюю менять направление полёта. Наконец, совладав с собой, куропатка изо всех сил устремляется в погоню за уже достаточно далеко отлетевшей напарницей.

После выстрела я мгновенно разворачиваюсь, поднимаю к глазам полевой бинокль и одновременно отсчитываю в уме секунды, за которые звук от только что произведенного выстрела достигнет ушей хищника. «Раз, два, три». Наконец-то услышал. Медведь прекращает питаться, смотрит вниз по склону, в сторону реки. Нас он, конечно, не видит, но прекрасно понимает, что происходит. Затем медведь ложится на живот и долго лежит недвижимо, всматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходит в пойме реки. Близкий и громкий выстрел совсем не обеспокоил хищника. Его скорее разбирает любопытство, чем страх. Через минуту или более зверь нехотя отрывает своё грузное, но уже с большими жировыми отложениями тело от каменистой почвы и как ни в чём не бывало продолжает поглощать обильную и перезревшую уже бруснику.

Великолепный трофей. И взять его было бы очень просто, сам для нас выставился. Но мысль об убийстве сегодня противна мне. Более того, я уже запланировал, что несколько лет подряд буду тщательно наблюдать за гигантом. Хищник, конечно, тоже будет проявлять ко мне интерес. И так будет продолжаться до тех пор, пока чей-то не-

верный шаг, а точнее грубая выходка, вероятнее всего, со стороны человека, не превратит почти дружеский нейтралитет в жестокое и непримиримое противостояние. Оно, конечно же, закончится для хищника плачевно, и мне будет его искренне жаль. Ведь с какой стороны ни посмотри, а медведь на своём, самой природой предначертанном месте, и, прежде чем его изъять из него, нужно будет подождать, когда рядом объявится достойный, но много моложе его самого косолапый заместитель.

К вечеру, перед самым солнечным закатом оказываемся в устье реки Большая Купка. Я выбираюсь на подмытую галечную косу и внимательнейшим образом осматриваю сквозь призмы бинокля открывшуюся пойму этого самого крупного притока Буюнды.

В верховьях Большой Купки выпасаются огромные стада домашних северных оленей, и там очень остро стоит проблема взаимоотношений с лесным волком, никогда не брезговавшим оленями. Но в нижнем течении уже завелись старательские артели.

Коверкающие и перелопачивающие сотни тысяч кубометров осадочных отложений в богатой растительностью и животным миром пойме реки. Здесь так же проблема – хищник и человек. Только тягаться уже приходится с бурым медведем. На склонах окрестных гор замечаю старые тропы снежных баранов. Интересно, живы ли сами круторогие животные?

Близкий, оглушительный выстрел заставил меня тотчас оглянуться. Звуковая волна от ружейного выстрела больно бьёт по барабанным перепонкам и в моих ушах ещё долго звенит. Это идущий позади меня Веня застрелил выплывшую из-под коряги одинокую серую утку. В момент стрельбы она находилась как раз между нами, и бить её горелуха не имел права, так как любая из деформировав-

шихся дробинок могла срикошетить от водной поверхности и угодить в другого человека. Ну что же, это настораживающий симптом. Нужно быть повнимательнее с охотником пострелять.

Принимаем решение устроить ночлег прямо напротив устья Большой Купки. Пока Веня готовит на лесистом острове из им же добытой утки вечерний суп, я весьма до тошно обследую протоки и старицы. На рыхлом, илистом грунте нахожу огромное количество медвежьих следов. Причем самых различных размеров.

Становится ясно, что это обычное место обитания медведицы с медвежатами, и место нами выбрано, соответственно, не совсем удачно. Но уже поздно перебираться куда-либо. Стало очень темно, лагерь разбит, ужин готов, к тому же сильно клонит ко сну. Не последним аргументом оказалось то, что по условиям обитания, наличию кормов и конкурентов эта медвежья семья процветает. Вряд ли у мамыши появится стимул проявлять по отношению к нам агрессивное поведение. Если, конечно, не посчитает нас самих нахальными конкурентами, от которых надо всегда избавляться.

На ночлег устраиваемся всяк по-своему. Я рядом с костром укладываю несколько, длиной в мой рост, сухих жердей. Под голову укладываю свой рюкзак, а в качестве экраннующего тепловые лучи средства использую накачанную и выставленную боком надувную лодку. Вениамин поступает совсем по-другому, а именно, бросает резинку вверх днищем и, облачившись во все имеющиеся тёплые одежды, плюхается в неё. Мягко, комфортно, если не считать, что скоро будет очень холодно и спать не придётся. Древнейший принцип «Делай, как я» не сработал ещё, но всё у человека впереди.

Плотный ужин, тепло жаркого костра, начинающий на-

крапывать дождик как нельзя лучше способствуют быстрому сну. Груда заготовленных на ночь дров избавляет нас от длительных, в поисках валежника, отлучек от места ночевки.

Но что это? Громыкнула на речной косе галька. Ещё раз. Всё ясно. Медвежья семейка вышла на ночную вылазку за пропитанием. К костру, конечно, не подойдут, но я в раздумье. Сказать ли напарнику о них? Или лучше не тревожить? Решаю все-таки предупредить Вениамина.

– Возле нас медведица с медвежатами бродит. Будь внимательнее, если куда пойдёшь.

Возившийся в своей постели Веня на несколько секунд замолкает. Но затем резко вскакивает и с неподдельным возмущением кричит мне через костер:

– Но как можно спать, когда медведи вокруг ходят?!

Отвечать ужасно не хочется, но напарник ждёт.

– Пусть ходят. На то они и медведи, чтобы ходить там, где им вздумается.

Ответ несколько не успокаивает милиционера. Теперь рядом с ним заряжённое ружьё, а по стволам ближних деревьев с завидным постоянством бегают луч электрического фонаря. Накапывающий дождик пробуждает в сознании неожиданные ассоциации. А память уносит меня в совсем ещё недавнее студенчество...

...На утреннюю лекцию вдруг, с большим опозданием, ввалилась толпа «штрафников». Это те, кто каким-то образом провинился и не получил по летней полевой практике зачёты. Теперь, кроме теоретических знаний, им необходимо ещё применить мускульную силу. Пока не промерзла на большую глубину почва, парни занимались посадкой молодых елей и кедров на усадьбе факультетского учебного охотничье-промыслового хозяйства. Нужно отметить, что занимались они сим делом с великой охотой и удоволь-

ствием. Вечерами, после работы, постреливали запоздавших с отлётом перелётных птиц и пощёлкивали в густых зарослях ивняков и осинников по берегам речек и ручьёв весьма многочисленных в этом году рябчиков.

Один из штрафников, усевшись на свободное впереди место, повернулся ко мне и с видом заговорщика сообщил мне нечто. Надёжный, проверенный в деле товарищ. Витёк всегда готов был подставить крепкое плечо, помочь нуждающимся, подсобить. Впрочем, все остальные однокурсники не в меньшей степени обладали такими высокими моральными качествами. Но сибиряк, бывший парашютист, с крепкими, разбитыми в справедливых драках кулаками, с грубым утробным голосом, считал это своей обязанностью. Заикаясь на каждом втором слоге и кивая в такт этим слогом головой, произносит:

– Эд. Григорыч хотел тебя видеть.

– Где он сейчас?

– В Булунчуке. Завтра уходит в центральное, там медведь напакостил.

О не в меру прытком буром медведе я уже знал. В сентябре, заканчивая полевую практику, мы добыли у дальнего зимовья, которое облюбовал лет пятнадцать назад Григорыч, или Борис Григорьевич Водопьянов, доцент кафедры биологии промыслово-охотничьих зверей, под свою охотничью базу, где он проводил всякий раз свой очередной отпуск, старого, бог знает как дожившего до преклонных лет изюбра. Шкуру его мы прибили огромными гвоздями к срубе небольшой, но очень теплой, потому как была сложена из кедрового сушняка, избушки, что, конечно же, было большой, свойственной молодости,

ошибкой. Через недельку с небольшим к зимовьюшке подошёл молодой, очень сильный и нахальный медведь. Без особых усилий хищник содрал эту шкуру вместе с

верхним венцом сруба. Лёгкая крыша, естественно, сразу завалилась, обнажив внутренности охотничьего помещения. Шкуру разбойник унёс с собой, разграбив попутно содержимое избушки. Удачный опыт смыслёный медведь непременно захочет повторить. И есть единственно возможный способ отделаться от грабителя – это отстрел зверя.

В тот же вечер я уже нахожусь на автовокзале и ожидаю рейсового автобуса. На нём мне нужно проехать сто двадцать километров до леспромхозовского поселка и пройти по лесовозной дороге, в кромешной темноте, ещё пятнадцать километров до центральной усадьбы хозяйства, где меня ждут охотники.

Со мной десятилетняя восточносибирская лайка с очень хорошим именем Ласка. Она очень эффектна. Отличные полевые данные дополняются своеобразным окрасом шерсти. Собака вызывает у всех, кто находится рядом, желание погладить, сунуть ей какое-нибудь лакомство. Эти умиляющиеся физиономии и воркующие голоса уже порядочно мне поднадоели. С грустью смотрю на свою помощницу, давно уже зная, что рано или поздно потеряю её. Мой мозг-вычислитель всё уже просчитал и сделал неутешительные выводы, но душа никак не смирится с предстоящей потерей и заставляет быть ещё более внимательным.

Лайки вообще отличаются очень большим дружелюбием к человеку. У них в большинстве случаев общительный, мирный характер. Но насколько сконцентрировались эти качества в Ласке, было откровением даже для меня. У неё очень рано проявились признаки врожденного мастерства. Первую же в своей охотничьей жизни белочку она облаяла мне по всем классическим канонам. Слух, верховое чутьё и работоспособность собаки были уникальными.

Может быть, стоило остановиться на этом и «наработку» множества других полезных навыков пустить на «самотек». Но мне почему-то очень хотелось выпестовать из щенка универсальную, работающую по любому ценному зверю лайку.

Если по мелкой и средней дичи дело продвигалось великолепно, то по медведю и крупным копытным животным она ещё опасалась работать. Наткнувшись на свежий след хищника, Ласка долго смотрела по ходу его, не решаясь преследовать. На этот раз я решил воспользоваться случаем и показать ей живого хищника и по возможности дать потрепать как следует тушу убитого зверя. Заодно внимательно пронаблюдать все ее действия.

За многими странностями ее поведения проглядывала какая-то особая, «духовная» одаренность. Она поначалу совсем не терпела несвободы. Если кто-то решался её наказывать, за дело, конечно, то она совершенно не реагировала на побои, всем своим видом показывая, что игнорирует сам стиль такого общения с ней. Затем будто бы подчинялась чужой воле, но делала это с неохотой, сразу сникала и уходила в себя, как будто в её ста пятидесяти кубических сантиметрах мозгового вещества жил свой, совершенно обособленный от окружающего внутренний мир, который был равнозначен, а может быть, был лучше действительности.

Одарённость и беззащитность соседствовали в натуре собаки. Отчего всё это было? От недостатка ласки? или ограниченного пространства свободы? или недостатка того и другого вместе? Собака никак не хотела усвоить одну простую истину, которую другие схватывали ещё с щенячьего возраста, а именно то, что человек может представлять из себя куда более серьёзную опасность, чем дикий зверь. Все запрещения и уловки, направленные на то,

чтобы воспитать в ней хотя бы толику недоверия к двуногим, были обречены на провал. Так же, как была она обречена погибнуть от руки прельстившегося ее отличным мехом живодера.

А пока она доставляет мне немало хлопот и душевных страданий, то убегая за приласкавшими её туристами, то увязываясь за рыбаками. Потому-то я всегда старался натаскивать Ласку там, где меньше всего можно было наткнуться на людей.

Быстро летит неумолимое время. Легко преодолеваются большие расстояния. В три часа ночи я уже нахожусь на территории усадьбы хозяйства, состоящей из одноэтажного особняка для егерей и студенческой гостиницы, не считая различных пристроек и вольера для охотничьих лаек.

Ласка первым делом начинает перенюхиваться через сетку вольера с знакомыми ей уже собаками егерей. Мне же необходимо перед трудным и длительным переходом хоть немножко поспать. Стряхнуть дорожную пыль, умыться, сделать легкий массаж натруженных мышц, нырнуть в стерильно-белую постель.

Скорое утро начинается с лая собак. Чего-то не поделили между собой егерские волкодавы. После собачьего визга и рычания и особенно после смачных матюков егерей сон как рукой сняло. Спустя несколько минут, одевшись, с распакованным рюкзаком и расчехленным полуавтоматом выхожу из коттеджа. Готовить в поход снаряжение нужно, конечно же, на дневном свете.

Сбоку ко мне подходят двое крепких мужчин. Один из них – высокий с чёрной окладистой бородой и длинными руками-клевнями Григорыч. Другой – поступивший к нам на первый курс охотфака демобилизованный моряк. Коренастый и плечистый, с квадратной головой на бычьей шее, тоже выглядит весьма колоритно.

– Ого! – оценивающе смотрит на только что собранный мной полуавтомат Григорыч.

В косых утренних лучах новенькая самозарядка грозно поблескивает тусклыми маслянистыми отсветами, на чёрном, вороненом металле ствола играют слабые солнечные блики. В его все знающих и понимающих, с лесной осторожностью выглядывающих из-под мохнатых бровей глазах замелькали озорные искорки.

– Эдуард! А ты случайно не из тех студентов, что с первого курса на собственных «жигулях» катаются?

«Ха-ха», – посмеиваюсь про себя. Я неплохо разбираюсь в его уловках, направленных на то, чтобы «прозондировать», чем ты сегодня дышишь. В принципе я согласен с ним.

Иначе как можно уберечь от разрушения хрупкий, не просто, очень непросто обретенный нами духовный мир. Эту, каждым из нас самостоятельно с юности взращиваемую духовную культуру. Ведь она очень легко может обесцениться, растрескаться – рядом слишком много откровенных стяжателей и безмозглых хамов. Поэтому совершенно резонно с его стороны удостовериться еще раз, что на меня, как и прежде, можно рассчитывать в трудную минуту. С другой стороны, приученным к комфорту сынкам-сибаритам у нас было довольно неуютно. Неумение и боязнь преодолевать физические лишения мешают им выработать в себе множество истинно мужских качеств. Очевидно, что некоторых из них в рискованные дела, невзирая на их слёзные просьбы, брать было нельзя. Но Григорыч отлично знает, что я такой же, как он, неисправимый любитель полазить по крутым горам и сопкам, подышать ароматами таежных цветов.

Поэтому ответ получается довольно вольным и не совсем почтительным:

– Если бы даже личный вертолет у меня был, все равно не захотел бы им пользоваться. А на эту пятизарядку и все сопутствующее снаряжение я два сезона «пахал» на ореховом и пушном промысле. В тех еще, грабительских ценах.

Есть ли у меня «жигули» или танкетка с крупнокалиберным пулеметом, не суть важно, на что тот удовлетворительно кивает головой. Больше подобных вопросов я не услышу. А вообще к подобным преподавателям студенты тянулись, с большой охотой участвовали во всех их таежных опытах. Наверное, это общая черта всех аристократов духа – привлекать к себе по-юношески чистые и нетерпимые к людской косности и неправде души.

Не успело быстрое осеннее солнышко достигнуть своей самой верхней на небосклоне точки, как лесная разбитая и размытая лесовозная дорога, по которой мы вышагиваем скорым шагом, упирается в груды полусгнивших бревен, за которыми начинается таежная, только для пешеходов и лошадей, густо посыпанная сброшенной лиственной хвоей тропинка.

Громадные пихты и ели осторожно и надежно оберегают её тайну. С некоторым трепетом ступаем на эту всегда скрытую лесным полумраком человеческую дорожку. «Что ждёт нас там впереди? Нужно ли гадать об этом? Не лучше ли с ходу окунуться в этот сказочный, полный неожиданных открытий мир, и будь что будет».

Оставшиеся несколько десятков километров преодолеваем, почти не разговаривая между собой. Каждый борется с собственным грузом и думает о своем. Гуськом, след в след пробираемся через все топкие болотистые места, выдерживая при этом достаточно высокий темп движения. Развязавшийся шнурок на ботинке или подвернувшаяся портянка тоже никак не могут нарушить об-

щий ритм и скорость нашего пешего хода. Наконец в сумерках оказываемся в отрогах лесистого и угрюмого Приморского хребта.

Здесь, среди толстенных лиственниц и глухих пихтовых урманов, прячутся великолепные боры из сибирской кедровой сосны. В кедрачах, где почти каждый год бывают обильные урожаи орешков, находит пропитание множество самых разнообразных зверей и птиц. Самым колоритным обитателем темнохвойной глухомани, конечно же, является бурый медведь. Здесь, поедая ягоды и кедровые орешки, самые сильные жители лесных просторов набираются на долгую сибирскую зиму энергетических и питательных веществ. Одного из них, известного нам по некоторым признакам, этой осенью следует «отбраковать», то есть попросту изъять из местной популяции медведей.

Осень. Как величественна она здесь, в горно-таежном краю. Кажется, что испокон веков слышавший священным, заповедным Байкал невидимым своим дыханием придаёт всей окружающей природе особенный блеск и какую-то скрытую, с трудом распознаваемую силу. Возможно, действительно что-то «запредельное» незримо присутствует в этих бескрайних горно-лесных, вперемежку с суходольными лугами и степями просторах.

Двое суток интенсивных поисков ни к чему сколько-нибудь утешительному не привели. Еще неделю назад кипевшие медведями окрестные кедрачи совершенно опустели. Только многочисленные остатки медвежьих пиршеств то тут, то там попадаются нам на пути. Очевидно, что все бурые медведи, как по команде, мгновенно исчезли и попрятались где-то в укромных местах. Поздно вечером совершенно неожиданно прояснилась причина бегства хищников. Радиоприемник донес до нас прогноз погоды на

несколько ближайших дней. Оказалось, что с северо-запада надвинулся обширный атлантический циклон. В осеннюю пору в горных районах осадки могут выпадать только в виде снега или града.

Стало ясно, что смышленные медведи лучше и раньше нас были осведомлены, дружно попрятались и теперь ожидают обильных снегопадов. Видимо, большинство из них в этот момент находилось поблизости от своих зимних квартир. Также было ясно, что искать в ближайшие сутки мохнатых хищников дело совершенно бесполезное. Уставшие и молчаливые, мы собрались вечером за душистым чаем.

– Что затихли, парни? Завтра вольная охота. Лицензии есть. Подумайте хорошенько, куда пойдете. Утром скажете.

Затем, спустя несколько минут, Григорыч добавил:

– Чтобы я знал, где вас искать в случае чего.

Остаток вечера мы были в едва скрываемом радостном возбуждении. Оба в душе лелеяли самые смелые мечты и, несмотря на неудачу с медведем, надеялись на хорошие успехи. Мне было немного легче, так как я очень хорошо знал эти места. Еще в августе на собственном опыте я познал коварные шутки некоторых особенно дремучих урочищ. А начиналось все до смешного просто.

Как-то в один из последних прохладных августовских вечеров за длинным, сколоченным из толстых сосновых плах и горбылей столом собралось шестеро человек. Пять последних, оставшихся по своей воле еще на несколько дней студентов и Григорыч. На столе, как только у нас бывает и должно быть у избранных, дымится великолепно приготовленная крупная дичина. Но мы собираемся начать вечернюю трапезу при шести зажженных стеариновых свечах. Поэтому все вместе, взгромоздившись на грубо сколоченные из свежих сосновых досок скамейки, любуемся оранжевыми, ярко-желтыми переливами по всему

гористому горизонту. Вид величественного заката глубоко трогает нас и завораживает. Он создает какой-то особый, поэтический настрой. Умиротворение и покой, тихая радость бытия царствуют над нами.

И вдруг, совершенно неожиданно, с дальнего горного увала до нас донеслись удивительнейшие звуки. Довольно многочисленная, судя по голосам, стая лесных волков разом начала свой разноголосый концерт. Это было ошеломляющее, колдовское действо. Вой, перемежающийся с короткими взлаиваниями, слышался так отчетливо, а сила звука была таковой, что нам казалось, серые хищники исполняют свою гастрольную песню буквально за ближайшими деревьями.

Все слушавшие оцепенели. Что было бы дальше, неизвестно. Только я несколькими быстрыми прыжками влетел в зимовье, выхватил фигурное стекло из керосиновой лампы и, оказавшись снова на поляне перед догорающим костром, поднял его к небу. То ли по неопытности, то ли от волнения, но первые аккорды получились весьма фальшивыми. На ответивших было мне прибывших предостерегающе рыкнули матерые волки, и все стихли. Как будто ничего и не было.

– Ха-ха-ха! Распугал всех волков! – добродушно скалит зубы вся таежная «вечера».

Но я-то знаю, «ха-ха», что они рады тому, что удалось вполне «достойным» способом остановить этот охлаждающий своим жутким великолепием человеческую душу древний, как сама природа, волчий концерт. Еще некоторое время все приходят в себя, пытаюсь за незлобивыми шутками скрыть только что пережитое смятение. Умеют же, черт побери, эти вечные бродяги брать людей врасплох. Каким образом волки распознают моменты наибольшей звуковой проницаемости воздуха и начинают свои таин-

ственные песни только в то время, когда их вой, не теряя силы и многотональности, разносится на многие километры? Это навсегда осталось для нас загадкой.

Следующий, начавшийся небольшим утренним заморозком день стал мигом расплаты за совершенную мной прошедшим вечером дерзость. Ясным утром, загрузившись несколькими огромными волчьими капканами и с весьма твердым намерением отловить если не всю стаю бродяг, то уж половину наверняка, я двинулся на поиски звериных переходов. К вечеру, после многих и трудных всегда в горно-таежной местности километров, на гребне огромной, поросшей хвойным лесом горы, я наконец-то обнаружил несколько характерных признаков прошедшей этой ночью стаи волков. Оставалось только внимательно проследить ход зверей до удобного для постановки стальных капканов места – и успех предприятия гарантирован. Но последнего как раз совершить не удалось.

Совершенно неожиданно, как это бывает только в горах, налетело густое облако тумана. Сразу стало очень холодно и сыро. Я быстро потерял все ориентиры и интересующий меня волчий наброд в том числе. В довершение всего быстро сгустившиеся сумерки накрыли меня на совершенно незнакомом месте.

В кромешной тьме. Почти на ощупь спускаюсь в какой-то затерянный в глухомани распадок и, преодолевая многочисленные скальные участки, наугад выхожу к берегу быстрого горного ручейка. И какая удача! По нему выхожу на нужную мне речушку. Глубокой ночью, с той же грудой ржавого железа, что была на мне утром, промокший до нитки и совершенно физически измотанный, я выполз на знакомую тропу.

Теперь появилась реальная возможность пройти с попутной охотой по тем же горным хребтам и речушкам.

Вспомнить ошибки, подвергнуть их всестороннему анализу, чтобы раз и навсегда исключить их повторение.

Ну а хищники? Волки и медведи? Сами по себе в этот момент звери интересовали меня не настолько сильно, чтобы поставить себе цель во что бы то ни стало добыть кого-нибудь из них. Есть нечто важнее, чем примитивное желание обладать трофеем, что постоянно гонит неистовых бродяг в походы, на поиски новых и увлекательных приключений.

Октябрьское утро выдалось весьма пасмурным. Вот-вот должен был начаться снегопад. Чтобы избежать многих трудностей и неудобств, связанных с хождением по крутым и скользким после выпадения мокрого снега склонам гор и сопок, я решаю пройти в верховья реки напрямую, через вершины сопок.

Для этого необходимо скорейшим образом преодолеть гряды невысоких, поросших смешанным мелколиственным-темнохвойным лесом гор. Кратчайший путь к цели пролегал через самую большую горную вершину, которую к тому же приходится одолевать по самому крутому, тяжелому для подъема участку.

Сразу же за вершиной мне открылась небольшая поляна. Кроме пожухлой травы и нескольких торчащих голыми прутьями кустарниковых стебельков, на ней ничего не было. Древостой ниже по склону и даже полог деревьев на большом отдалении от травянистой поляны великолепно просматривались.

Охотничья лайка, ведущая поиск на приличном от меня расстоянии, вдруг останавливается и что-то внимательно рассматривает, одновременно, вытянув шею, тянет через ноздри окружающий воздух. Воздушный поток, идущий снизу, из поросшей молодым кедрачом лощины, доносит до собаки запах какого-то определенно крупного зверя,

которого Ласка не решается атаковать.

Выйдя на середину поляны, одним рывком затвора выбрасываю из патронника самозарядки дробовой патрон и досылаю вместо него такой же, но снаряженный тяжелой свинцовой пулей. Оставшиеся в магазине снаряды также пулевые, рассчитанные на крупных и опасных диких животных. Я знаю, что такими зарядами мамонта можно свалить, не то что медведя или сохатого.

Клацание ружейного затвора выпугивает из хвойных зарослей довольно приличного размера зверя. Мимо разнотравной поляны, сквозь довольно густой кедрач понесся черного окраса, с огромными рожищами изюбр. Между деревьями то и дело мелькает темная туша рогача. Каменистая и уже замороженная осенними морозами почва гудит от частых и сильных ударов по ней острых и тяжелых изюбриных копыт. Очень трудная для поражения цель. Единственный широкий прогал закрывает собой с любопытством уставившаяся на бегущего зверя собака. Бить через спину охотничьей лайки я не имею права, отозвать ее уже нет времени. Поэтому делаю несколько больших прыжков в сторону, чтобы успеть поймать на мушку цель в следующем просвете.

Все это мне удастся проделать. Мешают лишь несколько древесных стволов с жердь толщиной. В надежде, что высокоточные пули пройдут мимо них, все же ловлю обладателя ветвистых и острых рогов на прицельную планку ружья и плавно нажимаю спусковой крючок. Два хлестких сухих выстрела сотрясают таежный воздух. Но усилия мои оказались тщетными. Обе остроносые пули натываются на стволы кедров и сосен. От последних отлетают крупные щепки и срубаются у оснований толстые ветки.

Через несколько часов ходьбы, на склоне следующей, так же обильно заросшей древесной и кустарниковой рас-

тительностью сопки совершенно неожиданно замечаю свежевырытую медвежью берлогу. Судя по диаметру хода в жилую камеру, принадлежала она не очень крупному животному. И было ясно, что медведь, сотворивший сие жилище, отдыхает где-то неподалеку. Отыскать его сейчас не составит особого труда.

Но я в раздумье. Что-то изменилось во мне, когда эффектно, закинув на спину увенчанную великолепными рогами голову, убежал от меня красавец изюбр. И вдруг совершенно отчетливо проявляется мысль о том, что убивать я этих прекрасных зверей сегодня уже не хочу. Они не нужны мне сегодня, так как я пришел за чем-то совершенно иным. Заманчиво, с другой стороны, обзавестись роскошной трофейной шкурой. Но снятой не с этого зверя. Поэтому с твердым намерением оставить медведя в покое я не спеша спускаюсь вниз, к речке. В пойме ее в этом году вывелось очень много рябчиков. Взять из каждого конкретного выводка по две-три пестрых птицы сам бог велел. Меньшее число рябчиков намного легче переживет долгую зиму. А также они реже будут подставлять свои красные головки под выстрелы охотников.

Начавшийся во второй половине дня густой снегопад захватил меня уже на основной, ведущей прямо к нашему зимовью тропе. За плечами, в очень удобном для таких вылазок солдатском вещевом мешке девять великолепных птиц.

– О-о! Где ты их отыскал? – восхищаются уже пришедшие к жилью и спешно разделяющие добычу компаньоны.

Они добыли всего по три рябчика. Я же с немалым трудом подавляю в себе возникшее от мысли о нетронутости и отпущенном буром медведе чувство превосходства. И в самом деле, Григорыч в свои пятьдесят лет повидал все, что

можно нормальному человеку увидеть и испытать тоже, поэтому удивить его чем-то невозможно. Ну а поступивший к нам морячок, вполне возможно, прошагает и проползет тысячи километров по тайге и тундре, горам и пустыням и, если останется жив и сохранит здоровье, превратится в матерого, способного на многие незаурядные дела исследователя.

Поздним вечером наградой за наши труды становятся мастерски приготовленные рябчики и ароматнейший, заваренный из хорошо известных только Григорычу трав и кустарничков чай. До глубокой ночи продолжается живая беседа, в которую, подобно великолепным бриллиантам, вписываются захватывающие охотничьи истории, легенды и были.

В неярком свете керосинки, за широким и низко расположенным окном медленно и густо падают большие и пушистые хлопья снега. Первый в эту осень, он усиливает вдруг нахлынувшее ностальгическое чувство.

Придется ли еще когда-нибудь вот так, после многодневных горных переходов, изнуряющих нагрузок, на пределе физических сил вдруг выбраться на высокий хребет с видом на покрытые снегом Саяны и колышущуюся далеко внизу темно-синюю гладь Байкала, где направо и налево от меня бескрайнее зеленое море сибирской тайги. Когда начну явственно отмечать прилив какой-то сверхчеловеческой энергии, каждым нервом и клеточкой мозга почувствую, как наполняет меня всего чувство благодарной радости за яркое солнце над головой, за великую мощь и красоту родной природы, потрясенный, сложу свой молитвенный стих.

ГЛАВА 5. ЛИСТВЕННИЦЫ ПЛАЧУТ

«... Период времени, в течение которого человек, непрерывно развиваясь, жил на уровне охотника и собирателя, составляет свыше 99 процентов от общей продолжительности человеческой истории. Наряду с биологической эволюцией охотничий образ жизни человека оказал неизмеримо глубокое влияние на все последующее общественное и культурное развитие и даже предопределил его...»

Ян Елинек

...Ночной дождь прекратился задолго до рассвета. Но остались последствия его, которым мы не знали – радоваться или нет. Проснувшись у давно остывшего костра, мы увидели вокруг себя сплошную серо-молочную пелену тумана. И было от всего этого холодно и сыро. Наши промёрзшие кости смогли согреть только крепкий душистый чай и жар вновь зажженного костра.

Разглядывая мешки под глазами своего напарника, я не без некоторого удовлетворения подумал о том, что из него, может быть, когда-нибудь получится толк. Он совершенно не жаловался, не стонал по поводу второй, практически бессонной и мучительной для него ночи. Ни в элементах поведения, ни в тоне разговора невозможно было заметить что-либо похожее на детский каприз. Очевидно, принцип «Делай, как я» уже начал потихоньку проникать в его сознание.

За завтраком, очень спокойным и сосредоточенным, мы составляем план работы на весь предстоящий день, делимся известной обоим относительно этих мест информацией. Намечаем несколько возможных пунктов остановки на отдых и ночлег. Подобная предосторожность необходима по

той лишь причине, что густой туман в безветрие и при осенней прохладной погоде может простоять у поверхности земли до вечерних часов. В течение этого времени на участке речного сплава придется много раз терять напарника из вида. Вследствие чего необходимо сразу же привязать все наши возможные действия к известным нам обоим ориентирам.

К счастью, уже к полудню сизая, плотная, наподобие ваты, масса речного тумана начала отрываться от земли, а еще через два часа сквозь большие, появившиеся в сером покрывале разрывы и окна начали заглядывать в приземное пространство первые и робкие лучики осеннего солнышка. Стало значительно теплее и веселее.

Я, как и прежде, с большой охотой вынимаю из кожаного футляра бинокль и принимаюсь с немалым вниманием обозревать окружающие меня пейзажи. Как ни странно, за небольшой петлей, которую делает река Буюнда в районе устья Большой Купки, несмотря на то что течет она все время на север, дуновение предстоящей зимы затронуло местную растительность в заметно меньшей степени, чем в ста пятидесяти или даже шестидесяти километрах выше по течению. Очевидно, при таком близком расположении к приполярным холодильникам, каковыми всегда являются льды Полярного океана и находящиеся под его постоянным влиянием многочисленные системы хребтов и горных узлов, очень большое значение имеет высота местности над уровнем моря.

Разница всего в несколько десятков метров может выявить и, конечно, определить очень большие различия в условиях жизни для растительности и обитающих в ней животных. Поэтому, наверное, в этих местах так легко уживаются и в большом количестве соседствуют друг с другом животные совершенно различного происхождения и об-

раза жизни, по условиям преимущественного обитания приуроченные то к бореальным, или северным, лесам, то к перигляциальным, близким к древним ледниковым ландшафтам местообитаниям. Здесь можно одновременно увидеть стадо диких северных оленей и семью лосей, рябчиков с глухарями и белых, а то и тундряных куропаток. Изредка забегает из дальних тундр белый песец.

Но, к сожалению, человек посредством своей хозяйственной деятельности давно уже доказал, что последствия его пребывания не в меньшей степени способны изменять облик окружающего нас ландшафта. Изменения эти в абсолютном большинстве случаев направлены в сторону ухудшения среды обитания как для самого себя, так и для остального растительного и животного мира.

Практически всюду в бассейнах притоков верховьев реки Колымы приходится наблюдать следы вырубок девственных лесов, особенно интенсивно проводившихся в середине двадцатого столетия. Облик местных ландшафтов сильно изменился. Вместо сплошных лесных массивов по поймам ручьев и речек на обширных и достаточно дренируемых участках горных склонов, а под пологом их и в субальпийском поясе гор обширнейших полей вечнозеленого стланика сейчас можно узреть лишь лоскуты зрелого лиственничного леса на фоне часто слабого и недружного возобновления и огромного количества продолжающих гнить нередко метровых в диаметре и по высоте листвяговых пней. Не заставили себя ждать и губительные последствия рубок в виде невероятно обширных и многочисленных лесных пожаров.

В результате концентрированных рубок очень быстро изменился сложившийся здесь еще в самом начале голоценового климатического оптимума, в течение нескольких долгих тысячелетий поддерживавшийся микроклимат. В

результате чего намного более засушливыми стали летние месяцы в горнотаежных местностях. Палящее летнее солнце в течение нескольких дней иссушает поверхность земли, лишённую защитного прохладно-влажного экрана, который создают испарения хвои, листвы и влажной лесной подстилки. Теперь из-за бездумной деятельности человека растительный мир уже не в состоянии самостоятельно сдерживать иногда случайно, но чаще всего опять же по вине безграмотного и безответственного человека пробуждающуюся огненную стихию.

Высохшая и от этого горючая и невероятно легко воспламеняющаяся лесная ветошь, сухой лишайниковый покров и торфяники вспыхивают, как порох, от любой случайной искры, выбитой от столкновения камней, в свою очередь, посыпавшихся из-под копыт пробежавшего оленя или из-под лап преследующего его волка или бурого медведя. Причиной пожаров бывают и сухие грозы, когда нет дождя или его очень мало, но сверкают молнии и гремит гром. Начавшийся по любой, теперь уже в принципе неважно по какой, причине лесной пожар в кратчайший срок уничтожает огромные пространства зрелых высокоствольных лесов в межгорных котловинах, по долинам рек и, может быть, еще более обширные и чрезвычайно значимые для всего четвероногого и пернатого населения тайги заросли кедрового стланика. Это бедствие повторяется уже много лет, в каждый чуть более чем обычно засушливый летний сезон.

Голые сопки с редкими куртинами кедрового стланика да узкими лентами высоко в горы поднимающиеся густые заросли, состоящие из растущих у самого уреза воды по берегам ручейков кустарниковых ивняков, березок, ольховников с сопутствующим им набором травянистых растений, в основном злаков, – все, что можно часто увидеть. На обожженных огнем каменистых россыпях очень долгое

время, в течение нескольких десятилетий не появляется лишайниковая растительность. Можно с расстояния в несколько километров безошибочно определить, где и когда произошел тот или иной обширный пожар. Каменные поля горных россыпей в этих местах имеют совсем другие цвет, контуры и набор растительности.

Но, оказывается, в северных местностях существует пусть довольно редкий, но от этого не менее вредоносный фактор, способствующий быстрому сведению с лица земли прекрасных горно-таежных лесов северо-востока Азии. Невозможно, на первый взгляд, себе представить причину, по которой какой-либо человек мог позволить себе совершить святотатственный проступок – намерено поджечь таежные леса. Но нам, к сожалению, пришлось удостовериться в этом. Косвенной причиной явилось наличие в местных горных ручьях и речках многочисленных россыпей желтого металла – золота.

Горная гряда, которую пересекает перед выходом на простор, в широкую и живописную Сеймчано-Буюндинскую впадину река, содержит немало золотоносных жил. Сотни тысяч лет скальные породы разрушались под действием стихии – ветра, воды и солнца. Частицы разрушаемых пород выносились водными потоками в поймы рек и ручьев. Очевидно, что по днищу последних осело немало золотого песка и самородков, образуя тем самым зачастую весьма солидные россыпные месторождения этого драгоценного металла.

С тех трагических времен, когда нашли содержащие этот металл осадочные породы, здесь появилось множество лихих людей, занимающихся, надо отметить, очень тяжелым старательским трудом. Очевидно, иногда эти занятия незаконным промыслом субъекты ощущали немалую конкуренцию со стороны себе подобных, выражавшуюся

часто не только попытками обыкновенного и распространенного везде грабежа намытого золота, но и разработкой найденных другими добытчиками золотоносных жил, россыпей, скоплений самородков.

Видимо, чтобы тщательно скрыть от глаз всевозможных бродяг, охотников, рыбаков и, конечно, собратьев по труду, хищников-старателей, часто не оставалось другого способа, как умышленно поджечь произрастающий на золотоносных речках листвяговой массив. Чем больше сгорит, тем лучше для них. И, действительно, трудно встретить человека, с желанием и по собственной воле решившего побродяжничать по недавно сгоревшему, мертвому лесу. На несколько десятков лет эти таежные пространства обречены на могильную тишину.

Если горельник расположен в недосягаемой для наземного транспорта глуши или его разработка нерентабельна, то ждать ему еще несколько десятилетий, чтобы зазеленели среди черных, обгорелых стволов стоящих рядами погибших листвягов и тополей или медленно гниющих на прожженной почве валежин молодая лиственничная поросль и заросли кедрового стланика. Хотя, конечно, до этого уже через несколько лет после огненной, все пожирающей стихии открытое пространство быстро захватят травянистые растения, например, такие злаки, как полевицы, вейники, мятлики. На хорошо дренируемых склонах и защищенных от холодных ветров горных увалах дружно поднимется яркое красноцветие зарослей цветущего кипрея.

Кое-какие животные, конечно, вернуться для того, чтобы использовать в пищу это разнотравное буйство. Но это будут в основном мышевидные и охотящиеся на них некоторые мелкие хищники. А на чрезмерно размножившихся пожирателей мертвой древесины – короедов и древоточцев – непременно позарятся дятлы и синицы. Но опять же, все это

через несколько долгих лет и не везде одинаково дружно.

Именно такой, сгоревший на огромной территории лес довелось нам увидеть, как только поднялся от влажной земли и развеялся разгулявшимся ветерком густой утренний туман. Бесконечный частокол черных, мертвых древесных стволов и многочисленные поляны желтой, пожухлой уже травянистой растительности наводили на нас грустные мысли и унылое настроение.

Мне было известно, что геологоразведчики обнаружили в ручьях, текущих с представшего перед нами хребта, довольно обильные золотоносные пласты, причем очень близко к поверхности земли. Но, видимо, не только геологам стало известно о залежах желтого металла. Из любопытства я попытался пройти вверх по одному из ручьев на несколько километров, надеясь при этом обнаружить среди множества довольно крупных кристаллов пирита, этого частого спутника золота, сколько-нибудь заметные самородки драгоценного металла. Но после первых же километров, пройденных мной по горельнику, меня непреодолимо потянуло назад. И все потому, что погибший лес создавал очень гнетущее впечатление, заставлявшее бежать вон из него.

Перед входом в разрезающее гряды высоких гор и протянувшееся на многие километры ущелье река делает крутой поворот. Сначала могучий водный поток упирается со всей своей силой в скальные обнажения с одной стороны реки. Затем, словно убедившись в тщетности своих попыток, проскальзывает у подножия гор и с не меньшей силой обрушивается на берега по другую сторону реки. Сложенные осадочными породами участки берега в какой-то момент начинают огромными кусками, может быть, по несколько сотен квадратных метров, вместе с лесом и всем прочим каждый последующий паводок исчезать в мутных

водах разгулявшейся Буюнды.

В какой-то момент и с этой стороны водяные струи на-талкиваются на непреодолимую стену базальтовых пород. Конечно, с течением долгого времени усилия реки в какой-то степени не проходят даром. Монолитная, неприступная стена начинает то в одном месте, то в другом разрушаться. Холод, дожди, снега и солнце подтачивают каменную громаду, наверное, не в меньшей степени, чем напор бурных течений реки. И вот уже обнаженное, освободившееся от почвы, со многими формами жизни на ней и слоев осадочных пород скальное образование начинает кусками отламываться и падать в створ реки. При этом образуются многие причудливые образования в виде различных фигур, каменных арок, пещер и гротов. При достаточном творческом воображении всегда можно узреть в безжизненных каменных нагромождениях множество наполненных глубоким смыслом художественных образов. Очевидно, именно последним обстоятельством всегда привлекают людей дикие, очень труднодоступные места каньонов, поросших лесом скалистых гор, обрывистые берега морей и озер.

Слева от себя сквозь кустарниковую поросль я заметил силуэт какого-то довольно массивного и, судя по красно-ржавому цвету, обитого железными листами сооружения. Причаливаю к обрывистому берегу и поднимаюсь по непрерывно осыпающейся под тяжелыми сапогами гальке на самый верх обрыва. Передо мной предстала довольно загадочная картина. В нескольких десятках метров от подмытого берега, в глубине прекрасного пойменного лиственничника, под длинными и разлапистыми ветвями последнего расположилось на первый взгляд странное, резко контрастирующее своим обликом со всем окружающим видом творение рук человеческих.

Поначалу я даже остановился в нерешительности, осмысливая представшее предо мной явление. Для чего? Когда? Кем? Под кронами редкой для верховьев рек красоты лиственничных деревьев стояло презабавнейшее строение. Очень высокое и, видимо, большой вместительности, сплошь обитое толстыми стальными листами сооружение. Маленькое, как крепостная бойница, окошечко находилось очень высоко над поверхностью почвы, что позволило мне сделать вывод о том, что эта железная хибара была выстроена с учетом обороны от медведей. То, что обитали в ней ужасные дилетанты и малодушные люди, не требовало никаких доказательств. Красно-бурая от обильной ржавчины дачная постройка, иначе ее не назовешь, через несколько лет должна будет вместе с берегом и окрестными лиственницами смыта паводками. Река как раз начинала разворачивать всю мощь своих потоков на этот, не посещавшийся речными водами, по крайней мере, двести пятьдесят лет уголок древнего листвягового леса.

Мне было абсолютно все равно, уйдет ли под воду это несуразное, совершенно чуждое, инородное для здешних невероятно привлекательных своей дикой, естественной красотой мест сооружение или его успеют разобрать, а железные листы используют для более необходимых целей предприимчивые охотники. Некоторое сожаление вызвала мысль о том, что погибнет, по всей вероятности, небольшой, многие десятилетия спасавшийся от рук алчных лесозаготовителей массив великолепного пойменного лиственничника.

Я вплотную подошел к железному монстру и узрел, что стальная обшивка не спасла помещение от медвежьего погрома. Вероятно, медведи видели враждебную чужеродность и глупость этого творения рук человеческих и не нашли другого способа выразить свое крайнее неприятие

и презрение, как учинив тотальное разрушение внутри этой гигантской конуры.

Поначалу косолапым хозяевам тайги было сложно отыскать слабые места в стальной обшивке барака. Всюду по нижним частям бронированных стен были видны следы от хваток зубами и ударов когтистых лап. Но в какой-то момент медвежий клык сумел отогнуть нижний угол на оббитой листовым железом двери. Последняя вместе с гвоздями, державшими металл, поддалась, и вопрос проникновения четвероногих ценителей авангардного искусства был решен.

В образовавшуюся щель проникли крючковые медвежьи когти, жуткая сила которых общеизвестна, и входная дверь с выломанными запорами повисла на петлях. Воровское название преступников, специализирующихся на взломах бронированных сейфов и комнат, «медвежатники», как нельзя кстати подходило к непосредственным исполнителям сего действия.

Внутри все было старательно содрано, пожевано и согнуто. Даже стальная печурка, сваренная из толстого, в несколько миллиметров, листового железа, была смята могучими животными в гармошку. Бросалось в глаза, что мохнатые хищники проводили в этом месте свое рабочее время с особым остервенением. Чем была вызвана такая свирепая, агрессивная напористость? Можно лишь предполагать, что это могла быть месть за убийство петлями из стальных тросиков сородичей медведей. В местах, где плотность медвежьего населения не очень высока, звери из поколения в поколение общаются со своими хорошо знакомыми соседями и родичами и, как следствие этого, сильно привязываются друг к другу. Убийство кого-либо из них может запросто спровоцировать ответную, не менее сокрушительную агрессию.

Внимательно осмотрев окрестности и запрятанное в металл человеческое жилище, я уже было повернулся, чтобы в следующее мгновение сделать шаг в направлении реки, как вдруг услышал звук упавшей на крышу железной хибары дождевой капли. Пустое помещение очень хорошо резонировало, многократно усиливая всякий звук, возникающий в результате прикосновения к стальной обшивке лесной крепости. На листы железа упало еще несколько капель воды. Меня это очень заинтересовало, и я снова приблизился к жилищу.

Дождь прекратился где-то после полуночи, а в этот момент был яркий день, давно переваливший середину отмеренного природой промежутка времени для световой части суток.

Лишь очень внимательно присмотревшись, я узрел наконец, откуда падают водяные капли. То тут, то там, в железную кровлю, то в плотный травянистый покров влетали большие водяные шарики. Отчего со всех сторон в этой вековечной таежной тиши раздавались таинственные шорохи, которые временами казались похожими на чей-то тихий, осторожный шепоток. А падающие с высоты капли представлялись не чем иным, как слезами плачущих лиственниц. Было от чего плакать – они знали свою незавидную судьбу.

Оказывается, высоко в ажурных кронах хвойных деревьев, среди густых пучков янтарной лиственничной хвои еще с ночи задержалась небесная влага. Концентрируясь в крупные капельки, в конце концов влекомые силой собственной тяжести серебристо-прозрачные слезинки срывались вниз.

Сквозь призмы бинокля я наблюдал, как под действием еле заметного дуновения всегда гуляющего в кронах высоких деревьев ветерка от прозрачных, блистающих на

фоне глубокой небесной бирюзы яркой желтизной яшмы ветвей и мелких побегов отрываются блестящие водяные жемчужины. Переливаясь, меняя в доли секунды формы, по мере приближения к земле они превращались из шариков в нечто напоминающее сдобные булочки или шляпки трубчатых грибов. Достигнув поверхности почвы и ударившись об нее, разлетались над толстым слоем ветоши и гумуса десятками маленьких, почти микроскопических осколков.

Наблюдаемая картина оказывала почти гипнотическое действие. Острое чувство жалости к этим трехвековым лиственницам, вскинувшим свои янтарные макушки к ясному синему небу, охватила все мое существо. Им была уготована судьба исчезнуть, сгореть в огненной стихии или попасть под пилу жадного, полуграмотного лесозаготовителя, и я ничем не мог им помочь.

За одним из крутых поворотов реки выходим на горный ручей, в устье которого, по моим сведениям, находится свежерубленая потайная браконьерская избушка. Со стороны реки с некоторым трудом различима лишь узкая, извивающаяся через небольшой лесистый холмик тропинка. В нижней части этого холма, но только с другой, скрытой от глаз сплавщиков стороны, стоит врытая в землю, прекрасно сложенная, утепленная и оснащенная всем необходимым таежным инвентарем зимовьюшка. У меня была информация, что это не что иное, как одна из баз шайки промышляющих в системе местных ручьев и речек золото, пушнину и пресноводную рыбу золотишников. Я мало таким наводкам верю, но при случае всегда стараюсь проверить достоверность их.

Ручей был слабо облесен, зажат с двух сторон высокими сопками и вытекал в огромный по ширине и протяженности плес. Все невыгоды как пушного, так и золотого про-

мысла были очевидны. И зимой, и летом из этого ручья в случае облавы не уйти – она превращалась в великолепную ловушку. А то, что в нем моют золотой песок, становилось очевидным, как только сторонний наблюдатель замечал выходящий из ручья шлейф мутной воды. Последний, очень долго не смешиваясь с речной водой, тянулся на многие километры узкой, ясно выделяющейся, а иногда и вовсе четко очерченной полосой по речной поверхности.

Без шума и разговоров, мы тихо причалили к месту бандитского пристанища. Обнаружив зимовье и осмотрев окрестности, сделали вывод о том, что обитатели его покинули эту местность совсем недавно и, видимо, могут скоро появиться вновь. На дне быстрого горного ручья, посреди крупного белого песка и мерцающих в нем золотыми блестками огромных размеров кристаллов пирита покоились больше десятка деревянных стокилограммовых бочек. Они были притоплены для отмоки. Меня же удивили масштабы заготовок высокоценной белорыбицы.

На пресноводном водоеме, на ограниченном участке, где к тому же давно уже подорваны запасы промысловых видов рыб – чира, муксуна, хариуса, сига-валька и ленка, очень сложно добыть более одной тонны ценной рыбопродукции. Если, конечно, при этом не уничтожить заведомо молодь и остатки воспроизводственного ядра местной рыбной популяции. Тогда после подобных рыбалок этот отрезок речного пути на многие годы превратится в пустынное безрыбное место, совсем не привлекательное для рыбаков, охотников и туристов.

Для очередного ночлега выбираем следующее известное нам зимовье в нескольких километрах ниже по течению. Оно также находится в устье небольшого горного ручейка. Крыши на нем давно нет, отчего потолок в особенно длительные дожди и весеннее снеготаяние довольно силь-

но протекает. Говорят, покатые скаты покрытия сбило налетевшим тяжелым бревном, когда в один очень большой паводок, который периодически происходит на колымских реках, наплывший по реке древесный, с торчащими во все стороны мертвыми уже лиственницами и тополями залом прижало течением к берегу почему-то именно в этом месте. Могло снести или разрушить до основания всю избушку, но, на счастье, рядом с ней растет древняя, но еще очень крепкая, хотя и часто битая в паводки бревнами и ломанная ими же кривая, сгорбленная, как любая, растущая на почти голых камнях трехсотлетняя старушка, и уже сильно дуплистая лиственница.

Такому везению, как и очень кстати растущей лиственнице, нужно было только радоваться да восстановить поскорее постройку. Но нет, уже много лет эта зимовьюшка стоит без крыши, хотя останавливаются в ней многие. Зимой постояльцы ходят из нее промышлять, а летом занимаются рыбалкой.

Еще на подходе к зимовью мы узрели на огромном каменном плитняке лодочный мотор с разобранным редуктором. Ни плавсредств, ни хозяев поблизости не оказалось. Но, словно в компенсацию за отсутствие людей, помещение и противоположная реке стена снаружи избушки были завалены множеством всевозможных рыболовных снастей, половина из которых, как я и предполагал, оказалась предназначенной для того, чтобы собирать еще совсем небольшую размерами и весом молодь высокоценных пресноводных рыб.

В этот день я не был склонен доверять первым, бросающимся в глаза признакам, так как подозревал, что один или два члена браконьерской шайки остались в окрестностях зимовья и в данный момент попросту охотятся на ближних горных отрогах на диких северных оленей и

снежных баранов. Поэтому после короткого обсуждения принимаем решение тщательно спрятать резиновые лодки и до наступления темноты оставить в лагере обстановку такой, какая она есть. Веня должен затаиться поблизости от зимовья, а я намерен пробежаться по окрестным горам и заглянуть при этом в верховья ближайших двух горных ручьев. Не исключено, что оставшиеся члены рыболовной компании скрылись именно в них. Делаю такое предположение из того факта, что в момент нашего прибытия днище железной печи внутри избушки оставалось еще довольно горячим, что свидетельствовало о совсем недавнем присутствии постояльцев.

В сгустившихся ночных сумерках все же приходится разжечь для готовки ужина костер на хорошо утоптанной площадке перед входом в зимовье, а спустя еще пару часов и стальную печурку внутри помещения.

Мы, конечно же, были уверены, что все ближайшие заводи, лагуны и тихие протоки заставлены сетями – затонками, у которых поплавки находятся на несколько сантиметров ниже уровня воды и потому незаметны со стороны. Но времени на поиск выставленных браконьерских сетей уже не оставалось, так как стремительно сгущалась в речной долине и в горных распадках ночная мгла. И спустя всего несколько десятков минут свет нашего ночного костра освещал совсем небольшой кусочек окружающего пространства, высвечивая в темноте стволы лиственниц, скалистые берега ручья да густые заросли кустарников у подножия склонов. Вскоре к красным уголькам догорающего костра прибавились отсветы небесных светил. Воздух был чист и прозрачен, поэтому сотни далеких звезд и планет мерцали яркими, безмолвными светлячками.

Под утро я проснулся от ужасной, нестерпимой жары. В темноте, под низким потолком приземистого помещения

красным мистическим светом исходила раскалившаяся до опасных пределов железная печка. Она излучала невероятный жар, и казалось, что содержимое зимовья вот-вот вспыхнет ярким пламенем. С меня непрерывно струился обильный пот, отчего одежда давно уже промокла насквозь. «Еще немного – и нам обоим пришел бы конец», – промелькнула в усталой голове тревожная мысль. Поднявшись с нар, я спешно влезая в чрезвычайно горячие от жара раскалившейся печки болотные сапоги и, быстро продвинувшись к выходу, сильным ударом ноги вышибаю дверь. Последняя жалобно поскрипывает на одной уцелевшей петле, а из тесного дверного проема наружу с шипением вырывается жаркий пар.

Оказавшись снаружи, замечаю, что над рекой стоит густой туман. Глубокая предутренняя тишина, не нарушаемая даже всплесками прибойных волн, царствует в речной долине. Быстро выясняю причину случившегося, как только вслед за мной из избышки колобком вываливается Вениамин. Насквозь мокрый и парит так, как будто четверть часа пробыл с березовым веничком в жаркой парной бани. Спустя минуту он сознается, что набросал в печную топку побольше дров, чтобы в течение оставшейся ночи не подниматься и не подбрасывать дополнительное топливо. Что же, эта оплошность моего напарника могла так же плохо кончиться, как и стрельба по выплывшей рядом со мной утке.

В рассветные часы, как только начал подниматься над рекой туман и его холодные клубящиеся массы устремились к небу, а склоны гор осветили яркие солнечные лучи, мы сбрасываем свои надувные лодки на воду. Я намечаю место остановки на обеденный перерыв, примерное время встречи и первым отчаливаю от браконьерской малины.

Есть вероятность, и немалая, встретиться с возвращающимися рыбаками, которые убыли в низовья реки за деталями к вышедшему из строя лодочному двигателю. Но я серьезно опасаясь, что при встрече на воде неопытный в работе, в частенько сложных и непредсказуемых полевых условиях, может наделать глупостей. Лучше, если первым увижу шайку добытчиков я и без излишних помех приму соответствующее обстоятельствам решение.

На пути к выходу из каньона нужно преодолеть два порожистых участка реки. Оба они образовались в результате горных обвалов. Особенно примечателен один из них, называемый на всех топографических картах как «порог – три камня». Три огромные каменные глыбы, каждая весом в сотню тонн, когда-то скатились с ближайшей горы в самое русло реки, да так и остались на своих местах. Периодически их замыкает огромным количеством гравия и песка, но в следующие сезоны водные потоки смывают с них осадочные породы, и каменные великаны снова перекрывают водную артерию.

Первый порог, совсем уже скрытый наносами и водой, заметный лишь по большому волнению поверхности над теми местами, где на дне покоятся несколько огромных гранитных валунов, я преодолеваю без особых трудностей – предварительно не причаливая для необходимой рекогносцировки к каменистому берегу.

Второй порог оказался намного внушительнее, и слышать его можно было издалека – так велики были грохот и гул, издаваемые им. Прямо на середине реки, по фарватеру, из водной толщи торчали три огромных и достаточно округлой, уже обработанной временем формы камня. Скорость водного потока на этом участке реки была весьма приличной. Посему водяные струи, ударяясь о твердые, фонтанировали, заворачивались замысловатыми вира-

жами во все стороны от камня, создавая при этом полутора-двухметровую волну. Водные струи морской волны, белые с большими щербинами каменные громадины, ясное утреннее небо создавали бодрый, оптимистичный настрой мыслей. В какой уже раз красоты местной природы завораживают и очаровывают меня.

Пороги следует всегда преодолевать, спешившись и пропуская сдерживаемую за капроновый трос надувную лодку у самой береговой линии, где водная поверхность намного спокойнее. При этом, конечно, бурные всплески перебросят через низкие борта резиновых лодок какую-то, иногда приличную, порцию воды, и после прохода порога необходимо сразу же избавиться от нее. Но в этот день я был настроен по-боевому. Высокий мышечный тонус, отличная реакция в любой момент обеспечат мне ловкость молодого леопарда и силу зрелого льва. Поэтому без раздумий решаю потягаться с шумливым порогом и направляю лодку в самое начало завывающих водных потоков. К большому своему удивлению, замечаю, что это оказалось наиболее удачным решением. Мое груженное с верхом плавсредство стремительно проскальзывает по пенистым гребням вздымающихся над водной гладью речных волн. При этом все содержимое лодки в абсолютной сухости и сохранности. Эта удача оказалась далеко не последней в то прекрасное осеннее утро.

Сотней метров ниже трех камней перед моим очарованным взором предстала великолепнейшая картина, детали которой вряд ли можно забыть до конца дней своих. Ущелье за порогом еще более сужается, а справа и слева в Буюнду вливают свои кристально чистые воды два небольших горных ручья. Из приустьевых зарослей стланика на валунистый берег медленной рысью выбежал огромный буюн. Великолепные, ветвистые рога северно-

го оленя замысловатыми украшениями возвышались над светлой, окрашенной в форме чепрака спиной животного. С той же благородной грацией зверь ступил в ледяную воду и, поглядывая вниз по течению, очевидно, он только оттуда в данный момент ожидал появления какой-либо опасности, поплыл через реку. Он уже преодолел середину реки, когда все же сумел взглянуть в сторону грохочущего порога. В тот же момент зверь узрел налетающего на него сплавщика.

Я уже был в десяти метрах от него. Самозарядка покоилась в носовой части лодки, руки крепко сжимали древки весел. Я и не помышлял даже о том, чтобы хватать оружие и, передернув стальной затвор, дослать из подствольного магазина в патронник снаряд мелкой картечи. Что-то подсказывало мне, что эта идиллическая картина не должна испытывать какого-либо вмешательства с моей стороны.

Нависшая вперед и по ходу тень глубокого ущелья. Яркий бирюзовый цвет прохладного сентябрьского неба. Белые, излучающие на солнце таинственный свет зубцы гранитных останцев, стройной шеренгой вставших по каменистым вершинам гор. Желтый, со многими оттенками янтарь хвои прибрежных лиственниц. Беспрерывные всплески сине-зеленых волн. Темно-зеленый нефрит сплошных зарослей кедрового стланика по крутым склонам ущелья. И вся эта, чрезвычайно насыщенная цветом контрастирующих между собой сочных, густых тонов красок картина создавала сильнейшее впечатление пронзительной, почти неземной и берущей за душу красоты.

В лучах лишь частично проникающего в ущелье солнца совсем небольшое, задержавшееся, может быть, всего на десяток минут над шумной рекой тонкое, невесомое и уже уходящее в небо облачко тумана и плывущий под ней в кипящей жемчужными всплесками воде дикий се-

верный олень навевали ощущение невероятной, божественной одухотворенности представших предо мной пейзажей. Да, стоит жить для того, чтобы хотя бы изредка видеть такое, – именно так, наверное, воскликнет иной закоренелый бродяга.

Через несколько километров сплава по уже спокойной Буюнде там, где река становится особенно широкой и полноводной, я после некоторых придирчивых оценок и прикидок выбираю место для остановки. На небольшой речной косе, в крохотной лагуне, рядом с таким же миниатюрным ручейком я выгружаю весь свой груз. Заготавливаю для обеденного костерка сухой хворост. Полчаса спустя появляется Вениамин. Несмотря на то что в лодке его полно воды, а сам он промок до нитки, видимо, на пороге накрыло большой волной, возможно, даже не одной, восторгам его нет предела.

– Ты видел, да? Как здорово! А какое было облачко над порогом! Не картинка, а само совершенство!

– Как раз под этим облачком был еще на воде буюн. Переплывал передо мной реку. Я чуть не таранил его лодкой.

– Да ты что? Вот это да! – глаза напарника округлились от удивления.

Я тоже был весьма доволен, день проходил интересно. Такие прекрасные виды природы остаются в памяти навсегда. Но работа есть работа. Во время готовки и приема пищи мы все время смотрим в окончание длинющего речного плеса. Из-за поворота через валунистый пережат могут выскочить на него моторные лодки. В конце концов ожидаемое происходит...

ГЛАВА 6. К ДОМУ

На освещенной лучами дневного светила стороне реки, между берилловыми и изумрудными берегами, в самом дальнем, аквамаринном краю огромного сапфирового плеса проявилось какое-то движение. Вначале с трудом различимое на фоне янтарного и яшмового обрамления зеленых берегов и лазурных вод реки. Через несколько мгновений стало ясно, что на повороте, на речном перекате объявился какой-то объект.

Поначалу я не придавал сколько-нибудь серьезного значения сему наблюдению. Мало ли что может мелькнуть над обманчивой поверхностью воды, да еще в такой зыбкой дали. Может, речная волна капризно взбрыкнула амазонитовой водицей. Может, плотная стая водоплавающих птиц низко над синими водами заложила крутой, предпосадочный вираж. Но спустя еще несколько секунд что-то все-таки заставило меня протянуть руку к лежащему рядом левому биноклю. Увиденное сквозь его окуляры зрелище заставило встrepенуться нас, засидевшихся за послеобеденным чаепитием. Срочно и очень быстро свернули лагерь. Залили речной водой догорающий костерочек. Подкачали до отказа камеры надувных лодок. Проверили боекомплект, зарядили оружие и, выждав небольшой промежуток времени, двинулись на перехват моторного плавсредства.

По мере приближения к нам пришельцев с низовьев реки становится хорошо видно, что вверх против течения реки стремительно, в режиме почти полного глиссирования продвигается небольшой легкий катерок. На двух «вихрях двадцатых» – сразу возникает догадка. Солидная

мощь и скорость у оснащенного такими лодочными моторами очень маневренного, к тому же весьма грузоподъемного, несмотря на небольшие габариты, речного катера. Уже заметно становится, насколько высоко вздернут форштевень, по днищу различается узкий и длинный киль, а боковые крылья спереди создают видимость бреющего полета над обманчивой и насыщенной визуальными эффектами поверхностью воды. В пассажирском отсеке катера заметны три человека. Они стоят, низко пригнувшись к рулевой части лодки, и напряженно всматриваются в речную даль.

На перехват! Сбрасываем на воду опустевшие лодки. Бросаем на их днища заряженные ружья и беремся усиленно грести веслами. Широкий и глубокий плес дает отличные возможности для маневров нашим противникам. Но все же есть хотя и небольшой, но шанс заставить катерников сбросить газ, прижать их к противоположной границе фарватера и в итоге уткнуться форштевнем в огромные прибрежные валуны.

Для того чтобы заставить браконьерский катер изменить курс, нужно выставить на его пути опасное препятствие. В данной ситуации этим барьером могут стать только наши лодки и их вооруженные владельцы. Мы старались изо всех сил и уже было добились своей цели, но сорок лошадиных сил против двух человеческих никак не могут составить конкуренцию. Совершив легкий поворот штурвала, рулевой катера изменил направление движения судна, огибая нас по дуге и рискуя при этом удариться винтами и редукторами движителей о какой-нибудь особенно возвышающийся на прибрежном мелководье гранитный валун.

Наши решительные попытки отсечь браконьерам путь в верховья реки не привели к сколько-нибудь положитель-

ному результату. На команду остановиться и заглушить моторы старший из экипажа покачал головой и жестом свободной руки дал знать, что очень торопится и им не до разговоров. Причина, конечно, будет совсем иной, как впоследствии выяснится. Катер с легкостью аэроглизсера проносится мимо наших лодок. Последние качаются на поднятых им волнах. Обескураженные и обозленные неудачей, нехотя возвращаемся к своему берегу. Закономерный итог – на больших водных пространствах на весельных лодках в оперативной работе далеко не уехать. Срочно нужны мощные движители и современные плавсредства.

Нам ничего не остается, как приниматься за тщательную упаковку багажа, приведение в порядок снаряжения и имущества, так как предстоящий переход запланирован нами как последний перед выездом в свой городок. До глубокой ночи нам нужно сплавиться до старой геологической базы, откуда есть лесная дорога на одно из ответвлений основной колымской трассы. При этом я продолжаю посматривать на перекат за большим плесом, ожидая появления других судов.

Следующая моторная лодка не заставила себя долго ждать.

Вначале послышались отдаленные выстрелы. Где-то еще на подходе к перекату кто-то упражнялся в стрельбе по дичи. Через несколько минут, словно в подтверждение наших предположений, мимо нас на большой скорости пронеслась небольшая стая нырковых уток. Спустя еще некоторое время из-за поворота медленно выползла длинная и узкая лодка «казанка». Мощности одного мотора, к тому же, видимо, не последней модели и с небольшим запасом проектных лошадиных сил, этому плавсредству, имевшему на борту также трех человек, явно не хватало.

Кое-как одолев бурлящий перекат, «казанка» вдруг

прекратила движение, а пассажиры на ней засуетились. Один из них склонился над заглохшим лодочным двигателем, двое других взялись за длинные, с огромными лопастями весла и начали подгрести к каменистому берегу. Все ясно. Случилась неисправность в моторе, и теперь им требуется некоторое время для того, чтобы отремонтировать его, отвязать уже закрепленный на берегу лодочный трос, загрузиться и отчалить от берега.

Нам предоставилась великолепная возможность реабилитировать себя после конфуза с мобильным и мощным катером. Упускать ее мы никак не хотели, поэтому, принимая всевозможные предосторожности, мы начали сближение с лодочниками. Для начала быстро и незаметно для противников пересекли плес и оказались вблизи того берега, к которому причалили рыбаки. Это была теневая сторона ущелья, поэтому все наши дальнейшие маневры, которые мы совершали под прикрытием огромных гранитных валунов, в изобилии имевшихся на мелководье, оставались для объектов скрадывания совершенно незамеченными. Огибая на весельных лодках один большой камень, мы тут же уходили под прикрытием другого, такого же большого гранитного валуна.

Когда до причалившей к каменным громадинам «казанки» оставалось всего-то полсотни метров, пришлось сближаться с рыбаками в открытую, по чистой воде, так как прятаться на этом промежутке реки было уже невозможно, ни одного подходящего для этого валуна между мной и рыбацкой троицей не оказалось. Сильными и резкими толчками весел я разгоняю лодку и стремительно подчаливаю к оторопевшей и ничего не понимающей группе людей. Причаливаю резинку к металлическому корпусу моторки и перебираюсь через высокий борт вовнутрь. Выясняю, что у них плохо отрегулировано зажигание и посему

двигатель плохо тянет, а зачастую попросту глохнет. Я посоветовал на всякий случай заглянуть в топливный бачок, проверить, нет ли в топливе взболтавшейся и рассредоточившейся в бензине воды. Последняя часто бывает причиной плохой работы движителя. Рулевой, очевидно, хозяин моторной лодки, так и сделал. Но после того, как подчаливает Вениамин, я вынужден перейти к формальной стороне встречи. Представляюсь устно и предъявляю удостоверение в красном переплете, после чего прошу показать все рыболовные снасти и охотничьи атрибуты для проведения мной необходимого досмотра.

Оружие – старую, разбитую, но, видимо, еще обладающую отличным боем вертикалку – пришлось изъять сразу, так как на него не оказалось никаких документов. Затем в ящике из оцинкованных железных листов обнаруживаю несколько больших кусков лосиного мяса, части ребер с большим кровоподтеком, видимо, место попадания пули, и сердце без клапанов. Все это я тщательно изучаю, а сердце даже взвешиваю бытовым безменом (небольшие пружинные весы, которые я всегда вожу с собой).

– Мясо домашней коровы, с личного подворья! Не вижу в этом ничего криминального, – при этом мужичок довольно нахально улыбается.

Но самодовольство его моментально улетучивается и сменяется крайне встревоженным выражением лица, когда приходится начать рассказ о том, что это молодая, двухлетняя лосиха. Убита в момент переправы в месте выхода реки из горного ущелья. Убита в левый бок с очень близкого расстояния тяжелой свинцовой пулей. Скорее всего, типа Бреннеке, Якана или, в крайнем случае, пулей Майера.

Конечно, по весу сердца я быстро определил пол и возраст сохатого. Но то, что она убита в таком-то месте и

такими-то пулями, было моей чистойшей импровизацией, которую я рискнул выдать за уже известный факт. Очевидно, предположение оказалось настолько точным и так мало отличалось от действительности, что слушавший мой монолог браконьер запаниковал. Деморализованный, с безвольно опущенными вдоль тела волосатыми руками, он сидел на месте рулевого у разобранного лодочного мотора и пытался упорядочить взбудораженные, дезорганизованные мысли и способность принимать решения, а также возможность двигать какими-либо частями тела. Остальные двое пассажиров, а также Вениамин с ними стояли как статуи, пораженные неожиданностью.

Такой оборот меня устраивал как нельзя лучше. Поэтому я преспокойненько развернулся спиной к мотористу и начал вытаскивать из багажного отсека в носовой части лодки кипы запрещенных законом рыболовных снастей одну за другой. Но через несколько секунд пришлось все это на некоторое время прекратить. Сначала за спиной загремели какие-то металлические предметы. Я резко обернулся на источник звука, предполагая, что нарушитель взялся за холодное оружие и сейчас попытается провести атаку. Мне в этом случае необходимо надежно отбить ее и быстро обезвредить нападающего.

Но вместо занесенного над собой топора или весла я вижу, как летит за борт, в зеленоватые воды Буюнды все содержимое оцинкованного ящика. Все лосиное мясо, сносимое течением, уносится на трех-четыреметровую глубину и виднеется там едва различимыми красными пятнами. В следующее мгновение браконьер, охваченный паническим страхом ответственности за содеянные делишки, с круглыми, выпученными глазами тянется к новой порции вещдоков, а именно к запрещенным рыболовным снастям. Одну из них он все-таки успел схватить и, выгибаясь, слов-

но метатель молота, далеко за борт лодки, пытается отбросить ее подальше от себя. Но последнее ему уже не удается. Схватив его за полы куртки, водружаю человека на прежнее место. Почувствовав железную хватку и абсолютное отсутствие желания с ним церемониться, браконьер затихает в угрюмом молчании. Мой напарник в позе сторожа с картинно выставленным ружьем застыл над возлежащими под ним на огромном и плоском граните двумя соучастниками нарушителя. По всему было видно, что тот не имеет никакого понятия, как положено страховать занимающегося досмотром инспектора. Никто, видимо, его этому не учил.

На прощание все же помогаем троице разобраться с лодочным мотором и отправляем их в очередное плавание, но уже без оружия и браконьерских снастей. Освободившаяся от тяжелых кусков свежей лосятины железная емкость долго маячит на речных волнах прямо по нашему курсу, пока нам не удалось у следующего переката обогнать ее.

Предвечерье на выходе реки Буюнды из горной гряды весьма примечательно. Развалившись в лодке и вытянув ноги над бортами, молча любуемся открывающимися красотами и картинными из жизни местной и перелетной пернатой живности. Видимо, где-то поблизости находятся гнездовые станции серощеких гагар. Целый выводок поздно ставших на крыло птенцов краснокнижников вместе со своими весьма приличного размера родителями шныряли над нами взад и вперед. Вообще-то речные гагары – птицы преимущественно одиночного образа жизни, редко когда можно встретить более двух остроклювых птиц одновременно. Чем было вызвано их стайное поведение – осталось загадкой.

Перед закатом солнца со стороны низовьев реки слы-

шу шум еще одной моторной лодки. У меня на виду судно поднимается из-под крутого переката мне навстречу. Ширина фарватера здесь минимальная, меньше десятка метров, поэтому легко прижимаю лодочников к отмели. Подчаливаю к ним, привязываюсь коротким фалом к поручням их плавсредства и преспокойно перебираюсь к лодочникам. Их в моторке трое, и одним из пассажиров, к большому моему удивлению, оказывается весьма красивая молодая женщина. Несмотря на высокий боевой настрой, досматривать именно эту лодку у меня пропало всякое желание. Тем более что третьим членом экипажа оказался пожилой мужичок, ее отец, как мне удалось определить по некоторым чертам, а рулевым оказался муж красавицы.

Мне стало нехорошо от одной мысли, что можно было подумать, наблюдая мои почти военные маневры на воде, страшные угрозы, командирский приказной тон. Некрасиво со стороны выглядит в общем-то вынужденная сторона нашей работы.

– Не жаль ее? Возить по дымным избушкам? В дождь, ветер и прочее?

– Она сама просится. Заставляет нас ездить чаще, чем нам нужно.

Разговорчивый рулевой охотно рассказал мне о том, что видел в низовьях. Какие машины, где, сколько у них людей. Очевидно, такие подробности мне очень здорово пригодятся. Ну а для него это оказалось действенным средством избавить свою красавицу жену от любопытно-восторженных взглядов молодого охотника.

Моторку с заглушенным двигателем стремительно несло на перекат. Поэтому я, поблагодарив рыбаков за информацию, как можно быстрее перебрался в свою весельную лодочку. Напоследок бросив украдкой взгляд на молодую романтическую красавицу, встретил ее большие, с

лукавинкой глаза. Подсвеченная ярким закатным светом небесная бирюза осени отразилась в ее голубых очах пронзительной озерной синью. Она улыбалась. Я запомнил ее, а спустя всего лишь минуту размышлял, хорошая ли это была улыбка. Не от лукавого ли? Не оплошал ли я, не проверив тщательно моторку? А может, я слопоушился в противоположном смысле? Хорошо бы последнее. Так и не ответив на все поставленные вопросы, я все же прихожу к единственно верному выводу – скорей домой. А то можно и одичать в бесконечных рейдах по глубинным таежным местам.

На жалкие остатки светового дня жадно навалилась густая ночная мгла. Многочисленные звезды и планеты на ночном небосклоне в подобной осенней темени очень мало помогают различать безопасные пути сплава. Я вздохнул с некоторым облегчением лишь тогда, когда увидел на берегах реки несколько ярко-оранжевых светлячков ночных костров. До них было еще далеко, и времени для того, чтобы, посоветовавшись с напарником, принять нужное решение, было вдоволь. Буюнда здесь окончательно успокаивалась, и теперь ее медленное беззвучное течение нисколько не мешало размышлять и слушать все, что творится вокруг. Мы знали, что спать нам снова не придется – предстояла трудная, опасная, но такая необходимая и значимая ночная работа.

На плато орлов и соколов

«Натуралист, биолог и зоогеограф, занимающийся высшими позвоночными, обязательно должен быть охотником; с другой же стороны, всякому желающему сделаться хорошим охотником неизбежно приходится без всякой даже предвзятой научной цели обращаться в натуралиста...»

Д. К. Соловьев

ЧАСТЬ 1. ПОДГОТОВКА

Любая мало-мальски серьезная полевая работа, а тем более исследовательская, требует остаточных материальных средств и финансовых вливаний.

Превосходные физические и профессиональные качества не обсуждаются — это обязательные и сами собой понимающиеся условия.

В грозные, а точнее воровские девяностые, и в не менее криминальные годы на рубеже веков подготовиться к любой экспедиции было сложно. Но другого не оставалось: либо отсиживать положенные часы в кабинетах бюджетных ведомств, месяцами, а то годами не получая зарплату, либо действовать — находить средства там, где это

возможно было еще сделать.

Для подобных целей я устраивался в геологические отряды, бригады лесорубов, выезжал на вахты в качестве монтера, монтажника различного оборудования, плотником строил геологоразведочные базы – несколько месторождений были запущены в эксплуатацию не без моего участия. Бывало, организовывал промысловые рыбалки, попутно расширяя географию исследований и зарабатывая средства для экспедиций. Даже взрывником пришлось отметиться.

Конкретно этому полевому сезону, о котором я решил рассказать, предшествовало бригадирство на лесоповале. Конечно, со временем и о других «заработках» по случаю будет рассказано, пусть даже рамки жанра позволят это сделать всего лишь на одну десятую-двадцатую от всего увиденного, услышанного и совершенного.

Не всегда такие мероприятия проходят гладко, без происшествий. Капризная госпожа Удача имеет свойство поворачиваться весьма неожиданной стороной...

Бригада комплектовалась ускоренно. Инструменты, механизмы и приспособления не были готовы даже в момент заброски на лесосеку. Все приходилось доделывать на ходу.

Снег уже лежал. Морозы все крепчали. Зима выдалась относительно малоснежной, но с частыми и сильными северными ветрами. В сильный ветер валка запрещена, но мы не собирались считаться с такого рода запретами. Все в разной степени имели опыт работ по заготовке деловой древесины. Поэтому предполагалось без раскочки начать работу по всему технологическому циклу – валка, трелевка, раскряжевка, сортировка и складирование на удобной для погрузки бирже.

Сами же достроили жилой вагончик на колесах. Оборудовали его еще не опробованной буржуйкой. Железная

печь имела один, сразу бросившийся в глаза дефект, который, к сожалению, исправить не успели – труба имела меньший диаметр, чем регулируемое поддувало. Это означало, будет плохая тяга, дым в помещении, продукты сухой перегонки в местах соединения труб будут постоянно стекать на горячую плиту и дополнительно отравлять обитателей балка.

Сколотили нары на шесть человек. По стенкам набили полочек. У единственного окошка поставили длинный стол с такой же скамейкой.

В пути пытались протопить печку для того, чтобы хоть немножко подсушить сырые доски, из которых был сколочен передвижной балок и все внутри него. Это занятие оказалось небезопасным, пришлось открыть настежь дверь и часть пути проделать именно так.

Условия трудового договора с нанявшим лесорубов предприятием жесткие. Никто ни с кем не собирался нянчиться. Им срочно был нужен большой объем деловой древесины для масштабных ремонтных и строительных работ. К тому же в случае продажи другим организациям государственное предприятие имело хорошую возможность укрепить свое и без того неплохое финансовое положение. Топливо, масла, продукты питания вычитались из нашей зарплаты по завершении работ. Погрузка и вывозка, как обычно, осуществляется самим предприятием.

Для трелевки и работ на бирже к бригаде прикреплен трактор ДТ-75 с молодым, тщедушного вида трактористом. Мы сразу окрестили его Пацаном. Возникли опасения, что с этим совсем зеленым человечком, психически неустойчивым и слабо владеющим ремеслом, придется познакомиться. Они оправдались на все сто процентов. То, что руководство предприятия не собиралось изначально расплачиваться по-человечески, стало ясно сразу же после

привоза продуктов питания. Мясо не первой свежести – австралийская кенгурятина, доставшаяся бесплатно в качестве гуманитарной помощи, – обошлось нам по цене французской отбивной. Несколько мешков древних, еще советского производства папирос, пролежавших где-то в жилище амбарных крыс не один и не два года, можно было сравнить с ценой гаванских сигар. Но альтернативы на эту зиму уже не было. Компенсировать воровской оброк решили усиленной работой.

Прибывшие на лесосеку лесники и лесничие мехлесхоза разметили границы деляны, отметили клеймами часть деревьев. Определили место под биржу готовой продукции, которое мы в первый же день работы перенесли в другое, куда более удобное место. Зато главные и второстепенные волокнистые сделали точно в указанных местах.

Пришлось как следует поспорить со спецами из лесхоза. Сразу было видно, что многие из них окончили где-то заочно-заушно техникумы и даже институты, но практики как таковой было очень мало. Пришлось доказывать очевидные для опытного человека истины.

В работу включились без обсуждения деталей, все понимали: хорошо отработаем лесосеку – получим приличные деньги, пусть даже немалая часть их осядет в карманах работодателей. Запланированные к рубкам объемы позволяли снисходительно относиться даже к такого рода потерям.

С самого начала пришлось заняться обучением, на деле показывать преимущество и необходимость лучших способов валки и последующей обработки древесины. Оказавшийся среди нас выпускник какого-то подмосковного лесного техникума был под стать спецам лесхоза: с пробелами в навыках и знаниях своего ремесла. Переучивали по ходу работы, не обращая внимания на амбиции и про-

явления недовольства. Перевоспитывать поздно, поэтому оказался весьма кстати армейский принцип «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим». Поначалу все прекрасно получалось.

Лес для валки достался неудобный. На профессиональном жаргоне называется «пьяным», то есть такой древостой, стволы которого имеют сильный наклон. Сильный ветер, почвенные условия и водная эрозия заметно сказываются на качестве лесов.

Валить деревья полагается, ориентируя их строго под определенным углом к волоку. Пни оставляются как можно более низкие, чтобы не мешали трелевке стволов. Иначе возникают трудности при формировании пачек хлыстов: уже свободные от сучков и веток стволы, цепляясь за пни, ломаются пополам или отламываются вершины. Все это означает потерю рабочего времени и снижение выхода деловой древесины.

Работать приходилось до глубокой ночи. Последние хлысты сортировали и складировали уже при свете тракторных фар. Прежде чем начинать рубку волоков, нужно вывозить все ранее спиленные деревья. На этот раз задержались особенно долго. Закончив раскряжевку последней пачки хлыстов, я отложил мотопилу и присоединился к остальным членам бригады – окутанные паром от дыхания, они давно уже пыхтели, сортируя древесные стволы. Наконец древесина складирована, приготовлена для погрузки. Из кабины трактора спрыгивает разгоряченный Пацан и громко, стараясь перекрыть шум работающего дизеля, не скрывая восхищения, орет:

– Восемнадцать резов за один день! Вот это да-а-а!

Очевидно, он уже начал ощущать в своих пустых карманах шелест крупных денежных купюр. Но кто-то возражает ему:

– Какой день! Скоро рассвет уже!

Все начинают спешно вынимать из карманов свои наручные часы и всматриваться в них.

– Полпервого ночи, всего-то! Ха-ха!

Слаженная работа поднимает всем настроение. Даже усталости не чувствуем после несколько дней тяжелой и довольно опасной работы. Важно до наступающих морозов произвести большую часть вырубki. На морозе и техника, и люди испытывают более высокие нагрузки. Соответственно, механизмы ломаются, люди заболевают. Последние иногда приобретают нервно-психические расстройства и не поддаются какому бы то ни было лечению. Это тоже надо предвидеть и, как любые подводные камни, заранее обходить.

Начинаются морозы. Ночная температура давно уже ниже сорока градусов по Цельсию. Для ускорения работы разделяемся на две пары вальщиков. Недели обучения по принципу «Делай, как я», казалось бы, позволяют быть абсолютно уверенным во всех членах бригады. Но жизненные реалии могут опровергнуть даже самый здравый смысл.

После нескольких дней напряженной, от темна до темна работы в обеденный перерыв зашел на другой край лесосеки, где функции вальщика выполнял выпускник лесного техникума. Увиденное бросило меня в жар и пот! Рукотворный бурелом предстал перед взором. Накрест поваленные деревья, высоченные пни. Такие пни на Колыме оставляли эки в гулаговские времена, так как пилить лес приходилось вручную и чаще всего в зимний период. Спилены не только заклеименные деревья, но и те, которые десятилетиями никто не смел трогать – это защитная полоса вдоль берега реки, да еще с не представляющим товарной ценности тонкомером, то есть растущим на сме-

ну зрелому лесу подростом. Все глупости и нарушения, которые возможно было сделать в этом месте, я увидел перед собой... Ни одной не пропущено!

Возник ворох вопросов и проблем. Сколько нужно заплатить, а потом еще пообещать сверху человеку, чтобы тот запросто лишил себя и всю бригаду более чем годовой зарплаты?! И вообще какие обстоятельства могут заставить кого-либо вредить самому себе, да еще так крупно?

В душе клокочет ураган, чешутся кулаки. Кто бы мог подумать, это, оказывается, не просто присказка, а реальное чувство! С самыми решительными намерениями направляюсь к собравшейся на обеденный перерыв бригаде.

В балке с порога задаю вопрос:

– На каких врагов народа работаешь, иуда? Рассказывай по порядку!

По ходу разъясняю, что после всего совершенного в обязательном порядке последует через пару-тройку дней. Крупные штрафы, арест лесосеки и всей заготовленной и приготовленной к погрузке древесины.

– Может, обойдется? Договорятся как-нибудь? – до бригады не дошли слова.

Они не могут их осознать. Природная бронелобость, а не только отсутствие опыта, тут уже ничего не поделаешь. Чтобы успокоиться, выхожу из помещения и принимаюсь вручную, ножовкой пилить сушняк и мелко колоть его. Печка не дымит только после предварительной топки ее сухими и мелко колотыми дровами.

Однако то, что пришлось услышать, добавило адреналина, и эмоции еще больше захлестывают: двуногий антропоид с дипломом техникума подстрекает лесорубов к физической расправе с бригадиром. Все согласно зоопсихологии низших приматов – бабуинов и макак. Мартышки, как ни странно, будучи более древними животными, ино-

гда показывают куда более человеческое поведение, особенно между собой. Такое оголтелое обезьянничество нужно всегда пресекать. Забегаю по трапу к двери балка, открываю ее и вижу, как Бабуин Макакович срывает висящую на гвозде двустволку. Раскрывает ее и тянется свободной рукой к патронташу с патронами. Пришлось еще и за это всыпать как следует.

Два апперкота, несколько размашистых, от души боковых ударов. Уже падающему – два пинка в помидоры. Бабуин лежит, скорчившись, изображает потерю сознания. Бригада с безразличным равнодушием перешагивает через лежащего, топчет его кровь. Каждый наливает себе чай, делает бутерброды, накладывает кашу с тушенкой.

После обеда вышли на работу позже обычного. Настроение упало, все почувствовали, что грядут неприятности. Так бывает: один завистливый и маразматичный олигофрен легко сводит на нет результаты непосильных трудов всей бригады лесорубов. Всем коллективом идем разбирать завалы из бревен и жердей. Под пологом притихшего леса то и дело раздаются вопли гуманоида: «Фаши-и-ист, фаши-и-ист!». Но работает, как все, и это главное.

За два последующих дня с большим трудом вывезли половину с дурно спиленной части лесной деляны. Порвали несколько новых чекеровочных тросов. Потеряли часть стальных крюков – чекеров. Вдобавок ко всему Пацан наехал гусеницей на высокий пенек и чуть не перевернул трактор. При этом, видимо, слегка прободил поддон дизеля. Быстро сгустившиеся сумерки и наступившая темнота не позволили заметить в снежной каше капли моторного масла.

После того как сломали несколько превосходных древесных стволов, решили ночами не работать. В сумерках и при луне теперь мы только собирали порубочные остатки и сжигали их. Но и это не спасло нас от первой неприятности.

Морозным утром при прогреве и заводке трактора Пацан поленился проверить уровень масла. Дизель на наших глазах пошел вразнос. Сначала раскалился докрасна, затем добела и вспыхнул ярким пламенем. Редко можно видеть, как горит металл. Такое происходит иногда при попадании кумулятивных снарядов в бронетехнику. Тракторист улыбается. Его веселит красочное зрелище. Он еще не сообразил, что уже избавил бригаду от своего присутствия. Спустя некоторое время, конечно, понял все и стал вести себя крайне неадекватно. По поводу и без повода начал бросаться на людей с разделочным ножом. Последний, конечно, легко отбирали, в лучшем случае все заканчивалось пинком под зад. Все с самого начала недоумевали, зачем приставили к нам чересчур сублильного работника. Сразу было понятно, что похожий на девицу из дамского журнала инфантил не выдержит ни физических, ни морально-психологических нагрузок.

С первой же машиной, привезшей нам продукты и топливо, отправили Пацана домой. Там он получил свои давно заработанные три года заключения – поцарапал кого-то ножичком в бытовой ссоре. Почему так мало? Видимо, оказался чьим-то родственником, как мы сразу и предположили.

Еще через день ровно в полдень над нами на большой высоте пролетел вертолет. Кое-кто кожей своей почувствовал, что пришла главная неприятность. И не ошибся. Спустя непродолжительное время этот же вертолет выпорхнул из-за ближней сопки и завис над лесосекой. Из приземлившейся на бирже винтокрылой машины выскочили несколько человек. Все мои старые знакомые. Начальник лесного управления и его инженеры охраны лесов. Сразу посыпались негодующие фразы: «Вертолетный аэродром, а не лесосека! А пни-то какие!». Как

итог – наложен арест на всю заготовленную продукцию. Работы по заготовке древесины прекращены. Я, как положено бригадирам в таких случаях, когда в защиту нет абсолютно никаких аргументов, незаметно смылся с ружьем на плече – искать на ужин многочисленных в этом году глухарей.

На другой день уже на машинах приехали и руководители предприятия. Нашли и арендовали в том же мехлесхозе легкий трелевщик с лебедкой, щитом и отвалом – как положено. От лесной охраны откупились деловым лесом, топливом, запчастями. Бригаде напомнили условия договора и «благополучно» повесили на нас все связанные с этим инцидентом потери. Но работы продолжились.

Вот здесь только по-настоящему дошло до лесорубов, насколько опустошил их карманы подлый Бабуин. Работяги готовы были разорвать его на части сразу после отъезда начальства. Еще бы, теперь предстояло работать почти на рабских условиях – как любят шутить в таких случаях, «за хавку».

К началу летнего полевого сезона удалось приобрести самый минимум снаряжения, продуктов, разрешительных бумажек. Патроны после некоторых раздумий решил не покупать. Были запасы прошлых лет. Правда, почти все они армейского образца с суррогатированной пулей семидесятых и даже шестидесятых годов производства. Некоторые особенности позволяют быть им весьма убойными. Сейчас таких, к сожалению, не производят. Предстоящий полевой сезон по многим признакам обещал подарить массу удивительных открытий и чудесных впечатлений. Предчувствия не обманули.

ЧАСТЬ 2. РЕЛИКТОВЫЙ МЕДВЕДЬ

Малоснежная сухая зима, как полагается, сменилась ранней и короткой весной. Уже с середины мая можно было приступать к полевой исследовательской работе. Прокладывать маршруты по горным склонам и в долинах рек. Многочисленные снежники уже не представляют собой сплошного труднопреодолимого массива, и всегда можно обойти их, если, конечно, в этом бывает необходимость. Правда, в окрестностях горных плато, где и планировалась вся полевая работа на этот сезон, снежные поля были еще весьма обширными и почти непроходимыми.

По этой причине тренировочные маршруты я заложил по близлежащим горным узлам и перевалам. На них уже установилась почти летняя погода. Ночами изредка еще случались заморозки, такие, что лужи замерзали, но днем солнце жарило основательно.

В третьей декаде мая выехал в намеченные для обследования горные плато. Среди первоочередных задач стояли такие важные как с научной, так и с хозяйственной точки зрения цели, как выяснение наличия или отсутствия на исследуемой территории черношапочных сурков и снежных баранов чисто-белой окраски. О последних знали еще в восьмидесятых годах, на них охотились и олениводы, и геологи. Охотники иногда наблюдали удивительные картины – сцены брачных боев, где один самец имел очень темную окраску, другой же толсторог был белым, как снег.

Самому в начале охотоведческой карьеры посчастливилось видеть их несколько раз в различных горных системах. Уже тогда появились опасения о скором исчезновении в результате поглотительного скрещивания. Комбина-

ция генов, отвечающая за белую окраску, неизбежно перейдет в рецессивное состояние, то есть потомки будут уже либо пегими, как лошади и крупный рогатый скот различных пород, либо окрашены, как все остальные бараны. Тем более что уже в конце восьмидесятых годов ледово-ледниковая морфа встречалась в составе больших групп зверей с обычной, темной окраской.

Начались бандитско-воровские девяностые годы, обернувшиеся для северо-востока Сибири дикими, крайне истребительными вертолетными сафари, а часто откровенными и массовыми заготовками мяса диких копытных. Причем местные охотники, как правило, оставались с носом – дичину заготавливали в прямом и переносном смысле через их головы воровские группировки из региональных административных центров. Само собой, противостоять им, если только не использовать самых радикальных способов, не было никакой возможности.

Почти лишенные лесной растительности горные системы оказались наиболее уязвимыми. В кратчайшие сроки живность на них была либо истреблена, либо рассеяна по окрестностям.

В качестве попутной задачи предполагалось продолжить изучение поголовья медведей. Несмотря на масштабные перемещения, переходы с целью переселения, разведки ресурсов, поиска брачных партнеров, обитающие даже по соседству медведи имеют иногда громадные морфологические и генетические отличия. Это было замечено давно. Начать настоящие исследования мешала страусиная политика столичных академических авторитетов. Весьма забавными выглядят их тактика и стратегия: от тотального и тупого отрицания очевидных фактов до полного их признания, но уже в качестве собственных достижений.

Однако высшие интересы заставляли даже на такие мерзкие штучки смотреть снисходительно. Очевидно, главной причиной является то, что настоящая исследовательская работа почти всегда искусственно недофинансируется, поэтому занимаются этим увлеченные своим делом энтузиасты, которым по большому счету наплевать, сколько амбарных зверьков растаскивает результаты их многолетних трудов.

К моменту выезда на полевые работы местная ветеринарная станция заказала шкуру медведя, которую в качестве бартерного обмена за дефицитные препараты просили их коллеги на материке. А в региональный академический институт поступил заказ от японских генетиков на образцы тканей тундряных куропаток для генетических исследований. Все эти работы связаны с тяжелейшими и опасными условиями пребывания в горных редколесьях и тундрах. Способных продуктивно трудиться в экстремальных условиях людей всегда можно было пересчитать по пальцам.

Мне о более удачном стечении обстоятельств даже мечтать было трудно. Не бог весть какая компенсация за провальные зимние заработки, конечно, но главное – все в тему моих личных исследовательских интересов.

В третьей декаде мая можно было обходиться без теплой зимней одежды. Ее вполне заменяли шерстяной свитер, теплые носки и водолазное термобелье. Спальник, конечно, пришлось таскать по горам весь летне-осенний сезон. Вместо палатки – тент из тонкой брезентовой ткани.

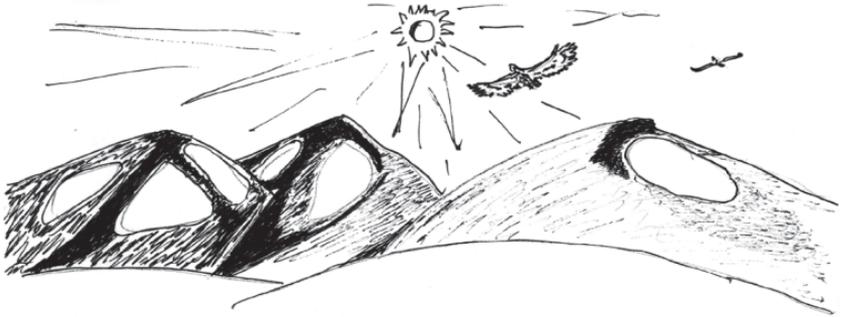
На этот раз госпожа Удача проявила благосклонность с первых же суток полевых изысканий. Теплый солнечный день с редкими облаками на лазурном небосводе как нельзя лучше подходил для начала длительной, трудной, но интересной одиночной таежной работы.

На первых же километрах пути натолкнулся на запрещающие сигналы самца медведя. Скорая весна, видимо, спровоцировала относительно ранние сроки брачного поведения косолапых. В третьей декаде мая признаки ухаживания и спаривания у медведей северо-востока Сибири отмечаются крайне редко. Причем всегда возникают сомнения по части достоверности такого рода сведений. Здесь мне посчастливилось наблюдать это самому.

На одном берегу ручья медвежья пара пыталась раскопать гнездовую камеру колымских сусликов. Обитатели подземного жилища остались живы, но был серьезно нарушен тепловой и гидрологический режим. Попросту говоря, ночами стало значительно холоднее, чем было, а в дождь и при таянии выпадающего даже в мае снега в утепленном доме грызунов оказывалось слишком влажно. Со всем крохотные сусличата – в нормальных условиях в таком возрасте они еще не вылазят на свет – вяло играли у входа в нору и исчезли при моем появлении. Ясно, что вся семья грызунов покинет это место, как только зазеленеет трава.

Я, не теряя времени, принялся оборудовать примитивную лежку-засаду на другом берегу ручья. Под поваленной ветром лиственницей расстелил спальник, сверху на жердочках растянул тент. Была большая вероятность того, что хищники в ближайшие сутки появятся у недокопанной сусличьей норы. Хотя бы просто удостовериться, что никто не интересовался результатами их труда.

Недалеко от моей засады этими же медведями была разграблена бурундучья кладовая. Хозяин ее жив и здоров, не унывает, шныряет под куртинами кедрового стланика, занимается своими обыденными делами. Большая часть склонов сопок, особенно солнечной экспозиции, сплошь покрыта зарослями кедрача. Сколько в таком оре-

ховом изобилии маленький и полосатый труженик складировал пищевых запасов, никому не известно. Однако хлебников у него более чем достаточно, к тому же они не прочь и его самого пустить на закуску. С более мелкими грызунами он сам может вполне в духе хищных мясоедов разобраться.

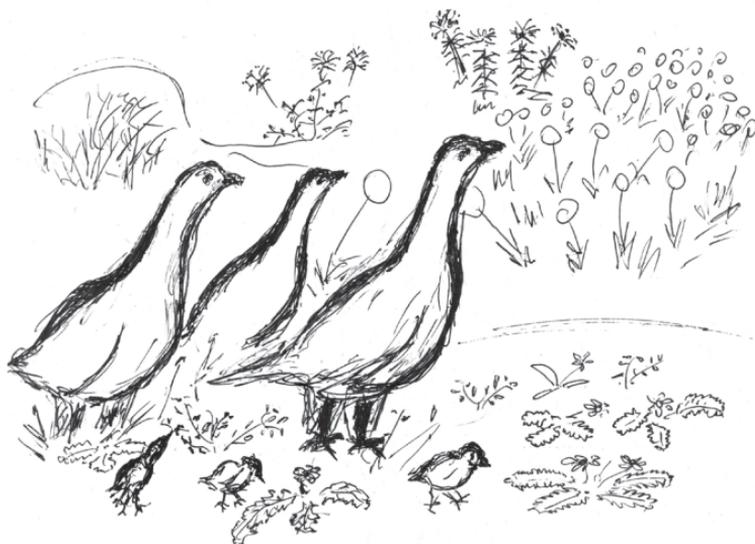
Вплотную к верхней части снежных полей подступают обширные горные тундры с лишайниками, мхами, осоками, альпийскими разнотравными лужайками, россыпями щебня и каменного сланца. Горное лиственничное редколесье везде сопровождается зеленью кедроча. Лиственнички во многих местах поднимаются значительно выше стланика. Самые медвежьи места. Поэтому разведку окрестностей начинаю уже с первого вечера. Главное правило охотника – найти зверя раньше, чем тот почувствует надвинувшуюся на него смертельную опасность.

Растянув тент из палаточной ткани, маскирую засаду ветками кедрового стланика, оставив при этом большие окна для постоянного наблюдения за медвежьей тропой и всем, что рядом с ней. Рыскающий в ближайших кустах бурндук не вызывает каких-либо опасений. Этот грызун куда более добропорядочно себя ведет, чем его дальние родственники по отряду – мыши, полевки и суслики. Последние (бывало много случаев) привезенные запасы круп, макарон, сухофруктов и даже карамельных и шоколадных конфет в несколько десятков килограммов растаскивали по своим подземным кладовкам и хранилищам за считанные дни. Людям оставались пустые упаковки из картона и дощечек. В них почти всегда с самой незаметной стороны имелись сквозные отверстия, через которые и проникали несунуны в продуктовые запасы полевикув.

Однако задерживаться в этом месте более чем на двое суток я не собирался. Поэтому накрыв снаряжение и при-

пасы от возможного дождя или мокрого снега, взяв с собой только бинокль, выхожу на протоптанную медведями тропиночку. Повсюду на границе горных тундр, альпийских лугов и лиственничного редколесья самцы тундряных куропаток издают свои брачные «песни». Там, где есть деревья, валуны или просто высокие кочки, птицы располагаются на них. Где ничего этого нет, только ровная тундра, куропатки сидят на не растаявших еще островках снега. Очень часто курочки стараются использовать белый окрас своего зимнего еще оперения, растворяясь на поверхности снежных полей и обширных полян лесной и оленьей кладоний. В это время ягельники имеют очень светлый, почти белый окрас.

Вывод простой – несколько предыдущих благоприятных летних и зимних сезонов поспособствовали резкому увеличению численности куропаток, рябчиков, глухарей.

Начались пиковые в регионе для северных курочек годы. Подпускают к себе близко, особенно когда токуют на невысоких разлапистых листовяшках. С видимой неохотой снимаются с дерева лишь в момент, когда человек подошел практически вплотную. Все говорило о том, что это поколение куропаток еще не встречалось с людьми.

Пиковые по численности куропаток годы давали мне редчайшую возможность, о которой до выхода в горные плато задумываться не приходилось, а именно провести широкие экологические, этологические и морфологические исследования. Времена наивысшей плотности птичьего населения далеко не каждому полевику удастся захватить за весь период своей трудовой деятельности. Я таким подарком воспользовался на все сто процентов.

В нескольких километрах от временного лагеря обнаружили следы и более раннего присутствия медведицы. В середине мая она еще пребывала в одиночестве. Искала и находила в большом количестве по запаху – по-другому в этот период их найти невозможно – корневища многолетних тундровых и альпийских растений. Я пробовал некоторые на вкус и нашел их весьма съедобными. А если учесть, что это было перед самым началом вегетации, то подземные части оказались еще и питательными. Конечно, в качестве основных нажировочных кормов эти корешки не только в северных, но и в куда более южных регионах рассматривать нельзя.

В середине позапрошлого века в монгольских и тибетских нагорьях обитало огромное количество медведей. Некоторые из них во взрослом состоянии были весьма приличного размера, другие намного меньше первых – научную классификацию и тех и других до сих пор никто не может по разным причинам определить. Основу их питания составляли насекомые, полевки, суслики, сенокоски,

сурки. Изредка им перепадали, надо полагать, остатки добычи других хищников. Тогда еще были многочисленны антилопы-дзерены, сайгаки, джейраны, лошади, горные бараны и козероги, не считая диких яков до тонны весом и других, также многочисленных, тибетских, экзотических для нас копытных животных. На открытых пространствах медведи были очень уязвимы, но их особый статус «божьих собак» не позволял местным охотникам добывать их в большом количестве. При некоторых обстоятельствах такой же статус «божественных собак» – видимо, оба названия надо рассматривать как синонимы – имели обыкновенные серые волки и теперь уже совсем редкие красные волки.

На обратном пути окрестные горы накрыло очень плотное и низкое облако. Все предметы в двух десятках метров от меня растворились в густой серой пелене. Конечно, исчезли и любые мало-мальски знакомые ориентиры. Поэтому, чтобы не блуждать в наступившей уже ночи, принимаю решение идти напрямик к своему лагерю. Но сразу попал в непроходимые поля активно тающих снежников. Вся толща снега в них была пропитана талой водой. Проваливался сразу по пояс. Стало ясно, продвигаться в такой густой и вязкой массе дальше нельзя. Меняю направление, теперь уже протаптываю траншею в сторону ручья, чтобы вдоль него добраться до своей лежки-засады.

В центре покрытого снежной кашей, огромного, в несколько сотен гектаров, кедрового массива натыкаюсь на большой выброс красной лёссовой почвы. Евражка, или по-другому колымский суслик, поработал. Грызун благополучно перезимовал в глубокой норе, но с началом активного таяния снегов в гнездовой камере появилась вода. Бедняга был вынужден рыть новые и протяженные ходы. Где он смог найти в рыхлой толще надутых в ледниковую

эпоху лёссовых отложений годное для устройства гнездовой камеры место, трудно представить. Разве что под самыми корнями кедрового стланика.

Наконец с большим трудом добираюсь до свободной от снега поляны. Она покрыта мягким ковром оленьей кладони. Можно чуть расслабиться и передохнуть. Но не тут-то было. В темноте на белом ягельном покрывале наступаю на отдыхающую горно-лесную куропатку. Так близко подпустить может только она. Скорее, именно поэтому ее еще не знают в научных кругах. Первые мои сообщения о ней вызвали неоднозначную реакцию. С некоторыми авторитетами вынужден был капитально поссориться. Конечно, победа будет за нами, но и обо всех перипетиях борьбы тоже будет небезынтересно со временем узнать. Охотники, как бывает, давно подозревали о ее особом статусе. Но кто же их слушает.

Получив сильный удар крыльями в подошву сапог, больше от неожиданности, чем с испуга, в падении на спину от бедра произвожу одиночный выстрел во взметнувшуюся почти вертикально в ночную мглу белую птицу. Конечно, промазал. Попадать, не прицеливаясь, в подобные цели умеют только в кинофильмах. Последствия от этого ночного выстрела окажутся весьма многозначительными.

Лишь под утро добираюсь до своего лагеря. Не разжигая костра, только переодевшись в сухое, залез в спальный мешок. Не ожидал, что первые же сутки измотают меня до такой степени. Поэтому весь следующий день отлеживался, сушил одежду, готовил пищу. Пошел снег и закрыл на короткое время все окрестности белой стеной. Только к вечеру, когда сильный северный ветер согнал с небесной бирюзы последние снеговые тучи, а выпавшая пороша закрыла старые следы, я с новыми силами устремился в горные тундры. Задача та же – обследование ближайших

окрестностей. До заката остаются считанные часы. Мне ничего не остается, как использовать их для тщательного осмотра окрестностей сквозь призмы мощного бинокля.

Заснеженные гольцы и лесистые склоны хорошо просматриваются с гребней лысых сопок. Вести наблюдение приходится лежа на замороженных камнях, упираясь локтями в щебень. Сразу замечаю на огромном снежнике по склону противостоящего полуторатысячника следы двух медведей. Чуть позже проявились и сами мохнатые увальни. Это была та самая брачная пара медведей, что разорила несколько сусличьих поселений.

Древний оползень образовал внушительную по размерам и покатую ступень под вершиной гольца. С обеих сторон этого насыпного уступа сползают два обширных снежных языка. Медведи между ними, на узкой свободной от снега полосе по самому гребню длинного оползня. Они спариваются. Это редкий момент. Не каждый исследователь может похвастать наблюдениями этого очень важного в жизни медведей процесса. Поэтому я не спешу, тщательно осматриваю подходы. Запоминаю направление ветра и время между наиболее длительными из потоков воздуха.

Ветер, как обычно в горах, часто и сильно меняет направление. С подветренной стороны голые и протяженные склоны. Подойти по ним на убойный выстрел невозможно. Остается один путь доступа к спаривающейся парочке – через вершину гольца. Нужно по круговой траектории добежать до определенного места на вершине, изготовиться и сделать дело до того, как медведи исчезнут с уступа. А смоятся они оттуда сразу, как только увидят или зачуют охотника. Трудная задача. Звери взрослые, очень опытные. Если позволили увидеть себя, то подобраться к ним часто бывает практически невозможно. Поэтому приходится внимательно наблюдать, думать, рассчитывать и надеяться

на удачу. Как всегда на охоте на опасного и умного зверя, абсолютной уверенности не бывает никогда. Если таковая все-таки появляется, нужно насторожиться – тут что-то не так, как надо. Исключая, конечно, случаи, когда получаются откровенные поддавки. Последние девальвируют охоту как значимый для любой самодостаточной личности процесс.

Горизонт уже начал обрастать закатным заревом, когда я все же принимаю решение совершить решающий бросок к вершине гольца, под которой спариваются медведи. Для этого нужно как можно быстрее преодолеть два с небольшим километра по сильно пересеченной местности, забегать на самый верх столовой горы и сверху подкрасться к хищникам.

За два часа наблюдения за животными я сильно промерз. Но через несколько минут стало, напротив, очень жарко. Пот полил, особенно на подъемах, почти в буквальном смысле ручьем. К моменту, когда преодолел крутой и протяженный подъем, мое сердце стучало непрерывной пулеметной очередью. Во рту появился привкус крови. Гипервентиляция. Кровь выдавливается сквозь стенки микрокапилляров легких. Отсюда головокружение. Начинает пошатываться. Но времени на восстановление катастрофически не хватает. У самой бровки покатой вершины сбрасываю рюкзак и, прихватив лишь запасную обойму, попластунски и вниз головой начинаю продвигаться по старой тропе, протоптанной снежными баранами, северными оленями и теми же медведями.

С удивлением замечаю, как локти погружаются в толщу свеженадутого, видимо, за два-три последних зимних сезона, серо-бурого, с разными оттенками лёсса. Кто бы мог подумать, что процесс лёссообразования продолжается! Конечно, с намного меньшей интенсивностью, чем в лед-

никовые эпохи. Климат и ветровой режим способствуют этому. Местный лёсс представляет из себя не только продукты выветривания горных пород, но и отмершие остатки нескольких видов лишайников, мелкие части альпийских трав и кустарничков. Все это вместе образует очень плодородные почвы – нужны только немного тепла и минимум влаги. Растения, выроставшие на ней, кормили не только сусликов, сурков, снежных баранов, но и огромные стада бизонов, лошадей, шерстистых носорогов и мамонтов, а те, в свою очередь, – большое количество всевозможных хищников.

Когда наконец открылась нужная площадка, я уже пропахал животом метров двадцать. На щебнистом уступе, кроме нескольких крупных скальных обломков, никого не оказалось. Подо мной виднелись вершины крупных останцев, которые в древности не дали обрушиться всей горной вершине. Теперь под каменными зубцами образовалось прекрасное укрытие от жестоких северных ветров. Поначалу я подумал, что оба зверя залегли на отдых именно там. Отчасти это оказалось правдой. Ветер начал дуть в спину. Спустя несколько секунд один из обломков вдруг начал шевелиться. Спустя короткое мгновение медведь высунул лобастую голову. Приподнявшись на вытянутых передних лапах, он тянул воздух, вскинув к небу морду.

Медлить было нельзя. Зверь невольно подставился. Ветер хоть и сильный, но пока попутный. Правда, самки нигде не видно, однако это неважно. Отстреливать решено только взрослого самца, за которым к тому же велось наблюдение в течение нескольких предыдущих лет. Объект охоты вот он, на мушке.

В патроннике тяжелая экспансивная пуля с оголенным свинцовым сердечником. Почти полный аналог известной разрывной пули «дум-дум». Главное отличие от последней

в том, что начальная скорость ее почти на треть ниже. Соответственно, и это самое важное, проникающая способность ее намного выше. После выстрела зверь падает навзничь. Сила удара даже относительно слабого конверсионного оружия и боеприпаса такова, что восседающего на крупе медведя весом, по всей видимости, более двух центнеров опрокидывает в долю секунды. Но спустя мгновение хищник вскакивает на все четыре лапы и начинает метаться из стороны в сторону. Он понял, что взят охотником врасплох, хотя сам еще не видит его. Ранение смертельное, зверь обречен на скорую смерть, но в последние моменты своей жизни многие животные обретают поразительную живучесть.

Нажимаю на спуск еще дважды. Толком не рассмотрев результаты стрельбы, вынужден подняться на ноги. Выпавшая из поля зрения медведица может выскочить передо мной в нескольких метрах. Это очень опасно. На ходу меняя частично израсходованный магазин, перебегаю к краю другого склона, покрытого еще более обширным снежником. И что же я вижу? Медведица улепетывает с огромной скоростью и уже в самом низу снежно-ледового языка. Кубарем влетает в заросли низкорослого, частью еще скрытого в снежнике стланика. Не снижая скорости, удирает от этого страшного места. Но любоваться медвежьим спринтом нет времени. Спешно возвращаюсь к раненому самцу. Он стоит вполоборота ко мне, внизу на площадке, и всем своим видом показывает, что ждет меня... что я просто обязан принять его вызов на поединок! Рукопашные схватки с медведями в мои планы, конечно, не входят. Но поразительная живучесть зверя, что обусловлено брачным периодом, в очередной раз поражает.

В магазине первой пулей стоит трассер. После выстрела светящийся след только касается шерсти на плече мед-

ведя. Но этого вполне достаточно, чтобы зверь с широко раскрытой пастью бросился по световой дорожке. Сверху выпускаю еще две пули. Одна из них мимо, вторая точно по нужному месту. Но зверь даже не обратил на это внимания... Он огибает по дуге каменистую площадку и на противоположном краю ложится головой ко мне, прячась при этом за чахлой лиственничкой. Становится ясно, зверь подставляет себя под пули, жертвуя жизнью, чтобы прикрыть отход своей партнерши. Такое первородное мужество не может не вызывать искреннее уважение. Тщательно прицелившись, прекращаю мучения этого доблестного рыцаря. Спустившись на площадку, первым делом принимаюсь измерять и взвешивать добычу. При разделке самым внимательным образом изучил произведенные пулями разрушения. Шкура, несмотря на отверстия, была превосходной. Прекрасным по качеству оказалось и мясо медведя.

...Спустя несколько суток после взятия трофея в поросшей кедровым стлаником лощине довелось лицезреть удивительное зрелище. В пламенеющих лучах закатного солнца зашевелились какие-то огромные фигуры. В ярком зареве, как мне показалось, словно материализовалась стая гигантских хищников! У меня зашевелились волосы под шерстяной шапочкой... Душа убежала куда-то в пятки, а может, уже успела спрятаться в хвойной зелени кедрача. Несколько мгновений хватило, чтобы прийти в себя и внимательно рассмотреть незваных гостей. Это были удравшая ранее взрослая медведица и ее почти взрослый отпрыск. Следы последнего я уже отмечал в окрестностях в прошлые исследовательские сезоны.

Самка стала огибать меня по внешнему краю лощины, а молодой самец оказался между нами. Без малейших признаков страха или опаски они продвигались к зарослям кедрача, попутно обнюхивая каменную россыпь. Не успев

остыть от пережитых эмоций, я попытался отогнать их выстрелами. Сначала выстрел вверх, затем несколько пуль в камни перед мордами зверей. Но хищники не желали реагировать на них. Лишь оказавшись в гуще кедровых зарослей, молодой самец обиженно, с изрядной долей досады фыркнул пару раз. Медведи относятся к наиболее высокоразвитым в психическом плане животным, поэтому в элементах их поведения и звуковых сигналов возможно понимать передаваемые ими эмоции. С ними можно найти взаимопонимание, тем более что почти всегда они сами стремятся к добрососедству.

До утра я ходил вокруг костра и размышлял о произошедшем. Выводы заставили меня переживать чувство досады. Самка привела своего драгоценного отпрыска для визуального знакомства со мной. Очевидно, он должен был заменить по истечении некоторого времени отстрелянного самца, но прежде должен был расти и набираться сил под моей защитой. Верховенство человека ими изначально признавалось как природная данность.

После тщательного обследования добытого медведя выяснился его реликтовый статус и, не исключено, всего его семейства. Но медведица с отпрыском после произошедшей встречи покинули эти, видимо, очень значимые для них места. Я долго сожалел о тех поспешных выстрелах, тем более что несколько лет изучал их и стал для них без преувеличения своим. Была интересная возможность продолжить наблюдения в другом, еще более привлекательном ключе. Не хватило чуть-чуть выдержки, а может (и скорее всего), просто очень устал за предыдущие сутки.

ЧАСТЬ 3. СТРАННАЯ ДРУЖБА

Самцы тундряных куропаток токовали повсюду – в тундрах, в горных редколесьях, в поймах многих крупных ручьев. Их брачные песни часто раздавались рядом с токующими самцами белых куропаток-русловок, как последних еще называют охотники.

Один из самцов тундряной куропатки обнаглел до такой степени, что уселся на вершинку низкорослой листовяшки, под которой я до этого растянул тент. Разведя костер и готовя еду, я уже собирался всхрапнуть часочек – после ночных бдений смыкались веки, ко сну тянуло непреодолимо. Между тем громкие токовые звуки: «Кур-ры, кур-ры!» – не прекращались ни на минуту, даже тогда, когда я лязгнул затвором и, не таясь, прицелился в птичью шейку. После выстрела неугомонный петушок шлепнулся на угли костра, едва не угодив в котелок с шулюмом. Очень кстати – на обед я планировал употребить тушенку.

В ясные солнечные дни стало основательно припекать. Переходы с одного места стоянки на другое приходилось теперь совершать либо в ночное время, либо выбирать дни с сильными ветрами. А ветер в горных тундрах не только спасение от мошкары, но и также кондиционер и музыка для души. Возможно, именно так, когда слушали песни ветра, горных ручьев и щебет птиц в весеннюю пору, у человека развились музыкальные способности и тяга к поэзии.

По древним, набитым за тысячи лет снежными баранами и буюнами тропам обследую один горный хребет за другим. Наблюдаю, как быстро меняется природа. Мелких певчих птичек становится все больше, а трели их все гром-

че и слышатся теперь со всех сторон, на каждом шагу. И сюрпризы так же не заставляют себя ждать. В один прекрасный, солнечный денек решил заложить особенно большой маршрут, с круговым охватом самых различных по растительности биотопов.

Пошел, как обычно, в дневное время налегке, не захватив даже теплого свитера. И, как полагается, был сурово наказан за опрометчивость. Ночью температура воздуха резко упала. Какой-то непредсказуемый, турбулентный воздушный поток донес с просторов Полярного океана особенно холодное дыхание его ледяных полей. На окружающих меня предметах начал быстро образовываться иней. Согреться было невозможно даже в движении. Снежно-ледовую корку пришлось соскабливать уже и со своей камуфляжной одежды. Вскоре был вынужден остановиться, развести большой костер из веток и сухих стволов кедрового стланика. Топор, к счастью, всегда с собой.

На рассвете, в глубоком овраге, в нескольких метрах от кострища послышался громкий утробный звук. По опыту знаю, кому он принадлежит. Это медведица с потомством слишком поздно почуяла дым костра и подала сигнал своим отпрыскам о близкой и смертельной опасности. Раз подала голос, то нападать уже не будет. Поэтому продолжаю сушить одежду и греться у яркого пламени. Когда же стало совсем светло и появилась возможность рассмотреть предметы на дне оврага, я не мешкая спускаюсь в него. Всего в тридцати шагах от моей вынужденной стоянки медвежья семейка пыталась начать раскопки временной сусличьей норы. Хвостатый грызун, видимо, поленился вырыть убежище поглубже или попросту не успел это сделать до темноты. Хищница учуяла запах вполне досягаемого вражки и немедленно приступила к земляным работам.

Но в это время слабый порыв ночного ветра донес до нее запах близкого костра и ароматы приготовленной пищи. Беднягам пришлось бросить все и поспешно покинуть место неудавшейся охоты.

На следующий день я первым делом вернулся к брошенному снаряжению и понес его в долину горного ручья, к самым его истокам, где запланировал очередной временный лагерь. Пологий водораздел оказался совершенно лишенным древесной и кустарниковой растительности, только мхи, лишайники и травы. Скальные обнажения с разных сторон. В обе стороны от водораздела альпийские лужайки с осокарями и злаковыми полянками много ниже по склону переходят в заросли кустарниковых березок, арктических ив с густо опушенными листочками и почками, отчего ивняки кажутся посеребренными, резко выделяясь на фоне остальной растительности. Еще ниже огромные массивы кедрового стланика с редкостойным и низкорослым листвягом. Многие из древесных стволов давно уже усохли – стоят только белые скелеты умерших десятилетия назад лиственниц. Лучшие дрова для лагерного костра. Сбрасываю на пригорке рюкзак, оставляю возле него оружие, пропитавшуюся потом шерстяную шапочку и, прихватив только бинокль, взбираюсь на небольшой, обтесанный и сглаженный сползавшими с большого водораздела ледниками каменный останец.

Свежая зелень, первые цветы и снова ярко-оранжевые, суточной давности выбросы лёссовой почвы. Здесь тоже, похоже, евражкам покоя нет от мохнатых землекопов. Суслики напуганы медвежьими посягательствами. Лишь некоторые из них на большом удалении друг от друга стоят столбиками, твякают по-щенячьи, готовые в любую секунду нырнуть в спасительные подземелья. В этом году особенно много колымских сусликов. Самый грубый подсчет – и

только в обследуемых горных узлах – дает численность в несколько тысяч зверьков.

Перевожу взгляд вдоль безлесного перевала и сразу замечаю медвежью семейку. Некрупная самочка и два ее полуторагодовалых медвежонка-лончака рыщут в осоках в полукилометре от меня. Медвежата удаляются в сторону близкого редколесья. Они уже знают, что там пошел в рост кислый борщевик, корневища нескольких видов астрагалов все еще сочны и питательны, много свежей зелени злаков и осок, продолжают цвести арктические ивы и тальники. Но медведица, поначалу было двинувшаяся за ними, вдруг каким-то неслышным мне из-за расстояния звуковым сигналом решительно возвращает их к себе. Что-то заставило ее это сделать. Вот и хорошо.

Именно эту местность я решил обследовать несколько последующих дней. Иметь таких неудобных соседей, как медведица с медвежатами, никак не хочется. Снова перевожу окуляры бинокля по другую сторону перевала. Эти территории я тоже запланировал изучить, но пройти по ним смогу только на обратном пути, через две или три недели. На какое-то мгновение забываю про медвежью семейку. Спыхватываюсь и начинаю в спешке искать глазами лохматую троицу. Замечаю их уже в ста метрах от моего рюкзака и оружия, а мне до моих вещей метров шестьдесят, поэтому, не мешкая, пригнувшись к самой земле и прикрываясь за низкой каменной грядой, изо всех сил бегу к спасительной «Сайге».

Добегаю вовремя, но медведи еще ближе. О том, чтобы встать во весь рост и прогнать зверей, не может быть речи, так как самка сразу, без всякого предупреждения бросится в атаку. Поэтому нахожу другой способ избавиться от нежелательных посетителей. Лежа за камнем,

стреляю вверх. Выстрел медведица слышит, но не обращает на него внимания – по всему видно, что никогда еще не была объектом охоты. После второго выстрела хищница становится на задние лапы, с грозным видом осматривает окрестности. Принюхивается к потокам воздуха и принимает верное решение – разворачивается и своим следом идет назад. Теперь необходимо, чтобы она свернула в нужную сторону. Я стреляю в грунт сбоку от бредущих медведей.

Животные тут же реагируют, прибавляют шаг и заворачивают подальше от места попадания пули. Медвежата уже переходят на галоп, но медведица прикрывает их отход – встает на задние лапы и с решимостью вступить в смертельную схватку с каким бы то ни было противником водит головой в разные стороны. Вот тут наступает момент появиться и мне на арене местной жизни. Встаю в полный рост, отсоединяю магазин и с нарочито громким лязгом выбрасываю из патронника боеприпас, вставляю новый магазин. Теперь медведица точно знает, что за звуками выстрелов всегда стоит человек. Не мешкая, во всю медвежью прыть она бросается вслед за удирающими лончаками. Впредь будут осторожнее.

На несколько драгоценных суток останавливаюсь в истоках трех мелких горных ручьев. Внимательно осматриваю составляющие местный рельеф геологические породы. Мезозойские известняки слагают большую часть местных гор. Последние почти всегда имеют покатые вершины, редко скальные обрывы. Каждую весну с них стекают «молочные» ручейки. Намного реже встречаются осадочные породы палеогеновых и неогеновых морей. Окаменевшая и превратившаяся в сланцы глина чаще состоит из силикатов и содержит немало окислов железа. Содержание последнего может приближаться к рудному. Еще реже встре-

чаются породы архейской эры – граниты, базальты с большим содержанием металлов. С течением времени эти рудные проявления все более обнажаются. Такие места притягивают грозовые облака. Что тут происходит в летние грозы, даже представить бывает страшно. Именно в таком месте я оказался. Приходится внимательно рассматривать горизонт и быть готовым в случае появления грозовых туч к немедленному бегству.

Последние двое суток пребывания в этих укромных, не посещаемых десятилетиями местах я решил посвятить обследованию относительно небольшого и непримечательного, как поначалу казалось, участка горной тайги. Шиповниковые кусты, ивняки и ольховники, а также редкое для северных территорий разнотравье таили в себе какие-то секреты.

С раннего утра на моем пути стали попадаться следы длительного пребывания молодого, примерно трех с половиной лет, реликтового медведя. Я был абсолютно уверен, что это брат-близнец того молодого зверя, которому устроила кастинг матерая медведица. Отпечатки их следов совпадали почти до миллиметров. Рядом всегда присутствовали следы еще более молодого волка-перевояка, то есть второго года жизни. Сразу стало понятно, почему молчат на этих склонах куропатки – их кладки оказались попросту съедены, а успевшие вылупиться птенцы отловлены. Отмеченная ранее неподалеку медведица с потомством знала о наличии в этих кормных местах двух противоборствующих друг другу хищников и не позволяла беззащитным еще лончакам проникать в опасные урочища.

Конечно, даже во взрослом состоянии этот вид реликтового медведя не похож на тех полуторатонных гигантов четвертичного и третичного периодов (плиоцена и плей-

стоцена). Но даже имея живой вес в триста килограммов, зверь легко разделяется со взрослым сохатым. Если, конечно, сумеет его настигнуть. Такие случаи не так часто, но бывают с определенной регулярностью. При должном опыте «в заплечных делах» и соответствующей мотивации даже такие некрупные хищники главенствуют в местных животных сообществах.

В данном случае лишь отсутствие жизненного опыта заставляет медведя терпеть рядом с собой молодого волка, который в будущем, повзрослев, превратится в опасного врага. Хотя, с другой стороны, все это всего лишь предположения и исполняться им совсем не обязательно. Но в это лето они вместе раскапывают гнезда полевок и пищух. Пытаются докопаться до сусликов. Больше выгоды от такого «сотрудничества» имеет, конечно, молодой волк. Он достаточно проворен, чтобы ловить зверушек. Можно предположить, что и зайцев при удачном стечении обстоятельств волк догоняет столь же проворно. Мне лишь оставалось надеяться на то, что реликтовый медведь благополучно вырастет в здорового, умного, в меру свирепого хозяина этих мест. Но все обернулось по-другому.

На следующий день с утра появились явные признаки приближающейся грозы. Резко упало атмосферное давление, а в горах это всегда означает ухудшение самочувствия и снижение работоспособности. Стало очень душно. Комары рассвирепели не на шутку – воздух буквально звенел от их огромного числа. В небе поначалу только несколько ватно-белых, клубящихся облаков. Почти полное отсутствие ветра. Замолчали все без исключения птички. Один ручеек продолжает журчать и греметь мелкими камешками.

Я все же заставил себя спешно упаковать снаряжение, свернуть лагерь и двинуться к другому, намеченному по

плану полевых работ месту остановки. Отошел от заветной листовки, одиноко стоящей в горной тундре на краю кустарниковых полей, всего на три километра, когда началось редкостное и весьма грозное явление.

Сначала малозаметная, низко проходящая тучка вдруг начала наливаться свинцовым цветом, при этом все более увеличиваясь в размерах. Полная тишина на подходе к горному гребню сменилось резко и оглушительно начавшимися громовыми раскатами. Молнии сверкали непрерывно, а земля дрожала, как после взрывов многотонных авиабомб. Дождь лил сплошной стеной. Спустя несколько суток я намеренно заглянул в эту систему ручьев и не узнал местности. В нижнем течении ручейков все было выворочено, перемешано. Огромные глыбы горных пород образовали настоящие каменные холмы. Присмотревшись, я заметил в тех же местах несколько других свидетельств подобных природных катастроф, но уже покрывшихся мхами, кустарниками и деревьями.

По периферии таких нагромождений обследовал несколько распадков. Куропатки как ни в чем не бывало бегали под листовницами. Но следы медведя и волка уже отсутствовали. Скорее всего, тоже они перебрались в другие, более безопасные и не менее кормные места. Медведь исчез из поля моего зрения навсегда, как и его близкие родичи. А волк еще долго напоминал о себе. Регулярно в течение нескольких лет приходилось встречать пищевые остатки, удивительные для такого ярко выраженного хищника, как волк. Несколько летних сезонов матерый и крупный мясоед ловил полевков, кузнечиков и обильно сдобривал все это «мясо» большими объемами зеленой травы, листьев ивняков. Кого-то это может сильно удивить, но я-то знал, у кого волчара научился питаться по-медвежьи.

ЧАСТЬ 4. ПРИЗРАК СУРКА

Наступило время оводов и слепней. Пропустить его невозможно – эти насекомые всегда напомнят о своем неприятном присутствии, к тому же в невероятном количестве. Дневная жара принуждает передвигаться по обдуваемым ветрами местам. Часто это бывают гребни и вершины сопок, водораздельные хребты, обширные и открытые участки поймы. Ясно, что за многие сотни тысяч и даже десятки миллионов лет до того, как здесь появился я, то же самое проделывали самые разные животные. Стада травоядных и охотящихся на них хищников любят принимать прохладные воздушные ванны.

Вот так и на этот раз. Передвижения с тяжелым рюкзаком по тысячелетним маршрутам буюнов и снежных баранов привели меня на вершину огромного железозакаменного холма. Это выходы магматических пород, образовавшихся еще до того, как на планете появилась жизнь, то есть более трех миллиардов лет назад.

Покрывавший их чехол из палеозойских, мезозойских и кайнозойских осадочных пород значительно разрушился и продолжает выветриваться и вымываться в настоящее время. Поэтому геологические образования, состоящие из силикатов и включающие много железа, – и уже поэтому слабо поддающиеся воздействию окружающей среды, – с течением времени начинают занимать все более возвышенное положение. Конечно, на обрывистой стороне появляются многочисленные сколы, уступы, продольные и поперечные трещины. У подножия таких скальных гряд появляются карнизы. Последние часто образовывались в результате сильного механического давления сползавших

с еще более высоких гор и хребтов ледниковых языков.

Подобные места всегда притягивали к себе обитавших здесь животных. Особенно некрупных и очень уязвимых копытных. И взрослые, и молодые находили на каменных уступах немало мест для отстоя, отлежки во время нападения опасных хищников. При этом в летнюю жару всегда можно насладиться прохладой практически постоянно дующего ветра. Под защитой каменных козырьков легко спасались от непогоды целые стада баранов, табуны оленей, а в более древние времена – антилопы, лошади, овцебыки, шерстистые носороги...

Все это происходило на протяжении многих сотен тысяч лет. Разумеется, кровососущие насекомые, чьи жизненные циклы тесно связаны с питанием кровью теплокровных животных (или откладыванием своего потомства на коже или в носоглотке травоядных), также облюбовали эти места. Как только я сбросил тяжеленный станковый рюкзак и подошел к краю скального обрыва, сразу понял, что попал в такое «злачное место». Здесь правили бал самые разные по расцветке, размерам, издаваемым звукам оводы, слепни, пауты.

Вообще-то подобные маршруты часто выбирают туристы-экстремальщики. Они долго и основательно готовятся, подбирают или изготавливают под себя специальное снаряжение, тренируются в спортивных залах и доводят свое физическое состояние до нужной формы. Для них подобное путешествие не только интересное действо, но и настоящий жизненный подвиг!

Нам же подобные препятствия приходится преодолевать постоянно и, кроме того, решать куда более ответственные задачи, при этом имея менее подходящее снаряжение, совершенно непредсказуемые направления поисково-исследовательских маршрутов, неожиданные, часто

непригодные места ночевок и стоянок. Но, главное, нам нужно помалкивать как можно дольше, не выдавая результатов изыскательских работ.

Хорошо известно, как быстро организовывались бандитские воздушные налеты так называемых «трофейщиков» с полными салонами зарубежных клиентов или «мясников» (очевидно, тех же «соловьев-разбойников», но уже в отсутствие иноземных денежных мешков). После налетов винтокрылых стервятников на огромных территориях появлялись (по наиболее востребованным, хозяйственно ценным видам животных), без преувеличения, биологические пустыни. Хищническая психология временщиков в девяностые годы и на рубеже веков расцвела буйным цветом – биологические ресурсы уничтожались стремительно. Большая часть местного населения даже не успевала заметить, когда их не только близко расположенные, но и отдаленные уголья превращались в безжизненные пространства.

На краю каменной пропасти, на прохладном ветерке, принимаюсь рассматривать зеленые увалы и обширные массивы кедрачей. В верхних поясах гор лиственницы уже распустились и существенно закрывают обзор. Их светлая зелень облегла склоны сопок, пряча в ветвях мелкие скалы, исчезая за дрожащий в жарком мареве горизонт.

Спустя некоторое время слышу за спиной хорошо знакомые звуки... Поворачиваюсь – и замираю в замешательстве! Рядом клубится темная туча вьющихся оводов и слепней. Подветренная сторона одежды и обуви уже облеплены армией летучих паразитов. Отступаю от края скалы, чтобы ненароком не свалиться вниз, и немедленно начинаю битву на уничтожение с двумя-тремя сотнями оводов. Поскольку те сильно ограничены в маневрах, я легко ловлю их обеими руками. Редко какое насекомое догады-

вается отвалить от меня и исчезнуть в воздушном потоке. Большая их часть все лезет и лезет, невзирая на то, что все гибнут. Очевидно, их жизненная стратегия такова, что, не считаясь с потерями, нужно добиваться результата. Баранам и буюнам повезло, я избавил их от нескольких сотен кожных и носоглоточных оводов. С удовольствием сгребаю все еще шевелящуюся массу насекомых в целлофановый мешок. К вечеру запланировал остановиться на ночлег на берегу весьма рыбного ручья. Уловистые места можно и подкормить как следует.

Мне, конечно, хватит на уху двух-трех хариусов по килограмму весом. И на обратном пути можно будет полдня порыбачить – малосольный или подвяленный хариус очень хорош. В местных ручьях и речках обитают хариусы пяти морфологических или расовых форм. Отличия бывают весьма большими. Много лет они удивляют рыбаков своим разнообразием. И очень хорошо, что опытные полевики знают о том, что перелова допускать нельзя. Рыбное разнообразие после этого может существенно уменьшиться.

На горные плато по-настоящему пришло лето. Всюду белый ковер пушицы и цветов болотного багульника. Шикша, брусника, голубика расцвели мелкими, едва заметными с расстояния цветочками. Щебнистые тундры покрылись белоцветом дриад. Карликовый альпийский рододендрон радует глаз путешественника пурпурными, издали заметными цветами. Рододендрон камчатский давно уже золотит нижние части склонов гольцов пучками крупных, желтых соцветий.

Ночевки в гольцах приносят массу всевозможных впечатлений. Почти месяц солнечная корона не сходит с небосклона. Едва начавшиеся сумерки снова сменяются рассветом. Правда, в сумеречное время бывает прохладно, временами морозец пробирает до костей, особенно если

пришлось заночевать на камнях. Зато в дневную жару пот пропитывает не только одежду, но и ляжки рюкзака. Особенно в моменты, когда нужно все походное снаряжение разом перенести в другое, иногда очень далеко отстоящее место.

Во время такого утомительного перехода в широкой межгорной седловине, наполовину заросшей альпийскими ивами, плотным ковром злаков и осок и лишь в тени небольшими куртинами болотного багульника, замечаю впереди, по ходу движения необычно крупного суслика. Отличия от всех остальных, снующих на каждом шагу, были настолько очевидными, что на миг вспыхнула в мозгу радостная догадка. Забилось учащенно и без того с натугой работающее сердце... Неужели нашел? Чрезмерно плотно сложен, с бочкообразным телом и с короткими, толстыми ногами. На голове четко различается темного цвета чепчик. Все признаки черношапочного сурка. Континентальные группировки ожидаемо более светлые. Возможно, чуточку мельче.

Сразу останавливаюсь, сбрасываю станкач. Достая бинокль, чтобы наблюдать за зверьком с расстояния. Заметит – если уже не заметил? – скроется под землей, и надолго. Осматриваю всю седловину. Никого нет. Бегу к тому месту, где находился зверек пару минут назад. Надеюсь застать его за кормежкой и рассмотреть получше. Но тщетно. Тут же начинаю искать и нахожу старые сусличьи норы, но все они настолько узки, что даже самый худой сурок не протиснется в них. Куда же он мог подеваться? Залег в низкорослых кустарниках, в густом разнотравье по берегу ручья, укрылся в многочисленных полостях под дернистыми краями берега? У арктического длиннохвостого, или колымского, так называют местную расу этого вида, суслика тоже бывает чепчик или шапочка на голове, но она красновато-

го цвета. Сложением даже старый и упитанный самец всегда заметно стройнее сурка.

Я отметил на карте это интересное место и в течение нескольких последующих лет заглядывал сюда, причем в разное время суток. Осматривал через бинокль ближайшие окрестности, но через некоторое время даже сусликов в этом месте стало очень мало. Почему? До сих пор выясняю. Версия о том, что все они вымерзли в окрестностях большого гольца, даже для меня не выглядит убедительной. Но горное плато обширное, и заглянуть во все пригодные для жизни сурков места и тем более исследовать их – физически нерешаемая задача.

Иногда приходится лицезреть удивительные картинки, которые даже представить бывает трудно. В нескольких местах, по ходу только одного дневного маршрута, семейные группы белых и тундряных куропаток совместно выпасали свои выводки. Еще более частое явление, когда выводки курочек состояли из сеголетков – родителей и потомков (или родственников) из предыдущих поколений. Частенько родители белых куропаток приводили к моей стоянке, к дымящемуся костру своих еще не оперившихся потомков. Если их не испугивать и не преследовать, последние становятся почти как домашние. С ними, так же как с млекопитающими, можно установить вполне добрососедские и даже почти дружеские отношения. Все это, конечно, очень трогательно. Под защитой человека всегда стремится оказаться любое, даже самое дикое животное, особенно если оно преследуется другими. Кстати, есть закон, запрещающий причинять вред оказавшимся в бедственном положении животным. Только вот критических ситуаций, чаще благодаря человеку, у птичек и зверушек оказывается слишком много. Конечно, и множество других интереснейших моментов вскрывает качественно прове-

денная полевая работа... О них не упоминается даже вскользь ни в одном научном талмуде.

Обилие пернатой дичи, сусликов, пищух и полевок привлекает большое количество разнообразных хищников. От красных лисиц до соколов, орланов и орлов. Большая часть их в этот теплый сезон обзавелась многочисленным потомством. Во второй половине лета мелких соколов – чеглоков, кобчиков и особенно пустельг – стало столько, что создавалась видимость их повсеместного присутствия.

Было очень интересно подсматривать за пустельгами. Их длинные, закругленные по краям крылья мелькали над всеми горными тундрами. В поле моего зрения одновременно находилось не менее шести трепещущих крыльями или пикирующих на очередную горную полевку соколов. Иногда к отдельному хищнику подлетали два-три ворона и затевали воздушную драку. Однако после одного-двух резких виражей с недвусмысленной демонстрацией мощи когтей, – а они у пустельги, несмотря на специализацию на мелких хомячковых, столь же велики, как у намного более боевитых соколов, – черноперое воинство прекращало свои нападки.

Куропатки, и даже еще более мелкие птички, часто не обращали на них внимания, в лучшем случае, заметив низколетящую или затрепетавшую кончиками крыльев пустельгу, провожали ее взглядом, не проявляя при этом ни малейших признаков страха или беспокойства.

Все лето и осень на вершинах гольцов восседали огромные камчатские беркуты и орланы-белохвосты. Доминировали, конечно, более агрессивные беркуты. Многими часами, как поначалу казалось, бесцельно пернатые охотники взирали на панораму колымских гор. Несколько раз удавалось подкрадываться к ним практически в упор. Громадные птицы быстро, но, было видно, с неохотой под-

нимались на крыло, перелетали на вершины других сопок, и их неподвижное созерцание окрестностей продолжалось. Как выяснилось, привычки стервятников-падальщиков им вовсе не чужды.

Обозревая воздушное пространство, они зорко следят за поведением воронов, зимняков, более мелких степных орлов, последние в этих местах тоже нередкие гости. Как только кто-нибудь из них находит крупную добычу вроде погибшего лося, оленя или снежного барана, беркуты спешат на место пиршества. Совсем как в Африке. Суслики и куропатки, зайцы и лисицы тоже хорошо, конечно. Но, чтобы их изловить, нужно основательно потрудиться, а тут гора дармового деликатеса, остается суший пустык – разогнать слабых конкурентов.

В отсутствие четко выраженных восходящих теплых потоков воздуха, поддерживающих более чем двухметровые крылья пернатых королей, – а такое происходит регулярно после ночных заморозков и летне-осенних снегопадов, – последним ничего не остается, как обозревать подвластные владения с вершин высоких гольцов.

Чуть позже выяснилась и другая причина подобного поведения. Не на пустом месте возникли эти, не очень свойственные им повадки. А именно, за все время изыскательских работ в столовых горах не было встречено ни одного крупного табунка снежных баранов, ни одной приличной группы диких северных оленей. Чаще это были пугливые и удиравшие при первом же намеке на опасность одиночки. Да две небольшие группки самок с молодняком прятались у дальних скал.

Было ясно, что это дело рук воздушных «трофейщиков». Молодняк и самки им до поры не были нужны. Белая форма снежного барана среди всех встреченных уже отсутствовала. Спустя некоторое время исчез табунки самок

с молодняком в восемнадцать или двадцать голов – мне даже посчитать их точно не удалось. После первой мимо-летней встречи отыскать их вновь не получилось. Это уже сработала банда воздушных «мясников». Чтобы экономически оправдать один-единственный полет дорогостоящего воздушного судна, нужно убить очень много животных. Тем более что самки и молодняк невелики размерами, а выход мяса с них вообще мизерный.

Оставшиеся копытные даже в отсутствие человека ежегодно теряли практически весь молодняк. Понятно почему. Одномоментно потеряв свои привычные объекты охоты, четвероногие хищники – волки, россомахи, в меньшей степени рыси и медведи – разом навалились на чудом уцелевших после истребительных налетов толсторогов. И так в течение примерно десяти лет белые снежные бараны – реликты ледниковых эпох – в этих горных системах были полностью уничтожены при помощи самых современных технических средств. Печальный урок.

К середине лета вышел к остаткам старого, семидесятих годов, геологоразведочного полевого лагеря. Тут же находились остовы уже не существующей оленеводческой бригады. Последние в столовых горах проводили летовки своих некогда многочисленных стад домашних оленей. На давно обезлюдившем таборе остались три бочки с более чем наполовину потраченной солярой да куча заготовленных и уже подгнивших дров.

В ближайших окрестностях по травянистым и лишайниковым склонам белело множество останков домашних оленей. Кто-то в отсутствие оленеводов совершил опустошительный бандитский наезд. «Охотники за языками» отрезали языки, камусы или панты, если это было весной, все остальное за ненадобностью было брошено. Так прекратил существование местный оленеводческий совхоз. Рядо-

вые работники совхоза не могли защитить ни своих оленей, ни себя. Бандитская система работала против них.

За одни сутки, под нескончаемый аккомпанемент куропачей, из жердей и досок сколачиваю хижину. Обшиваю найденными тут же резиновыми камерами и принесенной целлофановой пленкой. Устанавливаю вполне рабочую железную печку. Бывшую оленеводческую стоянку я решил сделать базовым лагерем, чтобы отсюда, с открытием осенней охоты, делать выборочные отстрелы из куропаточьих выводов.

ЧАСТЬ 5. РОЗОВЫЕ КУРОПАТКИ

Ночи становятся все темнее и холоднее, в гольцах начинаются заморозки. Даже стойкие к ним осоки уже имеют желтые, омертвевшие верхние половинки листочков. Под недавно растаявшими снежниками осочки обрели желтый цвет, не успев подрасти как следует. Окрестности становятся похожими на весьма живописное панно. Ночевки под открытым небом обретают все более героический характер.

Днем, когда еще тепло, нужно ходить быстро и налегке. Ночью бесполезно вести наблюдения и одновременно перемещаться, тем более с тяжелым рюкзаком. Иногда приходится наблюдать удивительные сцены. В один на редкость жаркий августовский полдень на другой стороне глубокого каньона замечаю одиночного оленя. Мелкий, из одичавших домашних северных оленей. Олешек безмятежно пасется на изумрудной зелени альпийской лужайки. мех его в состоянии активной линьки. Новый волос уже

растет, а старый все еще держится на шкуре — свисает ключьями со спины и с боков. Так бывает, когда звери держатся все лето на ветру и холоде верхних поясов колымских гор. С небольших рожек кое-где еще свешивается бахрома отмершей кожицы — в тундрах не много мест, где можно их почесать. Тут из-за бугра, надо полагать, с подветренной стороны, выскакивают два тощих, длинноногих, но довольно крупных волка, скорее всего, подростки переярки. Поначалу низко стелясь, прижимая голову к земле, а на последних десятках метров уже в открытую и во всю прыть хищники настигают оленка. Тот слишком поздно заметил их... Запоздалое бегство не спасает его.

Волки не дают оленю набрать скорость — настигают по очереди, вцепляются в бока и в ляжки. Пытаются повиснуть на нем, но забитые старой, недолинявшей шерстью пасти не дают им это сделать. На ходу избавляются от шерстяных лохмотьев и вновь с остервенением бросаются на жертву. Наконец один из хищников делает смертельную хватку, останавливая бег оленя. Этого хватает, чтобы подоспевший напарник нанес окончательный удар. Олень еще пытается по инерции метнуться вбок, но все бесполезно. Что-то жалобно кричит открытой пастью... Волки не оставляют ему шанса.

До места, где разыгралась кровавая драма, около километра. Нечего и думать, чтобы из своей относительно маломощной «Сайги» пытаться поразить кого-то из хищников. При первом же выстреле они мгновенно исчезнут из поля зрения, причем навсегда. В теплую погоду боеприпасы хорошего качества дают весьма неплохой бой. Будь они в этот момент у меня, возможно, я бы рискнул. Волки в любое время года вне закона и подлежат истреблению. Очевидно, потому, что являются на редкость удачливыми конкурентами человека.

Хотя часто приходится иметь дело с явными преувеличениями. Можно иногда прочесть в разного рода изданиях о том, как волки первыми же хватками вырывают куски мяса из живой плоти травоядных или клыками распарывают шкуру сохатого на его спине. И то и другое ни при каких обстоятельствах не может произойти. Чтобы просто прокусить шкуру даже некрупного копытного животного, хищнику приходится приложить серьезные усилия. Поэтому процесс добычи пропитания волком требует больших энергзатрат.

Ко всему прочему, следует добавить, крупные копытные для них все же вынужденная добыча. Во все времена их основной пищей были мелкие оленьки, зайцы, множество видов некрупных антилоп. В высоких широтах они до сих пор экологически замещают гепардов и гиен. Во все времена конкурентами волков были, и, надо сказать, весьма успешными, красные волки и гиеновидные собаки. Там, где проживают последние, волков очень мало – социальная организация более мелких волчьих конкурентов оказалась значительно выше.

В дикой природе современные волки, видимо, никогда не доживают до десяти лет. В нынешних, совсем не изобильных мелкой живностью условиях обитания их жизнь протекает почти на грани биологических возможностей.

Хищники некоторое время отдыхают. Летняя жара явно не способствует большим и длительным физическим нагрузкам. Лишь несколько минут спустя принимаются торопливо пожирать оленя. Начинают, конечно, с брюшной части. Здесь тоньше кожа и ближе всего самые лакомые для них внутренности. Для спешки, как оказалось, есть веская причина. И она очень скоро становится понятной. Из ущелья, откуда-то из густых ольховых зарослей на крутых склонах, вываливается светло-бурая туша довольно при-

личного медведя. Короткая толстая шея, большая и круглая голова, толстые ноги и короткое туловище выдают в нем одного из моих давних объектов исследований. Этот зверь из группы реликтовых медведей, но к какому виду, подвиду отнести – с расстояния определить невозможно. Через несколько лет я добуду его.

Но сейчас хозяин этих мест уверенно и со знанием дела, как будто проделывал это не один и не два раза, приближается к только что начавшейся волчьей трапезе. Медведь вполне упитан, признаков линьки не видно. Волки сразу замечают его и со вздыбленной шерстью несутся ему навстречу. Выгнутые спины и вздернутые трубой хвосты говорят об их крайней агрессии. Они стали больше похожими на гривистых волков или некоторых гиен, чем на самих себя. С обеих сторон серые разбойники сопровождают незваного гостя, злобно скаля забрызганные оленьей кровью морды.

Косолапый спокойно подходит к почти целому оленю и деловито, не обращая внимания на волков, принимается раздирать парное мясо. Хищники все это время поодаль и по разные стороны от места действия. Они лежат и униженно ждут момента, когда медведь набьет свою утробу. Наконец хозяин наелся до отвала. Некоторое время сидит, размышляет, что же дальше делать с остатками. Жара и калорийная пища тянут ко сну. Наверное, поэтому без сожаления косолапый, еще более косолапая, чем прежде, с чувством исполненного долга не спеша двинулся туда, откуда пришел. Теперь, на дне каньона, он напьется из горного ручья водицы, искупается в какой-нибудь лужице и будет долго и блаженно отдыхать от жары, от праведных трудов – все как положено хозяину. Ограбленные волки без энтузиазма подходят к остаткам оленя и принимаются уничтожать медвежьи объедки. Таковы правила у серьезных хищ-

ников – так было в течение миллионов лет. Слабый чаще всего уступает добычу более сильному.

Другая, так же неожиданная сцена местной жизни была подсмотрена непосредственно у хижины уже в разгар горной осени, в теплое и ясное, без единого облачка утро. Сусличьи колонии у полевого лагеря, судя по обширным выбросам, были очень древними. Неоднократно раскапывались медведями, росамахами и оленегонными лайками. Среди последних всегда преобладали склонные к самостоятельной охоте собаки.

Евражки, как обычно, выставили сторожей. То тут, то там появляются и исчезают маленькие живые столбики. Может, это вовсе не «постовые» какие-то, а просто самые любопытные из грызунов? Частенько такая любознательность может стоить им жизни. Для того чтобы лишиться ее, необязательно удаляться от своих нор. Можно быть схваченным прямо возле спасительного отверстия в земле. Именно так получилось и в этот раз.

На выбросах из подземных сусличьих городков очень часто разрастаются всевозможные растения. Хорошо, если это злаковые или бобовые. Пища растет прямо под носом. Но нередко выходы из подземелий окружают густо разросшиеся кустарники. Пищевой ценности они не представляют, но зато закрывают от взора зверьков немалую часть местности, да и большие участки воздушного пространства становятся невидны.

Вот отсюда-то и пришла погибель созерцающему осенние красоты грызуну. Я не видел момент, когда огромный беркут начал пикирование. Возможно, уже из-за склона он летел на бреющем, почти расстилаясь над растительностью. Касаясь при этом отдельных, высоко вскинувших свои колоски травинки и кустарников.

Суслик увидел страшную тень над собой, развернулся и

даже успел сделать прыжок к спасительной и очень близкой норе. Но был схвачен буквально на лету острыми и длинными когтями беркута. При этом с места трагедии раздался лишь короткий предупредительный крик, отдаленно напоминающий лай маленькой собачки. Поэтому за некоторыми видами сусликов по другую сторону Берингова пролива закрепилось еще одно название – луговые собачки.

От меня по прямой около восьмидесяти метров. Все прекрасно, до мельчайших подробностей видно. Вот орел нагнул голову, переступил ногами и, оттолкнувшись от земли, поднялся на крыло. Довольно медленно и тяжело начал набирать высоту. Пролетая мимо меня метрах в тридцати, лишь слегка скосил один глаз в мою сторону. Во все глаза я рассматривал темно-бурую громадину, расправившую крылья над горным ручьем. Размах крыльев превосходит два метра. Надо сказать, что этот беркут господствует не только на территории Сибири, но и в Северной Америке. А если добавить к этому, что в Южной Африке обитает похожий на него размерами и привычками черный беркут, то картина его бывшего распространения весьма впечатляет.

Шесть-семь миллионов лет назад эти территории составляли одно целое – гигантский фаунистический комплекс, засушливый и холодостойкий. С ним же связано, по всей видимости, появление не только первых людей, но и ныне живущих в средних и высоких широтах медведей.

К великому удивлению, на месте, только что покинутом беркутом, остался мертвый суслик. Я немедленно направился туда. Суслик действительно остался на месте, но только уже в виде снятой шкуры вместе с головой и туго набитого всяческой зеленью желудка. Самые ранние, утренние часы. Когда и где подземный трудяга сумел отыскать для себя столько пищи?

К середине августа внешний облик местных куропаток начал существенно меняться. Белые зимние перья начали преобладать не только в подкрылках, но и по всему брюшку и части груди. Нужно отметить, что в горных тундрах все без исключения птицы не проходят полной линьки. Наиболее важные маховые перья и в меньшей степени рулевые перышки в течение многих лет не сменяются. Поэтому даже весьма тяжелые на подъем курообразные весь летний сезон прекрасно летают. Их белые подкрылки хорошо заметны издали. Даже в ночных сумерках легко проследить полет куропатки по быстро мелькающим белыми светлячками подкрылкам.

В поймах крупных рек все немного не так. Различия особенно ярко проявляются в теплые и дождливые летние сезоны. Не только часть рулевых, но и по несколько штук маховых перьев теряются во время линьки. Птицы, конечно, летают, но делают это относительно медленно, неуклюже, с излишним шумом. Они и сами об этом прекрасно знают, поэтому при появлении опасности стараются убежать, скрывшись в густой траве или кустарниках.

К началу охотничьего сезона большая часть куропаток уже обрела зимнюю, белую окраску. Началась изнурительная, физически тяжелая, настоящая промысловая работа. Для отстрела птиц я использовал старую курковую одностволку тридцать второго калибра. Длинный дальнобойный ствол давал очень хорошую кучность. Но я, желая еще более усилить это качество, стал применять специально изготовленные полиэтиленовые контейнеры. При этом использовал полуторный заряд очень мощного бездымного пороха «Барс».

Правда, появились совершенно неожиданные моменты, заставившие применять такие самостоятельно усиленные боеприпасы с большой осторожностью. Избыточное

давление пороховых газов пробивало медный капсюль в месте накола его бойком. Струя раскаленной плазмы при выстреле обжигала лицо. Пришлось перед выстрелом надевать огромные лыжные очки. Используя предельную дальность стрельбы этого оружия, всегда была возможность одним выстрелом взять сразу пару птиц из выводка, после чего оставить его в покое – переключиться на другие семейные группы. В это лето размножение куропаток было особенно обильным.

С каждым, даже не очень обильным снегопадом стаи курочек все более увеличивались в размерах, к ним присоединялись все новые и новые выводки птиц. По всему горизонту мелькали сотенные или даже более стаи готовых к длительным и дальним перекочевкам тундряных куропаток. Часто приходилось оказываться в центре только что приземлившейся очередной стаи белоснежных курочек. Все эти птицы никогда в своей жизни не видели человека, поэтому поначалу подпускали очень близко. Но после первых выстрелов все менялось. Теперь уже приходилось ползать по-пластунски по ровной и открытой горной тундре.

Бывало, я иногда не мог заставить себя убивать этих птиц. Находясь вблизи от меня, они понимали, что неизвестный объект опасен, надо держаться от него подальше. Но стоило появиться вблизи зимняку, который может при случае не только куропатку, но и зайчика прихватить, как некоторые тундряшки подбегали поближе ко мне и, попеременно наблюдая то за мной, то за охотящимся канюком, пережидали момент опасности. Мне оставалось только удивляться и радоваться за смысленых белоснежных куропаток. Лишний раз подтверждалась давно известная истина – в дикой природе глупых животных не бывает.

Однажды, когда после очередного выстрела большая

стая тундряных курочек поднялась белым облаком и перелетела через гребень заснеженного увала, я заметил группу оставшихся на земле птиц. Они не поддержали общее стремление сняться и улететь подальше. Половина стайки сидела на снегу. Другая часть расположилась на огромных и хорошо окатанных гранитных валунах. Сами по себе валуны очень примечательны – ближайшее месторождение белого гранита находится в более чем ста километрах к северо-востоку от этого места. Принесли их сюда среднеплейстоценовые ледники, и были они, судя по всему, огромными. В последнее оледенение ледовые шапки передвигались уже по другим маршрутам – сильно изменился рельеф местности.

Эти куропатки подпустили ровно на дистанцию убойного выстрела. Сидевшие на гранитных валунах уже было вскинули крылья, чтобы взмыть в воздух, как снап смертоносного металла отнял жизни у двух из них. Они тут же, на скальной породе, безвольно обмякли. Лишь горный ветер теребил их белоснежные перья.

Не спеша подхожу к тундряным куропаткам. Их отличительная черта – черная уздечка от заднебоковой части головы, через глаз к роговице клюва – хорошо заметна издали. Снимаю рюкзак, но добыча там еще долго не окажется.

Рассматриваю птиц со всех сторон. Пробую определить вес на глазок. Конечно, в хижине все будет сделано и очень подробно, но сейчас я с трудом верю своей удаче. То, что птицы имеют розовый оттенок оперения, я заметил еще на подходе. Не очень удивился, потому что давно ожидал этого момента, так как розовые формы других видов были уже найдены в разных местах, за большой промежуток времени. Причем неоднократно.

Еще в 1981 году, в низовьях реки Колымы, на поросших

ивняками островах, мы – студенты местного училища отделения охотников-вездеходчиков – ловили петлями многочисленных здесь зайцев-беляков. Причем беляки одни из самых крупных в Евразии – ловить пятикилограммовых зайцев этого вида больше нигде не приходилось.

Мягкая никель-хромовая проволока позволяла отлавливать и случайно попавших в них белых куропаток. В эти силки стали влетать и розовые русловки.

Конечно, тогда мы – семнадцатилетние пацаны – немало дивились таким птицам, тем более что вес некоторых из них был почти килограмм.

Много позже я вернулся к розовым куропаткам, они часто попадались мне в разных и очень удаленных друг от друга местах. Я сразу придал им статус самостоятельных подвидов.

Птиц с розовой окраской или оттенком известно много. В древности, надо полагать, было еще больше. Розовые пеликаны, чайки, фламинго, ибисы, цапли – некоторые из них не имеют самостоятельного статуса. Пока, конечно. Большую часть, видимо, следует считать реликтами очень давних эпох.

Что послужило появлению такой окраски – особый спектр питания, условия освещенности, состав горных пород, где птицы проживали на некоторых этапах своей эволюции? Когда-нибудь удастся это выяснить, но сейчас эти моменты не имеют принципиальной важности. Признак – розовый окрас – закреплен наследственным аппаратом и воспроизводится им в течение сотен тысяч поколений.

Как часто бывает, большой успех приходит по ходу самой заурядной, рутинной работы. Дорогу осилит идущий – прописная истина, и никто еще не смог ее опровергнуть.

ЧАСТЬ 6. КВАРТИРАНТ

Этот зверек появился возле меня сразу, как я отстроил хижину в горной тундре. Заглянул в открытую дверь. Вяло обследовал ближайшие углы. Тусклая шерсть, усталый вид животного говорили о том, что у него не лучшие времена. Сам факт появления горностая рядом с человеком – самое заурядное явление. Десятки раз зимой и летом, весной и осенью приходилось жить бок о бок с этим зверьком. Во время промысла приходилось отлавливать горностаев десятками, а иногда даже сотнями штук.

О каких-либо серьезных наблюдениях, конечно, в таких жестких условиях говорить не приходится. Можно было отработать весь промысловый сезон, но так и не увидеть ни одного живого зверька. Только следы на снегу и замороженные тушки в капканах. Попавший в ловушку белоснежный зверек замерзает в считанные минуты. В зимние месяцы зверушкам приходится выживать в чрезвычайно сложных условиях. В особенно неблагоприятные зимние сезоны горностаи исчезают на огромных территориях – сотнях и тысячах квадратных километров.

Несколько лет после этого не встречаешь даже их следов. Их основной корм – некоторые виды полевок. Все остальные животные – землеройки, мелкие птицы, рыба, насекомые и их личинки – добываются попутно или даже случайно. Очень повезет зверьку, если обнаружит не сильно разложившийся труп крупного животного – оленя, сохатого, снежного барана, добытого охотниками в позднюю осень медведя (шкуру косолапого забирают, а тушу чаще всего оставляют на съедение диким зверям). Несколько месяцев подле оставленной туши кормится множество

горностаев, соболей, лисиц, кедровок, воронов. При многоснежье натоптанные рядом с такими местами тропы, бывает, выдерживают вес даже очень массивного человека.

Однажды, на излете суровой колымской зимы, я застрял на две с лишним недели в скалистых горах. Избушка, в которой приходилось обитать, находилась в самой нижней части глубокого горного цирка. По краям его скальные обрывы перемежались каменными россыпями и густыми зарослями кедрового стланика. Все это было покрыто плотными, больше напоминавшими шершавый лед, чем снег, многометровыми надувами. Ходить по ним было исключительно легко. Но если снежные валы слишком круто уходили вверх, то приходилось вырубать ступени ножом или небольшим походным топориком. Лыжи при этом почти всегда волочились сзади, на веревке. Лишь спустившись далеко вниз, в долины ручьев и речек, приходилось вставать на них. Снег в таких местах был очень глубок. Местами ветра уплотнили его, но недостаточно, чтобы тот держал человека без лыж.

Из запасов продуктов оставались пара килограммов крупы и второсортная, годная лишь для выпечки в полевых условиях оладушек и лепешек, мука. Пяток тундряных и белых куропаток да примостившийся неосторожно в сотне шагов от меня на корявую, низкорослую листовяшку каменный глухарь, которого я легко снял из своего табельного СКС, – вот и все питание на время учетных работ. Последнее до сих пор делается только в пешем порядке.

Попытка добыть снежного барана, появившегося на выдутых ветром полянах альпийских кладоний (этот лишайник также называют ягельником), едва не закончилась трагедией. Сначала чубук обнаружил меня раньше, чем я его, и стал мелькать «зеркалом» (более светлой шерстью вокруг хвоста) еще до того, как мне удалось снять с плеча карабин. Но убежал круторогий баран недалеко. Поднялся на гребень горы.

Залег там и стал наблюдать за моими действиями.

Единственный путь, по которому можно было зайти к нему с тыла, лежал через длинный карниз с подветренной стороны вершины. Привязав поплотнее к обуви стальные кошки, я начал осторожно подкрадываться по крутому склону. Вместо альпенштока использовал длинную и заостренную с одной стороны палку. До карниза дошел легко и очень быстро, но затем начался незаметный снизу подъем с отрицательным углом. В этот момент лопнули дерматиновые ремешки на унтах... и без того слабо закрепленные в такой обуви ноги в шерстяных носках попросту выскользнули наружу. И палка, и карабин с грохотом покатались вниз. Услышав шум у себя за спиной, предусмотрительный толсторог благополучно ускакал на соседнюю сопку и устроился на отдых точно в таком же, хорошо защищенном месте. Стало ясно, добычу местные боги мне отдавать не хотят, стало быть, нечего их гневить. Иногда даже опытным добытчикам объекты их охотничьего вождения оказываются не по зубам. Это обычное явление, и переживать тут особенно не нужно.

К охотничьей неудаче прибавилось появление в избушке двух крохотных красных полевок. По ночам они шуршали по всем углам и в конце концов подобрались к запасам крупы. Что происходило днем, когда я уходил в маршруты, неизвестно. Но в одну ночь по столу и у двери промелькнула белая тень. Ну слава богу! Горностай объявился. Он-то быстро избавит меня от соседства грызунов. Но то, что произошло позднее, заставило сильно усомниться в желании хищника соответствовать своему статусу.

Горностай просто запугал полевок – загнал их в груды полудрагоценных камней, которые не успели к зиме вывезти любители горных минералов, а сам принялся таскать напеченные к следующему трудовому дню олады. Причем еще и про запас не забывал – однажды к утру не осталось

ни одной. Полевки, конечно, не вели уже себя так нагло, как прежде, но были еще живы и наносили ущерб.

Одного грызуна я все-таки сумел прибить. В горностае ночью запустил меховыми варежками. После чего тот перестал появляться в избушке. Убивать его было жалко. Не его вина, что грызуны оказались так малы, а ходы, в которых они прятались, были так узки, что даже горностаю не мог в них пролезть...

Этот случай пришел мне на ум сразу, как я увидел изможденного и, судя по тощему животу, голодного хищника. В предыдущую ночь он явно никого не поймал.

Даже в изобильный на всевозможных грызунов год горностаю не всегда бывают сыты. Этому способствуют многочисленные конкуренты и враги. Было видно, что зверек больше нуждается в защите и покровительстве, чем в месте, где бы ему было удобно устроиться на дневку. Последнее свое жилище горностаю показал в тот же вечер.

Хищник сразу облюбовал себе место под железной печкой и до сумеречных часов не появлялся оттуда. В буржуйку приходилось подбрасывать дрова или плескать туда дизтопливо, греметь котелками, когда готовил еду. Однако зверек не реагировал на все эти звуки. Все он понимал с первого раза, в этом я убеждался много раз.

В этот летне-осенний сезон высыпало гигантское количество всевозможных грибов. Маслята, волнушки, сухие грузди, изредка боровики, чуть почаще подберезовики и подосиновики. Но то, что я увидел целые поляны настоящих белых грибов поддубовиков, было откровением.

Известно, что микориза грибов тесно связана с деревьями соответствующей породы. Дубов на северо-востоке Сибири нет уже десять-двенадцать миллионов лет. Отсюда несколько смелых предположений. Либо дубы и сопутствующие ему спутники широколиственного леса – ореховые,

кедры и кедровые сосны, возможно, метасеквойя – регулярно возвращались на протяжении не только второй половины миоцена, но и в плиоцене. Либо грибы благополучно выживают и в отсутствие деревьев своих пород спустя миллионы лет после их исчезновения.

Мне в полевых условиях посчастливилось готовить и пробовать такие кулинарные изыски, как белые грибы и хариусы, жаренные в масле, отварные белые грибы и куропатки с горным луком, белые грибы и медвежатина. При этом до местных и пролетных уток и гусей, оленей и снежных баранов дело не дошло по самым разным причинам. Главной же, конечно, было то, что за весь период работ не хотелось тратить напрасно и без того стремительно сокращающееся время изыскательского сезона.

Предыдущим местом жительства горноста оказалась слегка расширенная им нора в колонии красно-серых полёвок. Самих хозяев, по всей видимости, хищник уже изловил. Колония эта находилась в полуразрушенных постройках геологоразведочного лагеря. Стройматериалы для сооружаемой хижинки мне приходилось брать именно с этих захламленных развалин.

Горноста, как крохотная собачка, суетился возле меня. Совершал по несколько прыжков то в одну, то в другую сторону. Делал с нарочитым проворством, я бы сказал, даже с изрядной долей артистизма боевые и сторожевые стойки. Забирался в свою нору – высовывался, оглядывался – и снова исчезал в ней, чтобы через несколько секунд вновь оказаться снаружи.

Наконец хищник, довольный произведенным эффектом, проскользнул возле моих ног и понёсся, подскакивая на всем ходу, на поиски добычи. Коричневая с бурым шубка стремительно удалялась в гуще травостоя. Черный кончик вертикально поднятого хвоста подрагивал над желты-

ми верхушками прошлогодней травы.

Конечно, хищник был более чем доволен тем, что обрел не только могущественного покровителя, но и теплое жилище, где он всегда мог выспаться после ночных охотничьих трудов и подвигов. Меня немало позабавила невероятная скорость, с которой перемещался этот крохотный зверек, – наверное, от радости, что все так хорошо устроилось.

Однажды во время промысла, в нагромождении поломанного бурей леса, наткнулся на хорошо утоптанную площадку. Посередине лежал припорошенный свежим снежком заяц-беляк – сеголеток – весом около двух килограммов. На шее, чуть сбоку, имелось прогрызенное горностаем отверстие. Мышцы зайца были выедены совсем немного. Следы хищника так же были припорошены снегом.

После небольшого обследования я сделал скоропалительный вывод о том, что зайчишка помер от какой-то своей, заячьей болезни. Горностай нашел труп, но есть его побрезговал, оставил мясо, едва притронувшись к нему. Без особых размышлений я тут же порубил тушку на приманку для капканов и ловушек.

Про тот случай я, конечно, благополучно забыл. Впоследствии очень часто встречались следы погони соболей за зайцами-беляками. Возникла мысль – гоняет да гоняет, без всяких шансов на успех, – возможно, тренируются. Но шустрый и проворный квартирант уже в первый вечер заставил усомниться в правильности таких представлений. Загнать до изнеможения и прикончить молодого, не набравшегося еще силенок и опыта зайчишку взрослому горностаю и тем более соболю ничего не стоит. При этом не понадобится даже кровавой схватки. Хищник легко прикончит с трудомдвигающегося от усталости ушастика и, если сам не утомился, сразу начнет его поедать.

Под утро квартирант появился. Было видно, маленький хищник хорошо потрудился. Поиски добычи отняли у него много сил. Животик его уже был набит съеденными грызунами, и лучшего места для отдыха, чем ниша между камнями под железной печкой, нельзя было найти.

Днем между жердями и досками хижины что-то прощуршало. Видимо, полевки пронюхали про жилье и теперь пытаются колонизировать его, не подозревая, что здесь уже поселилась их погибель. Но, присмотревшись, замечаю еще одного хищника, с палец величиной. Все понятно. Ласке тоже приглянулась постройка, и теперь она обследует ее на предмет возможности вселиться в нее. Через некоторое время она исчезла. Ушла тихо и незаметно.

Днем горностаи вылез из-под печки только после того, как я начал разделять принесенных с озера хариусов. Буржуйка уже раскалилась, в хижине стало жарко.

Хищник потягивался и зевал. Через несколько секунд он насторожился. Кроме запаха рыбы квартирант учуял что-то еще. Он с самым серьезным видом принялся обследовать все предметы вокруг хижины. Ласка, похоже, все-таки оставила пахучие метки. Не исключено, что на свою же голову. Горностаи и ласки трофические аналоги. Спектры питания их очень близки, поэтому отношения между ними непримиримо-враждебные.

Вечером квартирант никак не хотел уходить на охоту. Все время держался вблизи хижины. Это означало, что хищник дорожит обретенным пристанищем и не собирается его кому-либо уступать.

Ночью за стенкой постройки слышались знакомые звуки. Сначала испуганно и громко свистнула пищуха, в ответ сразу же слышалось предупредительное шипение хищника. Ждал ласку, а встретил северную пищуху. Конечно, убивать ее зверек не собирался, припугнул только. Бо-

лее мелких грызунов в окрестностях было предостаточно в этот летний сезон.

Частые и сильные заморозки сменились мокрым снегом, который, в свою очередь, перешел в снежный буран почти на сутки. Проснувшись утром, я увидел вокруг ослепительно белый мир. Глазу не за что было зацепиться.

Самцы белых куропаток – эти неугомонные барабанщики во все свое птичье горло приветствовали первый и серьезный накат зимней погоды. Было ясно, что снег этот в течение двух дней растает, испарится, и вряд ли даже островок его дотянет до покровного, уже зимнего снегопада. И действительно, в первый же погожий денек сплошной снежный ковер сначала покрылся темными пятнами, затем вовсе превратился в несколько маленьких белых локутов. При этом вся горная тундра пропиталась влагой настолько, что стала представлять из себя сплошное заболоченное пространство. Относительно сухо было лишь на немногих возвышенных участках, обдуваемых постоянными ветрами, где преобладала каменистая или мелкощербнистая почва. Само собой, растительность на ней почти всегда отсутствовала. Такие кусочки суши в этот обильный дичью год пользовались большой популярностью у местных курочек. Почти каждый островок был занят отдельной семейной группой тундряных куропаток. Птицы из них не входили в стаи. Конечно, они отлетали на кормежку, но очень скоро возвращались – их всегда можно было увидеть на своем дежурном месте. Я заинтересовался, что же заставляет эти редкие выводки проявлять такую невероятную оседлость. В то время как рядом с ними одна стая, в сотню и больше птиц, сменяет другую и задерживается совсем ненадолго лишь в самых кормных местах, местные птицы стерегут самые безжизненные, пустынные кусочки горной тундры. Секрет раскрылся очень просто. В зимний

период, когда большая часть горных плато покрывается очень плотным, образовавшимся под действием постоянно и с большой силой дующих ветров, снежным настом, небольшие участки остаются совершенно лишенными снега. Растительность на таких выдувах крайне скудная. Лишь по краям или в понижениях произрастает почти всегда единственный вид дриады, или, как еще ее называют, куропаточьей травы. С середины августа, всю осень, зиму и весну до схода снегов часть выводков питается только этой травой.

После первых же выстрелов большая часть куропаточьих стай не подпускала меня ближе ста шагов. Приходилось подползать к ним по насыщенной влагой тундре, прячась за моховыми кочками, возвышающимися валунами. К вечеру, когда заходило осеннее светило, одежда превращалась в ледяной панцирь. На холодном ветру я сам рисковал стать ледяной глыбой. Нужно было спешить в хижину.

Весь следующий день десяток добытых птиц измерялся, взвешивался, потрошил. Брались в пробирки со спиртом фрагменты для генетических исследований. Подобного рода полевой материал всегда требует в высшей степени ответственного отношения – результаты такой работы нередко полностью меняют представления об изучаемых объектах. Так же произошло и на этот раз.

Потроха поначалу скармливал вылезавшему из-под печки ради такого дела горностаю. Но когда пошли птичьи внутренности, зараженные некоторыми видами гельминтов, я сразу прекратил такую кормежку. Все сжигал в жарком пламени буржуйки.

Специалисты гельминтологи из местного исследовательского института, наиболее осведомленные об этом, предупреждали, что паразиты у курочек специфические, то есть свойственные только им, и никакого вреда другому

зверю принести не могут. Однако от любых паразитов лучше держаться подальше. Горностаи быстро сообразили, что его существенно обделяют. Не только алчно поглядывал на горку битых белоснежных птиц, но и даже пытался вырывать из рук исследуемых куропаток. Я угрожающе поднял руку, покрикивал на зверька. Тот в ответ шипел, широко открывая пасть, при этом не прекращая попыток добраться до бесплатного мяса. Очень уж дружескими у меня с ним получались перепалки. В конце концов квартирант вынудил меня радикальным способом решить проблему дополнительного питания.

Суслики, даже после выпадения первых снегов, всюду обозначали свое присутствие живыми столбиками по всем ближайшим окрестностям. По несколько часов подряд, в основном, конечно, молодые грызуны, рассматривали округу. Взрослых даже летом в дневное время нечасто приходилось видеть. Осенью же, разжиревшие, с красными чепчиками на макушке матерые евражки практически не появлялись в заснеженных тундрах.

Я подстрелил четырех таких «наблюдателей» прямо возле входов в их подземные городки. Желудки их, как и предполагалось, оказались до отказа набитыми всевозможными кормами. Разделал несчастных грызунов на полутушки и четвертинки, бросил всю эту горку мяса побелевшему уже к этому времени горностаю. Часть мяса хищник сразу затащил к себе под печку и хрустел там целыми часами.

Охоты маленького добытчика становились все менее результативными. Нередко он прибегал уставший и очень голодный. Очевидно, часть полевков была уже отловлена как горностаями, так и лисицами, ласками, соколами. Волки тоже не брезгают мелкими грызунами. Оставшиеся в ближайших окрестностях полевки научились избегать когтей и зубов хищников. Так бывает всегда. Но горностаю не хотелось по-

кидать теплое, кормное и защищенное место в человеческом жилище. Он пошел другим путем. После неудачной ночной охоты, вернувшись в хижину, бегал по моему спальнику, будил меня, напоминал, что нужно растапливать буржуйку и идти добывать куропаток, а еще лучше евражек.

Дрова в горной тундре большой дефицит. Все чаще приходилось для поддержания тепла использовать оставленную десяток лет ранее соляру. Она не потеряла своих горючих свойств, хотя часть бочек оказалась с отвернутыми крышками. Вовнутрь попала вода, но хуже всего, что пришедший когда-то не в меру любопытный медведь опрокинул бочки, отчего часть топлива вылилась наружу.

Я без всякой экономии сжигал разбавленную водой солярку в раскалившейся докрасна железной печурке. Однажды плеснул излишне большую порцию, причем часть оказалась перед поддувалом. В тот же момент полыхнуло яркое пламя, черный удушливый дым заполнил пространство под буржуйкой. Мой квартирант как ужаленный выскочил наружу. Выгнул дугой гибкую спину и некоторое время смотрел то на меня, то на затухающие на полу сполохи пламени. Зверь все понял, совершенно адекватно оценил обстановку и вернулся на свое обетованное место. Несколько суток бегал на охоту испачканный черной сажой от мордочки до кончика хвоста.

К тому моменту, когда похолодало так, что очень быстро начала появляться шуга в ручьях и речках, а хариус покатился вниз по течению, у меня вышли последние запасы муки и крупы. Лепешки и оладьи давно уже пек на свежем рыбьем, медвежьем и даже сусличьем жиру.

Появились волчьи наброды. Они весь летне-осенний сезон метили территорию вокруг, напоминая этим, что все это – их законные охотничьи угодья. Росомаха, в свою очередь, однажды полдня обследовала место моей недавней

охоты на куропаток – искала подранков. Печка испускала шлейф сизого дыма. При этом ветер тянул на росомаху. Но что-то подсказывало умному и сильному зверю, что охотиться на нее я не собираюсь.

Закончились дробовые патроны. Накопилась усталость. Порядком приелась мясо-рыбная и грибная диета. Поистрепалась полевая одежда, изнасилась в постоянных горных марш-бросках резиновая обувь – приходилось то и дело заклеивать. Сильные холодные ветра продували хижину, бывало, сутки напролет.

В один из редких погожих дней, когда я за кружкой чая планировал маршруты на два-три дня, оставшихся до уставленного заранее срока окончания работы в этом горном плато, горностае, уже полностью вылинявший, теперь уже с лоснящейся белоснежной шубкой принялся перетаскивать мясные запасы в старую сусличью нору, в десяти метрах от входа в хижину. Они помогут ему продержаться с полмесяца. В последний раз хищник выглянул из подземелья, быстро глянул во все стороны, мелькнул уже прилично отросшими от обильного питания бакенбардами и исчез. Больше его я не видел.

Через пару минут из того же выхода норы вылез довольно упитанный суслик. Похоже, они давно знают друг друга и без конфликтов делят территорию. Вблизи хижины в дневное время я его никогда не видел – это подтвердило мои более ранние выводы о том, что в ночное время евражки могут быть значительно активнее, чем предполагалось когда-то.

Деловито, по-хозяйски, грызун зашел в хижину. Остановился возле печи. Чувствует, что от нее исходит тепло, но понимает, что она железная, и пробовать на зуб не пытается. Зато, подбежав к моим сапогам, намеревается совершенно беспардонно продегустировать их. Дырявить свои

и без того латаные сапоги я не позволил – отдернул обую ногу. Последнее евражку не очень напугало. Лениво, с явной неохотой, твякнув напоследок по-щеньячи, суслик неторопливо удалился к норе.

«Да это самый настоящий дележ наследства!» – приходит разгадка странного поведения зверьков. К этому моменту я еще не принял никакого решения по поводу своего выхода. Следовательно, возможность телепатии исключается напрочь.

Через несколько минут за хижиной наступает странная тишина. Ни шума ветра, ни журчания ручья – во всяком случае так показалось. Даже семейка воронов не оглашает своими воплями окрестности. Не барабанят петушки белых куропаток. Стайка щебетавших вьюрков вмиг испарилась куда-то. Быстро выхожу из жилища и сразу замечаю панически улетающих к границе горной тундры и редколесья черных птиц. Улепетывают с набором высоты, а затем камнем пикируют в густые ветви низкорослых лиственниц. Кто же их так напугал?

Взираю на небеса и замечаю подлетающего к моей хижине очень крупного, пепельно-серого кречета. В режиме барражирования, почти без взмахов, он делает над хижинной небольшой круг. Вертит головой, рассматривает меня, всю обстановку и так же не спеша улетает. Точно в направлении моего выхода из горных плато!

Я принимаю неожиданное для самого себя решение. Уходить сейчас и быстро. На сборы уходит пятнадцать минут. Двухдневный переход много сил не отнимает. На самом тяжелом для передвижения участке пути встречаю вездеход знакомых охотников. Последние приехали положить идущего на скат хариуса и уже собирались уезжать. С комфортом, на теплой броне я выбрался к федеральной трассе.

Уже дома, обрабатывая полевой материал, мысленно постоянно возвращался к произошедшему в тот день в горной тундре. Выводы, конечно, сильно удивили. Не удержался от восклицания – но не «Эврика!», а попроще – «Ну и дела, вот это настоящая сенсация!».

Действительно, существует много явлений, не объяснимых на нынешнем уровне развития науки. Недоступное пониманию в большей степени, чем, например, проявление электричества или шаровая молния. Разного рода определения, конечно, не в счет. Внимательный наблюдатель, лучше, конечно, если это широко образованный человек, а не узкий специалист, регулярно наблюдает проявления чего-то высшего, объединяющего все живое. Когда-нибудь и это будет возможно изучать на уровне каких-нибудь еще более элементарных частиц и полей, чем кварки, глюоны. Бозон Хиггса явно еще не «частица Бога».

Считается, что девяносто пять процентов обозримой Вселенной составляют темная материя и темная энергия – видимо, именно она и является не только объектом сущего, но и субъектом его. Остающиеся пять процентов – доступный наблюдению материальный мир: вещество звезд, кванты излучений, потоки частиц, газопылевые облака, заполняющие пространства внутри галактик, белые и черные дыры – первые, очевидно, всего лишь начальная стадия вторых, из этих даже кванты света уже не могут вырваться.

Галактики рано или поздно вырабатывают топливо для цепных и термоядерных реакций. Холодные, лишённые ветров горячих излучений участки Вселенной просто обречены схлопнуться в уже по-настоящему черные, вселенского масштаба дыры. Все физические законы и в них работают – здесь важен закон сохранения импульса, как будто с самого начала это не было очевидно. Набравшая

некую критическую массу черная дыра, в которой вещество сжимается до субатомных пределов, предсказуемо и в очередной раз взрывается – Большой Взрыв, известный физикам-теоретикам. Из вновь образовавшихся кирпичиков материи снова собираются и вспыхивают звезды, внутри которых синтезируются все более тяжелые элементы. Из них все остальное – живое и неживое. Темная материя сопровождает и, скорее всего, именно так контролирует эти процессы и бесконечно хранит информацию о всем, что когда-либо произошло.

Более того, может доносить эту информацию до живых, способных воспринимать ее существ. Понятие времени – прошлое, настоящее, будущее – теряет здесь смысл.

Вселенная существует не тринадцать или сорок миллиардов лет, а триллионы, квадриллионы или пусть будет десятиллионы миллиардов лет. Все, что сейчас происходит, уже состоялось в сильно или слабо отличающихся вариантах и повторилось уже те же миллионы, триллионы раз. Вопрос в другом – кто же все-таки субъект?

Кто доносит информацию о прошлом-будущем тому же Нострадамусу, Ванге и тысячам, миллионам других живых существ, в том числе уже упомянутым горностаю и евражке, в наблюдениях за которыми родились эти мысли?

Смогут ли в обозримом будущем люди обозначить его, не опускаясь до метафизической ереси, или, с большого перепугу, не стать идеалистами? Мудрый Восток уже тысячи лет как определился – не обозначать то, что по силам пока только самой Вечности, а знать и следовать проистекающим из нее нравственным законам. Все остальное сметут, причем гарантированно, ветры перемен. Как видим, одиночная полевая работа – более чем полезное занятие.

Рассказы

Альпийский сон

Сильный, порывистый ветер трепал старый брезент, и встроенный в самый край большого, почти сплошь состоящего из гранитных валунов острова навес содрогался и ходил ходуном. Остров – это остатки очень древней, ледникового происхождения первой надпойменной террасы. Он здорово выручал нас, когда вдруг зарядили в самом начале колымской осени холодные, с градом вперемежку, дожди.

Но холод и пронизывающий ветер почти не мешали довольно многочисленной и злобной мошкаре, которая, словно предчувствуя скорый свой конец, свирепствовала вовсю.

В речушке поднялся уровень воды, и потоки ее, то мутные, то довольно прозрачные, огибали реликтовый остров с обеих сторон. В болотных сапогах речку эту даже по большой воде можно было перейти в очень многих местах, что мы часто и делали во время рыбалки или отправляясь в поход по высоким, казавшимся издалека неприступными горам и сопкам.

– Ты зарядил карабин? – прервал мои размышления голос из глубины походного спальника.

На соседних сделанных из нескольких лиственных жердей нарах приготовился ко сну напарник. Совсем недавно мы с ним повредили ноги и теперь в переходах прихрамываем. Оба, не долечившись, сбежали в поход. Геннадий Васильевич, как человек семейный, конечно же, испытал на себе абсолютно справедливое недовольство своих близких. Он только начал лечебные процедуры, когда был брошен клич «в поход», и Васильевич быстро собрал свой «станкач», взял ружье, удочки и прибыл на место сбора.

- В патроннике пусто. Но магазин полный! А ты?
- Тоже нет, но у меня в кармане россыпью четыре пулевых патрона.
- Вот и прекрасно! Я всегда успею дослать патрон. Только топор положи под нары так, чтобы был под рукой.
- Уже сделал.

Еще дымит в вечерних сумерках потушенный дождем костерок. Мокрая одежда медленно подсыхает. А всего-то сутки назад в это время мы готовилась занимать круговую оборону...

...Горный перевал мы одолели в два приема. Перед наиболее крутым участком склона разожгли небольшой костер. Часовая передышка позволила нам немного подсушить верхнюю одежду и подкрепиться легкой закуской. Затем, поодиночке, с разрывом в несколько минут, взойшли на вершину огромной сопки. Сбросив рюкзаки и поудобнее устроившись на камнях, мы принялись рассматривать в бинокли местные пейзажи.

Прямо перед нами, по линии водораздела, разделяющего две совершенно различные водосборные территории, а именно бассейны Северного Ледовитого и Тихого океанов, возвышается гора Скиф. Впервые это название я услышал от местного писателя, моего старого друга Паши Зятькова.

Вряд ли большинство читателей знает о скифах больше, чем дает школьная программа, но название в самом деле удачное. И, конечно, звучит интереснее, чем то, что обозначено на топографической карте: высота с отметкой 1 664 метра и все. И действительно, если смотреть с северо-востока или с юго-запада, контуры ее напоминают головной убор древних евразийских номадов – гуннов, скифов, сарматов.

Вдруг на гору набежала белесая пелена низких рваных облаков, отчего образ ее стал еще более загадочным. Угрюмые скальные склоны возвышения источали какую-то скры-

тую угрозу. Тем не менее я очень внимательно, насколько это было возможно в пасмурную дождливую погоду, рассмотрел гору через мощный двадцатикратный бинокль. В будущем году я обязательно обследую окрестности, так как давно интересуюсь древними ледниковыми ландшафтами.

За весь следующий день каждому из нас удалось поймать чуть больше десятка небольших хариусов. Погода определенно не способствовала клеву прекрасной, благородной пресноводной рыбы. Мы поначалу очень надеялись, что к утру следующего дня сильный ветер наконец-то разгонит уже надоевшие дождевые тучи. Но после того как внимательно всмотрелись в движение облаков, уверенности в том, что в ближайшие сутки прояснит, поубавилось. Густые стаи облаков стремительно неслись то в одну, то в другую сторону. А иногда даже одновременно низкие слои перемещались в одну, а более высокие – в другую сторону. Казалось, местная природа вознамерилась бесконечно долго гонять над нами одни и те же тучи.

Неудачная рыбалка несколько не огорчила меня. Появилось немало времени на то, чтобы не спеша и основательно изучить все местные урочища. Первым делом я прошел по набитой гусеничными траками таежной дороге. Эта своеобразная контрольно-следовая полоса всегда привлекала меня обилием следов различных зверей и птиц. Причем, по совокупности признаков, всегда можно определить пол, возраст зверя, а также давность его прохождения. И на этот раз я не обманулся.

Сразу встретились свежие следы двух матерых волков. Привычная и обязательная для меня процедура – измерение всех параметров отпечатков лап четвероногих хищников – поначалу не выявила чего-нибудь сверхординарного. Средние размеры самых заурядных лесных волков. На первый взгляд. Но пропорции отпечатков одного из зверей

вдруг начали выпадать из привычной шкалы. Больше десяти минут я потратил на то, чтобы снять точные промеры. Выводы, сделанные мной, заставили учащенно биться сердце. Мне показалось, что я смогу сделать небольшое открытие в довольно замкнутом и привередливом охотоведческом мире, где у каждого спеца за плечами десятки лет полевых исследований и удивить их чем-либо весьма сложно. Чтобы подтвердить свои выводы, мне теперь необходимо добыть конкретный краниологический материал, или, говоря простым языком, черепа волков, обитающих именно в этой местности. И я не мешкая пустился на поиски хищников.

Сначала, по моим расчетам, нужно было обследовать места обитания наиболее частых жертв волков, а именно диких северных оленей. Невдалеке, на одном из отрогов большого водораздельного хребта, находились известные мне горные увалы, где каждую весну у части местной группы северных оленей проходил отел. Олений родильный дом. Там я узнаю о серых хищниках все, что мне нужно. Так я думал и, сгорая от любопытства, быстро двинулся к горным хребтам.

Уже на первых сотнях метров подъема мне начали падаться фрагменты костей северных оленей. Затем в стланиковых кущах обнаружилось несколько останков намного лучше сохранившихся, чем предыдущие. С самого начала я предположил, что это волчья работа. Но, внимательно изучив поверхность костей, вынужден был снять сие обвинение с волков. Это был какой-то другой зверь, не имеющий хищного, с острой, как гильотина, режущей поверхностью, зуба. Таким животным мог быть только медведь.

Воображение мое сразу нарисовало жутковатую картину... Гребень хребта в несколько сот метров шириной имел пологие скаты. На той части гребня, где раньше всего появляются проталины, и держатся беременные оленухи. После родов они частенько поблизости на горной тундре или аль-

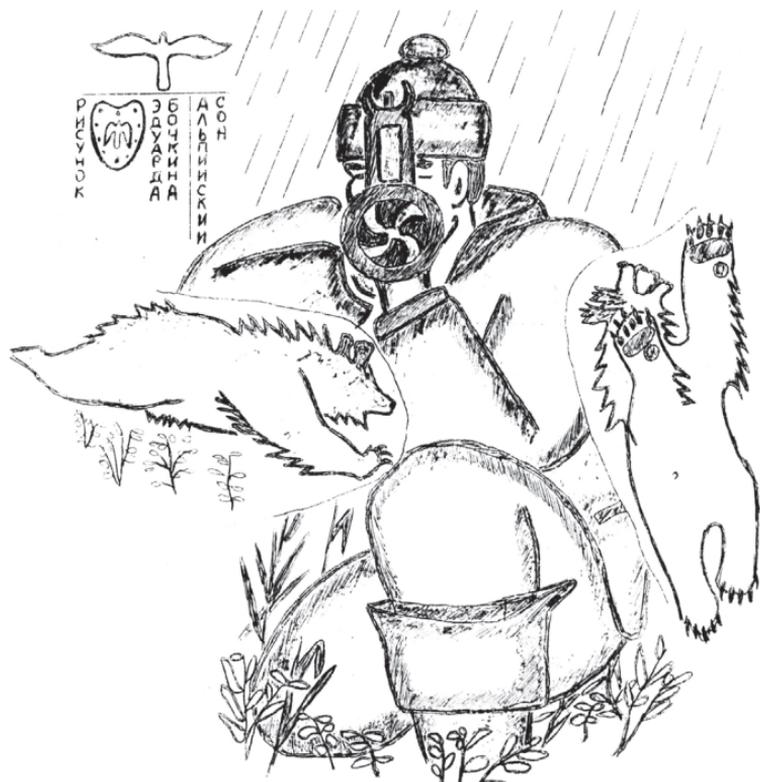
пийских травянистых лужайках вскармливают потомство.

Прошедшая зима была многоснежной, а весна затяжной. Большие сугробы лежали в горах до начала июля. Поэтому северные олени оказались в очень сложном положении. На узкой полоске проталин негде совершить обходной маневр и избежать когтей и зубов хищника. Справа и слева – вязкая весенняя снежная толща. Завязнув в ней, беременная самка северного оленя становится очень легкой добычей даже для такого, слабо подготовленного для подобной охоты хищника, как медведь. Было очевидно, что прошедшей весной местная субпопуляция северных оленей понесла огромный урон. Потеряла не только приплод, но и часть воспроизводственного ядра – плодовых самок.

Я довольно быстро поднялся на гребень хребта и, укрывшись от сильного, пронизывающего холодом и влагой ветра за грудой камней, принялся рассматривать окрестности. а сделать последнее как следует было нелегко. Очень низкая облачность позволяла видеть лишь небольшие фрагменты местного ландшафта. Все же я упорствовал и, привалившись спиной к холодным камням, всматривался через окуляры бинокля в снежники на склонах хребтов. Аккуратные, оконтуренные полосами высокогорных кустарниковых ив, альпийские лужайки создавали впечатление невероятной для этих мест ухоженности заросших густым разнотравьем, ледниковых по происхождению и все еще находящихся в стадии активной деградации склонов гор.

Сама природа создала здесь аналог террасного земледелия, распространенного в горных регионах южных, более теплых широт. Не возникало никакого сомнения, что сначала земледельцам приходилось пользоваться именно природными террасами и лишь затем создавать искусственные.

Окуляры бинокля часто запотевали, или налетевший порыв ветра приносил дождевые капли, из-за чего линзы

приходилось то и дело протирать мягкими кусочками ветоши. После очередного протирания, подняв к глазам бинокль, сквозь меняющиеся контуры окна в налетевших на горы облаках замечаю пасущегося на альпийском лугу довольно внушительных размеров медведя.

«Ах вот он где прячется, разбойник!» – подумал я. Картина была настолько необычной, почти сказочной, что я на миг закрыл глаза, продолжая наслаждаться запечатлевшейся в сознании идиллией. Казалось, местная природа на краткий миг раскрыла шторы, чтобы показать свой маленький се-

крет, и тут же вновь прикрыла их облачной пеленой, словно говоря мне при этом: попробуй, мол, овладей, если сможешь. «Смогу, не впервой», – мысленно ответил я.

Два километра, разделявшие нас, я преодолел одним рывком. Под сапогами громко хлюпала влага и трещали тонкие стволы низкорослых альпийских ив. Но сильный ветер и журчание горного ручейка заглушали все создаваемые мной шумы.

Медведь успел за это время переправиться через ручей и теперь обследовал нагромождения камней на краю мшистой лужайки. Из соседней каменной россыпи раздавался неистовый свист пищух. Вероятно, так они предупреждали своих собратьев о близости медведя или, наоборот, уже увидели и услышали меня и теперь пытались во все свои щеки втолковать мохнатому увальню о надвинувшейся на него смертельной опасности.

Я подбежал к краю террасы, сбросил на ивняковые заросли станковый рюкзак, поставил прицел на двести метров и приготовился к стрельбе с колена. Первый выстрел удивил и встревожил меня. Трассирующая пуля довольно сильно отклонилась от точки прицеливания и, вместо того чтобы пронзить сзади массивную грудную клетку или толстую, мускулистую шею, обожгла зверю плечо и порвала левое ухо. Ударилась о камни впереди медведя, при этом трассер расплющился, выбрасывая сноп ярко светящихся искр. «Мушка сбита, – догадался я. – Где это могло произойти? При перевозке? Или задел мушкой о камень, когда взбирался на перевал?» Выяснить причину было уже некогда.

Медведь мгновенно сориентировался на звук выстрела. Он подпрыгнул на месте и развернулся в воздухе на сто восемьдесят градусов. Но, прежде чем он успел совершить очередной прыжок, я еще раз нажал на спусковой крючок. При этом я сразу сделал поправку в прицеливании, что

дало незамедлительный результат. Вторая пуля попала по месту. Я услышал характерный звук от ее попадания раньше, чем зверь заревел от боли и злости.

После второго выстрела случилось неожиданное, вдруг зашевелились кусты на террасе по другой стороне ручья. Намного ближе ко мне, чем был подстреленный мной зверь, выскочил второй, не меньше первого размерами, медведь. Никогда бы не подумал, что взрослый хищник может долго оставаться незамеченным в зарослях альпийских ив высотой всего-то в полметра и ниже. А ведь зверь, как выяснилось потом, не маскировался, не прятался, а занимался обыденным для себя делом – распахивал крючковатыми когтями дернину в поисках гнезд серых горных полевок. Теперь уже вдвоем во весь опор медведи неслись в мою сторону. Я почувствовал, как на голове, под лыжной шерстяной шапочкой, зашевелились мои волосы. Звери, как по лучу локатора, бежали к источнику звука – к тому

месту, откуда я посылал в них остроносые пули.

Делая поправку на боковой ветер и сбитую мушку, мне удавалось попадать в убойные места, но звери совершенно не обращали внимания на получаемые каждым из них тяжелые ранения – настолько они рассвирепели. Такая организованная атака может кого угодно сбить с толку и даже напугать, но только не меня. Наконец после очередного выстрела один из хищников на бегу перевернулся, стал валяться и рвать когтями мшистую подстилку.

Но я не почувствовал облегчения, так как второй уже был вне досягаемости. Он бежал уже под той террасой, на которой стоял я. Лишь изредка взметнутся вверх обрываемые ивовые листья да покажется иногда поверх растительности что-то вроде медвежьей спины. Зверь был в «мертвой зоне» и, похоже, сознательно использовал сие обстоятельство. Можно было подумать, что четвероногое животное прошло специальную военную подготовку и хорошо знало, как уклоняться от пуль.

К этому моменту уже второй магазин был опустошен. В кармане лежали три последних, запасных патрона, которыми я тут же зарядил карабин. Вынув из ножен большой складной нож, развернул лезвие и положил его в карман рукояткой вверх.

Наконец, в нескольких десятках метров от меня на бровку террасы выпорхнул светло-бурый зверь и, описывая дугу, стал приближаться ко мне. Нас разделяла небольшая, но глубокая промоина, по днищу которой еле слышно журчал сбегавший из ближайшего снежника ручеек.

Медведь все еще был прикрыт кустарниками, и я не решился использовать оставшиеся невероятно драгоценные патроны. Внутренне уже был готов к самому худшему варианту развития событий – к рукопашной. Одолеть в ней зверя имеющимся у большинства охотников холодным оружием

очень мало шансов. Во все времена в среде опытных зверобоев велись дискуссии о том, какое должно быть холодное, или «белое», как называли его в недавнем прошлом, оружие для охоты на медведя. Наиболее удобными признавались рогатина с длинным и достаточно широким обоюдоострым или бифасиальным пером и небольшой кинжал. В крайнем случае, мог выручить финский бифасиальный нож. Все эти виды орудия запрещены, следовательно, охотники в некоторых ситуациях попросту беззащитны.

В трех десятках шагов зверь «раскрылся» – выскочил на берег ручейка и, выискивая место для переправы, подставил бок. Лучшего момента я ожидать не мог. «Какой молодец! Подставил под выстрел оба подлопаточных нервных узла!» Деревенеющими от нарастающего напряжения руками я быстро довел оружие в нужное место и, не мешкая, послал одну из трех оставшихся пуль. Она настигла зверя в прыжке. Тот, сделав несколько судорожных скачков, наконец-то уткнулся головой в ивовый куст. Все! Кончено!

Как и положено в таких случаях, вынужден был сделать контрольный выстрел. Но подходить к другому зверю для того, чтобы сотворить то же самое, я опасался. Медведь еще корчился и, завидев меня вблизи, на открытой площадке мог совершить последнюю атаку, остановить которую одной пулей было весьма проблематично.

С большими предосторожностями – кто знает, сколько тут еще прячется медведей – я как можно быстрее спустился в долину. Одолею череду торфяных болот и вышел на широкую наледь, где мы разбили базовый лагерь.

У дымного костра копошился Геннадий Васильевич. Он, как всякий опытный полевик, использовал передышку для заготовки дров и благоустройства лагеря. Коротко поведав о происшедшем, я поел ушицы и завалился спать, предупредив при этом напарника о том, что выходим через три

часа. Усталость валила меня с ног.

Разбудил меня голос Геннадия Васильевича. Тот с упреком выговаривал мне:

– Ты спишь уже четыре часа!

– Ну и что? Все равно не выспался.

Дождь перестал моросить, ветер ослаб. Прекрасный момент для похода к снежникам, за медведями. Я набил магазины патронами, и через несколько минут мы двинулись в горы.

К вечеру уже были в альпийском поясе гор. Незадолго до этого, продираясь сквозь заросли кедрового стланика, берез Миддендорфа и нескольких видов ив, мы оба вымокли до нитки, а ведь обстоятельства вынуждали нас ночевать в верхних поясах гор.

На месте побоища нас ожидало очень неприятное открытие. Второго медведя, того, на которого я пожалел патрон, не оказалось на месте. Сгущались сумерки, и нужно было срочно что-то предпринимать. Было страшно подумать, какие последствия могло повлечь за собой сие обстоятельство.

«Неужели все-таки оклемался? И такое может быть». Я много лет имею дело с медведями и весьма осведомлен, насколько опасен раненый медведь. Нужно было срочно отыскать и добить хищника, иначе ночевка превратилась бы в сплошной кошмар. Больше всего я опасался за своего напарника. Вся ответственность за благополучный исход дела лежала только на мне.

– Останься на пригорке и внимательно наблюдай за окружающей обстановкой. Если что, предупреди криком. И говори, пожалуйста, сразу направление, чтобы я не тратил время на поиск цели.

Геннадий Васильевич с орудием наизготовку и снятым предохранителем застыл в напряженном ожидании позади

меня. Я же двинулся на поиски исчезнувшего подранка. Там, где несколько часов назад лежал зверь, было все перерыто, виднелись несколько кровавых пятен. «Неужели всё-таки одыбал?! Невероятно живучие экземпляры попались». Я не переставал дивиться всему, что произошло за эти сутки. Может быть, постоянное обитание вблизи снежников, на ветру и холоде делает зверей такими жизнестойкими?

Были осмотрены все ближайшие ивняковые кущи. Никаких следов. Лишь один куст ольховника, бог знает как оказавшийся на такой высоте, оставался неосмотренным. Низкорослый, но очень густой и пышный, он раскинул свои ветви у обрывчика, на самой кромке воды. Я осторожно подошел к ольховому кусту, что-то мне подсказало – зверь здесь. Стволом карабина я раздвинул ветви и тут же заметил лежавшего на гранитном булыжнике медведя. К счастью, он уже был мертв.

К ночи тучи разогнало, но радости никто из нас не испытывал. Огромный, каким он всегда кажется в горах, небосклон оказался совершенно свободным от облаков. Невероятно яркие звезды – настоящий парад планет – говорили о том, что ночь будет очень морозной. Для нас это было еще одним испытанием.

Совершенно мокрая одежда, отсутствие топора обещали нам мученическую ночевку, каковой она и получилась. Легкий прорезиненный плащ, случайно прихваченный нами, мог пригодиться в дождь, но от холода уберечь, конечно же, никак не мог. На диком, холодном ветру с превеликим трудом удалось развести огонь. За дровами приходилось ходить за несколько сотен метров. В конце концов, в ход пошли сырые ветви и сучья. К удивлению, они сгорали почти без дыма. Сам костер под почти вертикально, сверху падающим воздушным потоком принимал форму то розы, то ярко-оранжевой астры, то вообще стелился по поверхности, тя-

нулся языками к нашим ногам. Топливо расходовалось очень быстро, и все время приходилось вскакивать и уходить на поиски жалкой древесной растительности.

Все же мы считали за счастье, что удавалось вздремнуть на час-полтора. Несколько суток без полноценного сна и отдыха сказывались: тут, на холодном ветру, мы все же умудрялись засыпать. Греться приходилось в движении, во время поисков дров, а у почти не греющего огня, хотя довольно интенсивного и яркого, мы были обречены медленно замерзать.

Утром после всех сборов встал вопрос, как возвращаться. Напарник наотрез отказался идти прежним путем, через торфяные болота. Поэтому, взвесив все за и против, приняли решение двигаться через вершину горы, напрямик. За вершиной, на спуске, есть опасные участки, где можно с грузом на плечах запросто свернуть себе шею или переломать конечности. Но вдвоем, с подстраховкой одолеваются и не такие препятствия...

...Ветер не ослабевал, все так же хлопал пологом, иногда осыпая нехитрую ночлежку каплями дождя. По привычке я с ночи спланировал весь завтрашний день. Дождь или град не могли нам уже в чем-либо помешать. Может быть, в момент переходов прохладная погода даже более желательна, чем дневная жара и обжигающее солнце.

Нам нужно было с сорокакилограммовыми рюкзаками на плечах совершить двадцатикилометровый маршбросок к берегу большой реки. Разжечь на нем в условленный час сигнальный костер. Спустя еще несколько часов предстояло, какой уже раз по счету, не припомнить, заново оценивать тепло и уют своих квартир. На душе было спокойно оттого, что мне, исследователю, рыбаку и охотнику, наступающие сутки обещали много интересного.

К белолу кречету

Последняя декада сентября. В Колымской стороне это весьма примечательное время. В эти дни происходит окончательный перелом в извечной борьбе холода и тепла, лета и зимы. С наступлением темного времени суток на землю опускается холод. Утром появившееся из-за лесистых гор солнце встречает на озерах и реках слабенькие, перекликающиеся хрустальным перезвоном ледяные за-береги. За короткий день они успевают стаивать. Освобождается от часто выпадающей за ночь снежной пороши промороженная уже земля. Но со следующего морозного и ясного утра все начинается снова.

Лишь опытный глаз полевика заметит неумолимо надвигающиеся перемены. В эти благодатные для охотника денечки видно, как быстро начала опадать с ярко окрашенных лиственниц хвойная охра. Окрестная горная тайга все более теряет свой праздничный, золотистых тонов наряд. Каким-то образом все эти природные изменения находят самый живой отклик в человеческих душах.

Вместе с осенью почему-то приходит подсознательное, еле уловимое ощущение невосполнимой утраты. Почему оно появляется? Может, это ностальгия по ушедшему теплу? По бурным страстям жаркого лета, когда жизнь кипит во всех своих проявлениях? Что бы это ни было, но в иные дни по совершенно необъяснимым причинам нечто начинает неумолимо разрастаться. В какой-то миг в вашей душе начинает звенеть самая настоящая тревога, а каждая клеточка организма жаждет поиска. И вот ты уже живешь ожиданием необычного, которое непременно должно слу-

читься завтра, послезавтра, но может быть, и через час. Душа жаждет новых, единственно нужных для нее впечатлений. Но их, увы, оторванному от природы человеку почти невозможно найти. Что-то не то, совершенно ненужное вечно предлагается нам в этом суетном мире.

Вот обо всем этом духовном многообразии и напоминает нам природа в последние сентябрьские дни. Ненавязчиво и мудро учит нас она ценить маленькие человеческие радости, дорожить доброй улыбкой, ласковым словом и нежным прикосновением рук.

Но я в эти страдные для охотника денечки был весьма далек от подобных сантиментов. Почти неделю жил у подножия огромной, многоглавой горы и всюду готовился к штурму ее уже давно заснеженных вершин. Каждый день я неутомимо обследовал тайгу вдоль многочисленных сбегających с горного массива ручьев. Изучал следы жизнедеятельности ее обитателей, пополняя записи в полевом дневнике и не забывая, однако, вести счет пройденным десяткам километров.

Уже несколько лет в этих глухих местах я наблюдаю абсолютно не освещенное в научной литературе природное явление. Довольно часто мне приходилось наблюдать на некоторых таежных «пятачках», чаще всего привязанных к определенным ландшафтам, своеобразные «сгущения жизни». В одном месте не однажды приходилось наблюдать одновременно лосей, бурых медведей и диких северных оленей. Причем это было вполне мирное соседство. И все это на фоне почти совершенно свободных от зверья таежных пространств.

Догадка пришла моментально, но значительно сложнее ее доказать. Где-то, когда-то, еще в юности, я читал о подобном образе жизни, когда животному приходится одну часть времени проводить в защищенных местах, а другую,

самую активную, очевидно, связанную с поиском пропитания и разведкой местности и ресурсов на ней, – в совсем иных местностях.

Я поднапряг свою долговременную память и выудил оттуда весьма интересную информацию. Оказывается, в очень давние эпохи подобные перемещения приходилось проделывать охотникам. Ведь во времена архантропов и палеантропов еще существовали крупные и практически неодолимые людьми хищники, такие, например, как пещерный лев, более крупные и свирепые предки современных медведей. От них поневоле приходилось укрываться в горах, так как там редко водились крупные стадные травоядные животные и, соответственно, промышлявшие их достаточно крупные хищники.

Жизнь в верхних поясах гор всегда была суровой. Частенько древним людям приходилось в тяжелой и опасной борьбе избавляться от своих конкурентов на жилье – пещерных медведей. За пищей, после того как мелкие горные животные частью истреблялись, а оставшиеся перемещались в недоступные уголья, приходилось спускаться в изобиловавшие самой различной живностью долины крупных рек.

Но вот началось глобальное и неуклонное изменение климата. Травоядные монстры и хищные гиганты начали один за другим вымирать. Огромные регионы лишались своих плотоядных хозяев. Их место, конечно же, быстро и прочно занимали пронырливые и напористые двуногие конкуренты. Теперь же порядком обмельчавшие потомки хищных гигантов – белые, бурые, черные и другие медведи – даже не претендуют на первенство. Тем более что всем им, исключая только белого медведя, пришлось переключиться на питание растительными кормами. То, что падает им из падали, мышей или даже зазевавшихся, чаще

всего, крупных млекопитающих, – все же не в счет, основа их питания – растительный корм.

От чрезмерного, не влезающего ни в какие предусмотренные природой рамки хищничества человека и прячутся теперь нередко компактными, состоящими иногда даже из несовместимых по образу жизни видов сколько-нибудь заметные и ценные для человека животные. Жалкая участь. Так вот, эти встречающиеся еще «оазисы жизни», пока они не исчезли навсегда, необходимо изучить и надежно защитить.

Наконец-то пришел долгожданный день восхождения. Подножия с северной стороны этого небольшого горного кряжа были мной довольно основательно осмотрены. Теперь только оставалось выбрать маршрут поинтересней, подняться на одну из вершин и заглянуть в другую речную систему, которую, как я уже хорошо знал, очень редко посещают охотники. Там я намеревался разглядеть если не мамонтов, оставшихся с ледникового периода, то уж наверняка что-нибудь заслуживающее моего внимания.

С утра пораньше налегке, имея в рюкзаке только топор, спички и солдатскую фляжку, наполненную брусничным морсом, я полез в густую поросль кедрового стланика. Заросли последнего оказались не самым сложным препятствием. Труднее было взбираться на крутяки. Поросшие с теневой стороны мхами и лишайниками крутые склоны распадков сильно замедляли мое продвижение, поэтому, поднявшись на свободный от растительности гребень увала, я побрел вверх уже по нему.

С него-то мне и открылось зияющее чернотой посреди яркой зелени отверстие в склоне следующего распадка. Медвежья берлога. Осмотрев внимательно местность на предмет присутствия ее хозяина и взяв за ориентир одиноко стоящее усохшее дерево недалеко от берлоги, я снова нырнул в стланиковое море.

По мере продвижения чаще стали попадаться стайки тундровых куропаток, или, как их здесь называют, горняшек. Из-под самых ног начали один за другим выпархивать рябчики. Поглядывая на меня, они пересвистываются о чем-то своем. Один из рябчиков даже поленился вспорхнуть на ближайшую веточку. При моем приближении он лишь перебежал на другую сторону стланикового куста. Я начал обходить его. Он делает то же самое. Тогда я пошел в обратную сторону, надеясь все же поднять строптивца на крыло. Но птица вдруг повторила мой маневр и засеменила в обратную сторону по окружности куста. При этом только шея вытянулась чуть побольше, и в поведении птицы стали проявляться первые признаки беспокойства. Все это говорило о том, что местные рябчики впервые в своей жизни видят человека и не в состоянии расценить степень угрожающей им опасности.

Берлога меня сильно разочаровала. Она была пятнадцати, а может, двадцатилетней давности, с полностью обвалившимся потолком над гнездовой камерой и частью хода. К тому же берлога принадлежала, судя по сделанным мной промерам, не очень крупному зверю.

Выбравшись на пробитую дикими животными тропинку, я двинулся к вершине. С каждым новым десятком метров подъема становится заметно холоднее. Ветер из тихих подвижек воздуха превращается в мощное ледяное дыхание близкого Ледовитого океана. Зато открывающиеся из-за каменных гребней картины все более завораживают меня. Я все чаще припадаю к накалившемуся от холода биноклю и всматриваюсь вдаль.

Все пересеченные мной звериные тропы, часто со свежими следами от прошествовавших по ним животных, огибали вершины и уходили куда-то на южные отроги горного узла. По моим прикидкам, уже не хватало светлого вре-

мени суток, чтобы добраться до них и вернуться к лагерю. Поэтому я вынужден был ограничиться взятием только одной, ближайшей ко мне вершины.

По массивным и острым обломкам черных каменных глыб я медленно, но упорно продвигаюсь к вершине. Пронизывающий холодом ветер становится нестерпимым. Застегнувшись на все пуговицы, надвинув сверху на шерстяную шапочку капюшон охотничьей куртки и глубоко засунув руки в карманы, я пытаюсь защититься от жестокой стужи. Казалось, что не только руки, но и я сам заоченел и готов с минуты на минуту превратиться в ледяную статую.

К моему величайшему удивлению, на самом краю черного каменного гребня, совсем близко от себя я замечаю великолепно различаемый на фоне бирюзового неба и горно-лесистых пейзажей силуэт какой-то крупной хищной птицы.

В тот же миг смутная догадка, еще не оформившаяся в ясную и четкую мысль, вспыхнула в глубине моего растревоженного сознания и заставила учащенно биться сердце. Не веря своим глазам, я вынимаю одеревеневшими от стужи пальцами бинокль и, с трудом накручивая винт наводки, различаю перед собой пернатого хищника. Кто это? Сокол? Ястреб? По крайней мере, три вида крупных соколов и один ястреб-тетеревятник могут оказаться передо мной на грубом каменном постаменте, там, где застыла прекрасная птица.

Здесь, в подоблачной вышине она выглядит совсем по-иному, чем где-либо. Будто сотворенная из бело-голубого мрамора искусным мастером, она смотрит на меня строгим немигающим взглядом, в котором я не вижу ни настороженности, ни вражды, ни тем более страха. Плотное, голубоватых тонов оперение, осанка и благородное спокойствие этого шедевра природы заставили внутренне

собраться, забыть усталость и пронизывающий ветер.

Тем временем я успел рассмотреть некоторые особенности, отличающие эту птицу от ястреба. Она имела темно-го цвета цевку вместо ярко-желтой ястребиной, темную радужную оболочку глаз, в отличие от желтой, с темным пятном посередине у ястреба. Но самое главное, я успел узреть еле заметный контур рогового зубчика по нижнему краю изогнутого хищного клюва. Это родовой признак соколов! Из трех блистательных собратьев – сапсана, балобана и кречета – я отбросил двух первых, более мелких, и оставил на каменной глыбе только одну великолепную птицу – кречета. Не могу налюбоваться оперением, статью. На открытом всем холодным северным ветрам месте, перед величественной панорамой колымских гор, каждая линия этой птицы, излом, блеск и игра света и тени отзываются в моей душе целой гаммой переживаний.

Да, здесь может быть только кречет – безраздельный господин верхних этажей птичьего царства. Орлы и орланы не в счет. Они в основном лишь высматривают с высоты небес обитающую на земле добычу. Тетеревятник же большой любитель поразбойничать в пойменных лесах, на окраинах лугов, полей и даже человеческих поселений.

Я часто встречал очень светлых и относительно крупных птиц. Но на расстоянии велика вероятность ошибки. Ведь на обширных высокогорных плато и особенно в высоких широтах северной Азии часто попадаются на глаза как очень светлые кречеты, так и ястребы-стервятники с подобного же цвета оперением. Поэтому достаточно точно определить их можно только наблюдая вблизи.

Давние узы связывают человека с этим пернатым королем. Много легенд и историй проливают свет на их взаимоотношения. Не случайно белый или сизый, возможно пепельного окраса, кречет на протяжении многих сотен

лет становился фамильной эмблемой, родовым гербом и гербом государства могущественнейших правителей многих империй Евразии. Почему его предпочитали орлу? Вероятно, потому, что перед решающей атакой он делает боевую стойку, то есть предупреждает жертву о своих намерениях. К тому же при изобилии добычи старается бить последнюю только на лету. Сидящей на ветвях или на земле птицей может побрезговать. Очевидно, эмблемой на знамени, на боевом щите белого кречета делали те, кто в совершенстве знал охоту с пернатыми.

Почти неуловим миг, разделяющий состояние покоя с полетом. Короткий, но сильный взмах стреловидных крыльев – и вот уже эта великолепная птица стремительно скользит в широкий и лесистый каньон незнакомого мне ручья, в котором полуденное солнце играет волшебными цветами. В тени стланиковые склоны отливают изумрудами. На солнечном свете те же склоны теплятся светло-зеленым, табачного оттенка нефритом. И все это постепенно растворяется в сизо-голубой дымке горизонта, где укрытые снежным саваном горные увалы и хребты с белоснежными пиками гольцов соприкасаются с безграничной глубиной пронзительно синего неба.

На фоне этой красочной субальпийской зелени, как во сне, неземным трепетом крыльев пишет божественный рассказ нежно-голубая птица. А может, этот осколок яркого осеннего неба вовсе не птица, а душа древнего героя, вернувшаяся на мгновение в этот мир и с отеческой заботой внимающая всем нашим большим и маленьким горестям и радостям?

Все может быть. Но почему-то хочется верить, что этот живой символ доблести и благородства поможет пережить трудные, беспокойные времена.

Дай-то бог!

Ударный день

Июнь. Здесь, на притоках реки Колымы, он всегда начинается бурно. Потоки талых вод, дожди с мокрым снегом почти половину месяца держат в напряжении всю местную живность. Морозящий вечером дождь вдруг утром, ясным и безветренным, превращается в снежные шапки на гольцах, которые накануне, казалось бы, уже высвободились от тяжелых снегов. А в долины рек и ручьев вновь врывается холодный, пронизывающий стужей Ледовитого океана воздух, словно предупреждая только что ожившую местную природу о близости зимы, о том, что она еще может предьявить свои права, пронестись снежными вихрями, заметелить по верушкам позеленевших лиственниц и тополей.

Но весеннее солнце, всемогущее, неподвластное капризам погоды, в июньские дни почти не уходит с небосклона. Лишь на несколько часов окрестности окунаются в сумерки, поэтому не успевший слежаться в плотный наст на обдуваемых всеми ветрами скалистых горах снег стремительно и неудержимо исчезает. Только враз помутневшие, несущие бревна и деревья с корнями и распутившейся листвой речные воды свидетельствуют о недавно случившемся.

В одни из таких примечательных дней, когда утренняя прохлада сменяется полуденным теплом, а тысячи запахов, коими наполнен в утренние часы лесной воздух, начинают заглушаться испарениями от влажной и хлюпающей под сапогами почвы, мне довелось прокладывать маршрут.

В устье ручья со странным названием Чалый мы высадились на берег. Перенесли в удобное место снаряжение и продукты. Вытащили резиновые надувные лодки. Сразу же

на прибрежном песке обнаружили следы двух бурых медведей. Один из них, судя по отпечаткам лап, очень большой, изгонял из этих мест более слабого, меньших размеров зверя. Следы были совсем свежие, поэтому мне пришлось на всякий случай зарядить несколько патронов тяжелыми убойными пулями. Использовать их вряд ли придется, но мало ли какую шутку может выкинуть этот могучий и неукротимый в гневе зверь.

После нескольких часов пребывания в грохочущей полыми водами реке речь звучала несколько громче, чем это необходимо в тайге, и моментально возникло такое чувство, что кроме нас кто-то еще присутствует в ближайших зарослях тальника и тополей. Через пару сотен метров выяснилась причина беспокойства. В огромную, похожую на рыцарский шлем гору поднимались четыре медведя. Это были молодая медведица и три ее годовалых отпрыска. Причем двое из детенышей светло-бурые, а третий совсем черный. Через бинокль хорошо было видно, как медведи то расходятся веером, поедая под редкими куртинами кедрового стланика прошлогодние ягоды брусники и шишки, то вновь выстраиваются цепочкой, поспевая за деловито шагающей мамашей.

Отставший, не дожидаясь какого-либо сигнала, быстро догоняет всю группу, а забежавший вперед медвежонок то и дело оглядывается на мамашу, ориентируясь на направление ее движения. И все это проделывалось быстро, сноровисто, без лишней суеты и возни. По всему было видно, что медвежья семья давно уже, с момента выхода из берлоги, живет бродячей жизнью, преодолевает большие расстояния, изучает и осваивает множество самых разнообразных мест. Ясно, что медвежата получают в таких походах все необходимые им в будущей жизни навыки и знания. И совсем при этом неважно, что заставляет их пе-

ремещаться из одних урочищ в другие – деятельность людей или соседство с более сильными и опасными сородичами. Через десять минут четверка медведей скрылась за вершиной горы.

Над кронами лиственниц и чозений с удивительной для июня частотой мелькают силуэты больших и средних крохалей. Окраска этих птиц настолько схожа, что различить в полете их можно только по размерам и цвету перепончатых лапок. Самцы и тех, и других очень эффектны в своем весеннем брачном наряде. У них совершенно белые перья на брюшке, грудке и шейке, головка иссиня-черная с фиолетово-зеленым отливом и длинным, имеющим многочисленные зубчики клювом. Перья на крыльях сверху серые с белым. Лапки либо ярко-красные, как у больших крохалей, либо более умеренных, тускло-оранжевых тонов у средних крохалей.

Довольно часто на пути попадаются парочки каменух. Эти миниатюрные утки никогда не спешат улететь от приближающегося человека. Сначала они присматриваются к двуногому существу, затем прячутся за корягами и валунами, расстилаясь по поверхности воды так, что только бывают видны дымчато-серая с коричневым спинка да часть головки с характерным светлым и расплывчатым пятном на щеках. При необходимости птицы могут нырнуть в толщу воды и проплыть в ней довольно большое расстояние. А вообще-то это очень доверчивая птица, добывать ее неписаная охотничья этика позволяет только в моменты крайней нужды. Отстреливать столь кроткое создание опытный, уважающий себя охотник никогда не станет.

На одной из многочисленных поросших густым ивняком проточек вдруг прямо передо мной появился здоровенный лось. Огромное туловище, покрытое коричневой, линяющей шерстью, медленно продвигалось в низкорос-

лых зарослях кустарниковых ив и березок. Присев на корточки, вынимаю из футляра бинокль и почти в упор, метров с пятидесяти принимаюсь наблюдать за лосиной трапезой. У этого зверя нет резцов в верхней челюсти, поэтому мне очень интересно, как же он скусывает довольно толстые побеги и ветви ив, чозений и тополей?

Наконец над ивами появляется полинявшая и потому кажущаяся совершенно лысой морда сохатого. Посмотрел невидящим взглядом на меня и снова окунул голову с уже порядочно отросшими, расходящимися в разные стороны широкими лопатами молодыми рогами-пантами. Я нахожусь на абсолютно открытом месте. Галька возле меня размером с кулак и меньше. Но таковы уж особенности видения у лесных обитателей – замечать в первую очередь движение, даже мельчайшее, а затем уже обращать внимание на внешние контуры предметов. Бывает частенько, что к неподвижному стоящему человеку зверь подходит вплотную.

Но все же, чрезвычайно интересно, каковы пределы невнимательности у этого лося? Я издаю резкий и короткий свист. Животное подняло голову, посмотрело куда-то мимо меня и снова голову в кусты. Свищу еще, теперь уже несколько раз подряд. Никакой реакции вообще! Только уши-локаторы движутся без всякой логической связи с происходящим. Но когда я поднимаюсь с корточек и направляюсь к нему, одновременно издавая переливчатый разбойничий свист, лось моментально срывается с места и в считанные секунды исчезает в приречном лиственничнике.

Здесь очень много трудно и долго зарастающих древесной растительностью речных островков. На одном из них, среди безжалостно обкусанных со всех сторон, как у подстригаемых ежегодно акаций и других декоративных растений в ухоженных поселках и городах, молодых чозений попадаются на глаза огромные лосиные рога. Слегка

погрызенные мелкими грызунами, они все еще великолепны. Взваливаю их, предварительно связав, на плечо и двигаюсь в обратный путь. До устья ручья мне топтать еще пятнадцать километров, но рога сохатого отличный материал для резьбы по кости. А парные, симметричные и раскидистые, могут стать украшением в интерьере любой, даже самой шикарной квартиры.

Начинает медленно смеркаться. Откуда-то налетело полчище комаров. Крупные и наглые кровопийцы пикируют на все открытые места тела, лезут в уши, нос, отчаянно пищат, запутавшись в волосах или забравшись в кровожадном порыве под полы и за отвороты охотничьей куртки. Мазь, смываемая потом и обдуваемая ветерком, очень скоро перестает отпугивать их. Поэтому решаю пройти несколько километров по ближайшим сопкам, навстречу освежающему прохладой ветру.

По протоптанной различными животными тропиночке поднимаюсь на гребень невысокого, но длинного и почти голого, если не считать редких куртин кедрового стланика, холма. То, что открылось с его высоты моему взору, заставило тут же сбросить наземь свою довольно нелегкую ношу. С возвышения, на котором я стою, только что спустились в долину и идут через поросшую ерником и ивняком болотину дикие северные олени – буюны.

Развернувшись веером, они направлялись к уже потемневшему, возвышающемуся на светлом фоне вечернего заката темнo-зеленой громадой, острову леса. Их было всего пять – довольно частое для лесного подвида северного оленя количество особей в стаде. Четыре оленя имели отросшие в полную длину ветвистые и огромные, покрытые мохнатой кожицей рога. Пятым был совсем еще юный, годовалый олешек, поэтому на его голове торчали лишь слегка выпирающие пеньки. Он старался держаться подальше от

основной группы, но один из взрослых то и дело опекал его. Это была, видимо, мамаша, потерявшая этой весной новорожденного олененка и всю свою нерастраченную любовь направившая на прошлогоднего детеныша.

Все это происходило в сотне шагов от меня, так что слышны были хлюпающие звуки от их поступи и шелест раздвигаемых ими веток ерника. Последний из них исчез в тени деревьев, когда из зарослей чозений в том же лесном островке, но с другой стороны выбежала лосиха. Совсем юная и оттого неопытная и очень пугливая, она, конечно же, не разобралась, что за звери бродят в зарослях рядом с ней. Поэтому, часто останавливаясь и оборачиваясь назад, шевеля при этом как локаторами большими и подвижными ушами, она направилась в соседний лесочек, где еще долго будет стоять и тщательно прислушиваться к всевозможным шорохам, втягивать через мясистые ноздри насыщенный запахами вечерний воздух.

Медведи, лоси, северные олени и множество пернатых обитателей тайги, увиденные за один июньский день. Не много ли? Почему у этой обмелевшей, с почти полностью выгоревшим лесом речки стало возможно увидеть столько зверей? Причина проста. Эти места редко посещают люди, лишь в короткие зимние дни два-три раза за весь холодный сезон года врываются сюда на быстроходных снегоходах промысловые охотники. А летом малорыбная речка не привлекает даже заядлых бродяг. Поэтому местная живность имеет возможность жить по своим особенным законам, которые, к сожалению, еще очень часто человек попросту не берет в расчет.

Весна в горах

Пронзительной голубизны небо разверзлось над нами сразу, как мы оказались снаружи своего временного жилища. Ни одного облачка от горизонта до горизонта. Только раскаленный добела диск небесного светила вздымался на северо-востоке, щедро, может быть, даже расточительно поливая животворящей энергией наземное пространство.

Глубокие, поначалу с резкими контурами тени от увенчанных ажурными кронами деревьев и облаченных в аппликации лишайников и мхов скал, по мере того как набирал силу день, становились короче и незаметнее. Очертания предметов постепенно сглаживались, приобретали более мягкие оттенки. Вся местная растительность, словно пробуждаясь от короткого предутреннего сна после бурной, страстной ночи, безропотно и с видимой охотой окуналась в истому нового весеннего дня.

После нескольких суток обложного дождя все только что оттаявшие тропы, лесные дороги и зимники очень быстро превратились в почти сплошное болото, а молодая листва деревьев и кустарников всюду отсвечивала алмазными переливами задержавшейся на ней влаги.

Пройти в этот момент через даже небольшой лес означает в один миг промочить насквозь всю одежду и снаряжение, что часто приходится терпеть.

Следующее утро было настоящей наградой за проявленное нами упорство. Прекрасно начавшийся день, как нам казалось, был совсем не единственной причиной приподнятого настроения. Несмотря на многие неблагоприятные поначалу обстоятельства, мы все же решились на этот

поход. И вот теперь у намеченной цели нас распирало от гордости. Ощущение немалой собственной значимости всякий раз возникает тогда, когда мы честно следуем однажды данному слову и выполняем взятые на себя обязательства. Это естественное свойство душевно здорового человека.

Во время трудного перехода мы мало обращали внимания на то, что нам попадалось на слякотном пути. Но зато теперь получили отличную возможность приглядеться ко всему, что было вокруг нас, по-настоящему вдохнуть аромат местности и насладиться тем, что обещала открыть нам на этот раз природа.

Весна в колымских горах довольно сильно запаздывает: на неделю, а то и больше. Но вот начинают появляться ее признаки в субальпийском и альпийском поясах гор. Может быть, именно поэтому здесь вся растительность буйно цветет. Яркий, многоликий первоцвет горных трав и кустарников попросту ошеломляет. Растительный мир так спешит изумить нас своей удивительной, но быстро увядающей красотой, что создается впечатление одновременного цветения всего, что цвести способно.

В первую очередь бросается в глаза многочисленный в субальпике рододендрон золотистый. Его ярко-желтые цветы сопровождают нас повсюду. Не менее часто встречается здесь белый багульник. Лишь альпийские тундролуговые сообщества как-то обходятся без его назойливого присутствия. Далее мы находим цветущий кипрей, курильский чай, морошку, княженику, карагану, астрагалы, грушанку, камнеломки и множество других растений.

Горы отличаются большим разнообразием условий произрастания растений, поэтому неудивительно, что мы попадаем то в тепло-розовое море маргариток, то в дриадовый скромно-одинокий белоцвет.

На фоне огромного разнообразия одновременно распустившихся знакомых и незнакомых цветов, имеющих к тому же самые различные, сочные оттенки цвета, довольно сиротливо выглядят мелкие, невзрачные соцветия шикши и брусники. Но их триумф еще впереди. Когда появятся завязи и вместо малозаметных цветочков на их стебельках нальются драгоценной спелостью плоды, они превратятся в самое необходимое лакомство для абсолютного большинства обитающих здесь животных.

Нам удалось наблюдать и некоторых представителей птичьего мира. Нас, конечно же, интересовали не кукши и кедровки, всюду подглядывавшие за нами и то и дело предупреждавшие всех вокруг о наших передвижениях. В первую очередь мы желали узреть грандов пернатого царства. Всех тех птиц, которые находятся на вершине пирамиды многообразия трофоценотических связей, тех, кто в меру своих возможностей контролирует жизнь представителей нижестоящих ступеней пищевой цепи.

Конечно же, ими оказались пернатые хищники. Сначала мне представился один из самых маленьких соколов – пустельга. Он взмахивал крыльями в трех метрах от земли, отслеживая свою очередную жертву – очень распространенную на альпийских лугах и в горных тундрах серебристую горную полевку.

Затем высоко в небе проплыл самый крупный на северо-востоке Азии пернатый охотник – орлан-белохвост. Тот целеустремленно продвигался куда-то на север. Его собратья давно уже заняли гнездовые участки, теперь, может статься, опоздавший немало потрудится, прежде чем подыщет другое, подходящее для этих целей место.

Как-то я с интересом разглядывал в восходящих потоках воздуха двух мохноногих канюков-зимняков. Те, очевидно, высматривали, кроме полевок, еще горных куропа-

ток и длиннохвостых азиатских сусликов, немногочисленные колонии которых все еще встречаются на горных плато в отличие от черношапочного сурка – от него большей частью остались лишь пустые, зарастающие и все более обваливающиеся норы.

Совершенно случайно, поправляя наводку бинокля, я ухватил боковым зрением слева от себя какое-то движение. Повернув голову, моментально направляю туда бинокль. Холодок пробежал по спине. В сотне шагов от меня на краю скального обрыва стоял готовый распушить свои могучие крылья таежный беркут. Орел уже несколько мгновений внимательнейшим образом наблюдал за мной, контролируя каждое мое движение. В отличие от безмятежно плывущих в пределах ружейного выстрела зимняков, похожих на него оперением и внешним обликом, таежный орел отличается более высоким уровнем развития психики.

Давно известно, что способности животных обусловлены их образом жизни, поэтому, конечно, есть существенные различия в поведении. Канюк ловит полевок и сусликов, реже куропаток и молодых зайцев, а другой вдобавок к ним в свое меню включает зайцев, лисиц, а также может прикончить молодого барана или не окрепшего еще олененка. Правда, этому грозному птичьему небожителю иногда приходится заниматься совершенно определенного рода деятельностью...

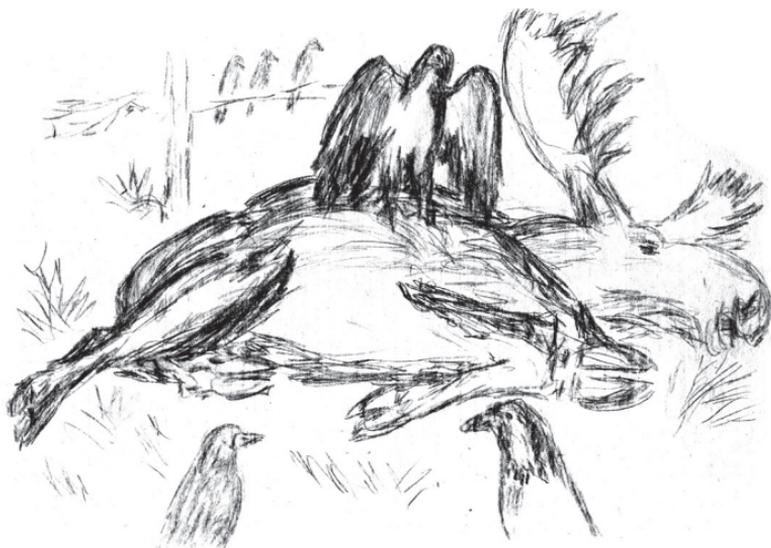
Однажды, в разгар северной осени, когда после сильных ночных заморозков первый прозрачный ледок сковывает тихие старицы и звонкоголосые ручейки, мне удалось добыть великолепного рогача, красавца северного оленя-бюна. Большую часть прекрасной по вкусовым качествам дичины я погрузил для отмочки в довольно глубокий, с кристально чистой проточной водой ручей. Каково же было мое удивление, когда, вернувшись из очередного

маршрута, я застал на месте тайника молодого таежного беркута. Орел молча и с величайшим достоинством пиршествовал на приличном куске оленины.

Это был уже третий кусок лучшей, филейной части туши оленя. Два других птица, надо думать, перенесла в более надежное с ее точки зрения место. Как хищник умудрился извлечь тяжелые куски оленины из-под более чем полуметровой толщи воды? До сих пор не могу понять.

Я с неохотой сдержал естественный в подобных случаях порыв эмоций и не резанул клювоносого нахлебника мелкой картечью в угон, на взлете. Сбить одним, двумя выстрелами зарвавшегося «краснокнижника» было для меня совершенно пустячным делом. Но я, к счастью, не стал этого делать.

В другом случае пернатому аристократу повезло меньше. В лютые колымские морозы на охотничьем участке

пенсионера Антонова другой беркут повадился снимать попавших в силки зайцев-беляков. В густом пойменном лесу трудно маневрировать крыльями, размах которых под два метра. Но и тут смышленный охотник без труда нашел выход. Он попросту приземлялся на опушке леса и заходил в густые заросли пешком. По набитым заячьим тропам хищник добирался до еще живых и, очевидно, в ужасе обмиравших длинноухих обитателей леса и профессионально разделялся с ними. Промышлявшему здесь пенсионеру доставались куски шерсти и шкурки с лапками.

Но однажды случилось так, что по пути к очередной «добыче» незадачливый пернатый воришка сам попал в заячью ловушку. Сколько ни бился оплошавший добытчик, освободиться от петли, сделанной из никель-хромовой проволоки, не сумел. На следующий день старый промысловик наткнулся на уже заочневшее тело беркута...

Вот и сейчас беркут повел себя в высшей степени рационально. Он абсолютно сознательно совершает «противозенитный» вираж, то есть камнем срывается под скалу и появляется вновь в поле моего зрения уже в отдалении, в нескольких сотнях метров от меня. Орел летит на бреющем полете и так сливается с общим зеленовато-коричневым тоном тайги, что различить его можно только в полевой бинокль.

В отношении развития интеллектуальных способностей птиц примечательно то, что в процессе эволюции всех крылатых – от рептилий до птиц – развитие мозга достигало наивысших своих пределов в моменты, когда вымершие летающие ящеры, вес которых, кстати, не превышал двадцати килограммов, и нынешние птицы полностью освоили воздушную среду. Все промежуточные формы – археоптерикс и его современники, являвшиеся, видимо, не более чем пробными вариантами, которыми независимо

от множества сделанных ими полезных эволюционных приобретений природа безжалостно жертвует, – имели на много менее развитой мозг, чем даже у предшествовавших им птеродактилей. Нечто напоминающее только что описанное наблюдается у современных морских млекопитающих, еще на заре кайнозоя освоивших экстремальную для себя водную среду. У них выше абсолютные размеры головного мозга, у дельфина-афалины, например, объем мозга составляет 1 800 куб. см, в то время как любое другое наземное животное с такой же массой тела не отличается подобным объемом. У кита-финвала поверхность мозга, заключенная в извилины, составляет 88%, в то время как у человека всего 64–67%. Очевидно, необходимость осваивать новую среду, с менее доступными ресурсами, но более тяжелыми условиями жизни неизбежно вызывает качественные изменения в главном органе животного – головном мозге.

К завершению весеннего богатого всевозможными впечатлениями дня я вдруг вышел на основательно изрытую каким-то зверем альпийскую лужайку. Приглядевшись как следует, замечаю, что это работа мохнатого хозяина тайги – бурого медведя. Огромными пластами тот содрал весьма слабую на такой высоте дерновину. На площади, примерно равной гектару, зверь добывал себе пропитание. Его привлекали сюда невероятно сочные и питательные корневища альпийского астрагала. Нежно-розовые соцветия этого близкого родственника хорошо известного всем лугового клевера довольно часто встречаются в колымских горах.

Усталое солнце багровым шаром нависло над самым горизонтом. Его красные лучи все еще тянутся к земле, но уже как-то вскользь, как бы невзначай. На моих глазах из темной синевы межгорных впадин к вершинам по зале-

сенным, испещренным оврагами склонам мягко ступают вечерние сумерки. Длинные, извилистые тени от высоких скал заботливо прячут все еще рождающие в себе струи талых вод, оставшиеся с зимы толщи слежавшегося в плотную, как лед, массу снега.

Всего на несколько часов опустилась на эту прекрасную землю благодатная прохлада. Кажется, будто после страстно-жаркого дня вся местная природа обрела иной, не менее значимый ритм жизни, скрытый тайной сумерек, но от этого не менее напряженный и ответственный.

В такие минуты начинаешь замечать в себе пробуждение других, совершенно необычных чувств, что приближают неуловимый, ослепительный миг абсолютной, божественной свободы.

Встречи

Вот уже месяц, как знойное летнее солнце начало сокращать время своего пребывания на сизо-голубом небосклоне. С двадцать первого июня день, как известно, идет на убыль. Ночи становятся, пусть поначалу совсем незаметно, все темнее и продолжительнее. Соответственно этому холод теперь начинает доминировать не только у костра, но и в охотничьих избушках, где печку иногда приходится протапливать.

Сегодня донельзя мутная от работы многочисленных промприборов река принесла наши резиновые надувные лодки к устью весело журчащего кристально чистого ручья. В нем тоже иногда работают, но теперь уже лопатой и промывочным лотком разного рода старатели. Мы нашли здесь несколько прямоугольных лотков. Весь песок этого ручья насыщен крупными и мелкими кристаллами пирита – предшественника золотого песка и самородков. Но мы металлами подобного рода не занимаемся.

Час назад к нашему зимовью подходил истинный хозяин всех местных урочищ – огромный, весом в триста-триста пятьдесят килограммов черно-бурый медведь.

Поначалу громко и тревожно заголосили северные пищухи в полутораэта метрах от нас. Сему факту никто из нас не придал значения: мало ли от чего могут всполошиться сторожкие грызуны. Но когда моя лайка с очень распространенным в Сибири именем Тайга, собственно, еще не собака, а шестимесячный щенок, вдруг оцетинилась поднявшейся на холке мокрой от обильных дождей шерстью, мы дружно ввалились в избушку и начали засовывать тря-

сущиеся руки то в один, то в другой рюкзак, пытаюсь нашарить в них патронташ с мощными пулевыми патронами.

Когда же наконец все, что нужно, было найдено и куда следует вставлено, виновник происшедшего, вихля огромным круглым задом, скрылся за частоколом дальних лиственниц. Наша собачка, молодая, но невероятно смышленная, редкой на северо-востоке Сибири породы охотничья лайка, спокойно улеглась на мох и наострила свои острые уши в ту сторону, где исчез косолапый гигант.

Завидное хладнокровие – ни одного взлаивания она не произвела, а только едва слышно рычала да прыгала из стороны в сторону, то есть только то, что необходимо было нам, чтобы определить, с какой стороны идет зверь. Что и говорить, селекция, проведенная многими поколениями охотников, не пропала даром – сейчас мы имеем несколько в чем-то похожих друг на друга пород охотничьих лаек. Только что описанный случай показывает, насколько полезными они бывают в лесу, разумеется, если хорошо воспитаны. А вообще встречи с медведем всегда бывают чем-то примечательны.

Несколько лет назад к хозяину полуземлянки, что на пятьдесят втором километре Омсукчанской трассы, ныне покойному деду Николаю забрели в середине лета три матерых медведя. Эта была их свадьба. Светло-бурая медведица и два огромных черно-бурых монстра отменной упитанности. Один из них, явно не самый разумный, проявил желание запрыгнуть на крышу ветхого строения.

А полуземлянка очень стара. Ее соорудили вначале шестидесятых изыскатели, и до сих пор она служит рыбакам и всевозможным бродягам. Ясно, что выдержать три центнера не в состоянии. Поэтому, чтобы не допустить разрушения жилища, а заодно спасти собственную жизнь, дед Акшенин в несколько секунд расстрелял всю троицу. Разу-

меется, в его руках был боевой карабин, за который он, говорят, и отсидел срок. Из добытых зверей дед наделал три большие бочки медвежьей солонины, а потроха запрятал в ямы. На последних он всю зиму ловил капканами горностаев.

Во время этого рейда по отдаленным уголкам колымской тайги у нас были три встречи с бурыми медведями. Июль в северной тайге самый ответственный месяц. Крохали, чирки, каменушки и множество других перелетных птиц воспитывают своих птенцов-пуховичков. Не все из них доживают до времени отлета в теплые края.

Мне доводилось встречать несколько немногочисленных выводков крохалей и чирков, а многие каменушки были вообще без птенцов. Возможно, на их потомстве сказались частые в это лето паводки на реках. Их кладки попросту погибли. Зато рябчикам полегче. Чуть подросшие птенцы рябчиков и белых куропаток уже свободно перепархивают от кустика к кустику, от веточки к веточке, а догнать их какому бы то ни было хищнику непросто. Число птенцов в выводке бывает различным. Видимо, это зависит как от погоды в сезоне, так и от наличия хищников, от болезней и, конечно же, от вида пернатого. По шесть-восемь пуховиков я наблюдал у больших и средних крохалей, по четыре-пять у чирков-свистунов, до семи у чирков-трескунов и до двенадцати у рябчиков и куропаток.

Однажды на обширной торфянистой болотине я вышел на спрятавшийся в редкостойном листвяке термокарстовый провал, заполненный, как всегда это бывает в таких местах, темно-бурой, светонепроницаемой водой. По озерку плавало несколько уток. Самка чирка-трескуна с шестью пуховичками и два самца в брачном наряде. Один из самцов держался в отдалении и вел себя очень странно. Он беспокоился, делал короткие перелеты и все время был

настороже. Поведение его стало понятным, когда я увидел на ближайшей лиственнице восседающего на ветвях небольшого сокола – пустельгу. Тот, похоже, давно уже выжидал подходящий момент, чтобы напасть на выводок, но что-то у него не получалось. Может, потому не мог он завладеть добычей, что один из самцов чирков-трескунов сознательно взвалил на себя роль сторожа. Возможно, пуховички были вовсе не его потомством. У меня сложилось впечатление, что этот самец в случае критической ситуации готов ради них пожертвовать собой.

Июль – это еще и буйство растительного мира. Встает сплошной стеной в приречных угодьях лесное разнотравье. На старых горельниках сплошным сиреневым ковром заполняет пространство распутивший цветочки кипрей длиннолистный, а по суходолам смотрят в мир удивленными желто-синими глазками ромашки. А еще выше, на гольцах переглядывается с солнышком невзрачный на первый взгляд, а присмотришься – глаз не оторвешь, эдельвейс сибирский. Десятки других растений уже отцветают, а на их веточках и стебельках появляются первые плоды. Голубика, жимолость, смородина и малина в июле начинают наливаться дымчато-синим, ярко-красным, а то бордовым цветом спелости.

А запахи... Это мир ассоциаций, множества образов, настоящее чувственное раздолье. Приходится ли пробираться по пойменному лесу, где все еще доминирует тополинный «дух», хотя уже полетели с тополей пуховые клубочки. А как ступишь на террасы, где нередко властвует стелющаяся над почвой береза Миддендорфа, сразу же прорывается терпкий запах березовых листьев. Кто любит париться свежими березовыми вениками, тот хорошо знает его и любит.

Ну а кто отваживается бродить по верховым болотам и

тундре, тот сразу обратит внимание на то, что главенствует здесь багульник болотный. Он тоже в это время цветет мелкими беленькими цветочками, собранными в одно сложное соцветие – розеточку. Соки его содержат ядовитые вещества, но в небольшом количестве они действуют возбуждающе, можно даже верхушечные листочки заваривать как чай. И запах его так же хорош в меру, иначе закружится или заболит голова.

По-иному и не получится, так как июль – это еще и настоящий террор кровососущих насекомых. Поэтому вдыхать воздух приходится осторожно, чтобы не втянуть в трахеи мошку или комарика, от которых воздух то гудит, то звенит, в зависимости от того, кого из кровососов в этой местности больше. Можно носить накомарники, но они значительно сокращают поле зрения, да и вряд ли доставит удовольствие кому-либо смотреть на мир сквозь облепленную комарами и слепнями сетку.

Очень часто в колымских лесах и в подгольцовом поясе гор встречаются рододендрон золотистый и рододендрон амурский. Последний почему-то на огромнейших сибирских пространствах называют багульником, даже в песне есть слова: «где-то багульник на сопках цветет».

В одной, сжатой крутыми горными склонами долине ручья я столкнулся с молодым медведем, за которым слежу уже третий год. Он стоял на задних лапах и держался передними за одинокую лиственницу. Мы увидели друг друга одновременно, благо расстояние между нами составляло всего несколько десятков метров. В ту же секунду зверь оттолкнулся от дерева и огромными скачками понесся вверх по склону сопки.

Было чрезвычайно интересно, где же он выдохнется, ведь сопочка такая, что физически развитому человеку подниматься на нее нужно минут сорок, а с передышками

и час. К величайшему моему удивлению, медведь бежал, как английская скаковая лошадь, не убавляя скорости на всем пути от подножия к вершине, и через полторы минуты мелькнул кривыми лапами у чернеющего на фоне красного вечернего заката остроконечного гранитного останца. Что же он делал тут? Оставил метку на сигнальном дереве. Своеобразное любовное послание, а может быть, и наоборот – угроза незванным гостям. И того и другого на медвежьих тропах бывает в достатке.

Любой проходящий медведь, особенно медведица, у этого дерева получает необходимую для себя информацию о хозяине тропы. И если возгорится желанием, оставляет свою метку. Но этому медведю не повезло, занятая им речушка находится в стороне от свадебных шествий, одно из которых мне довелось наблюдать в нескольких десятках километров от этого места.

Произошло это в чрезвычайно редко посещаемом людьми местечке. Солнце уже висело над вершиной конусовидной сопки, словно раздумывая, в какую сторону скатиться, когда вдруг на речную гальку длинной, в полукилометр косы вынырнули два медведя, следом еще один. Два огромных, бурого окраса самца торопились за соломенно-желтой, невзрачной и маленькой по сравнению с гигантами-медведями самочкой. В стороне затрещал ветвями и валежником еще один зверь, весь всклокоченный и какой-то облезлый. То ли линька была у него в разгаре, то ли попросту получил основательную трепку от своих более сильных соперников.

Вся четверка по проточке с бегущей тоненьким ручейком застоялой водой уходила в заросли тальников. Как ни велико было мое желание произвести ценные научные наблюдения, но жить хотелось больше. Двуствольный оленебой шестнадцатого калибра – недостаточно надежная за-

щита от грозной и столь превосходящей силы. Обнаружит какой-нибудь из озлобленных гигантов подсматривающего – и все...

Только что подошел мой общественный инспектор Анатолий, у него в руках единственная в это время года наша кормилица – телескопическая удочка с безынерционной катушкой, а также десяток хариусов в мешочке. Продукты на исходе, поэтому хариусы нам всегда кстати. А рыба в этих местах отменная, некоторые сереброспинные хариусы с желтыми, как будто позолоченными брюшками тянут на пятьсот-восемьсот граммов.

Жизнь учит быть разборчивее в выборе общественников. Толик, например, вырос на Колыме, срочную служил в дивизионной разведке. На такого крепыша можно положиться. В инспекционных рейдах приходится иметь дело не только с четвероногими хищниками, гораздо опаснее их двуногие собратья. Поэтому инспектору необходимо обладать множеством навыков и специальных знаний – от владения азами рукопашного боя до самых обыкновенных – физической и моральной выносливости, физической силы и, конечно, умения видеть красоту родной природы, радоваться и наслаждаться ею.

Не так уж и мало.

Кольмиская Весна

Вы видели, как распускаются лиственницы? Наверняка ответите утвердительно. Мне же хочется рассказать о том, как увидел я сие таинство на одной затерявшейся в бескрайних таежных просторах Севера речушке.

Позавчера, то есть двадцать девятого мая, мы пришли в устье речки Малая Купка на резиновых надувных лодках. Приплыли вовремя, так как после многих дней холодной, с частыми заморозками и обильными снегопадами погоды вдруг стало жарко, а к пятнадцати часам дня даже совсем по-летнему душно.

От такого решительного наступления теплой погоды в окрестных гольцах начал стремительно таять снег. Поднялся уровень воды во всех ручьях и речках. Их русла быстро, как по команде, наполнились мутной, несущей всевозможный плавучий мусор и ревущей на частых перекатах талой водой. Наконец, в какой-то неуловимый момент серые волны перехлестнули низкие травянистые берега, и вода безудержно устремилась в припойменные луга. В короткий срок образовались огромные зеркальные глади заливных озер, из которых то тут, то там высовываются полугнилые пни, остовы обгорелых листвяков и высокие кочки с торчащей на них во все стороны прошлогодней травой и прутьями мелких, готовых вот-вот распухнуть набухшие почки кустарников.

Вся четвероногая и пернатая живность большей частью загодя перебралась из приречных пойменных угодий на возвышенные места. Для многих представителей местной фауны наступившие дни половодья – наиболее сложное

время за весь календарный год.

Вчера мне с немалыми трудностями удалось продвигнуться на десяток километров вверх по Малой Купке. И вот что на некоторых затопляющихся на моих глазах участках суши мне удалось заметить и занести на страницы полевого дневника.

Конечно же, это были следы жизнедеятельности различных животных. В первую очередь я обратил внимание на отпечатки копыт нескольких лосей. Это были самки и молодняк, уже ищущие укромные места для того, чтобы произвести на свет очередное потомство.

Небольшая группа диких северных оленей-буюнов то спускалась с сопок в заросли чозении, то снова уходила в спасительные гольцы. Очевидно, густого частокола пойменных лесов им в это время года приходится по возможности избегать, так как молодые, еще растущие рога-панты могут легко повредиться, а рога для буюнов не только украшение, но и оружие в боях за гарем самок.

Примерно месяц назад прошла в верховья речки пара матерых волков. Я давно пытаюсь отследить все этапы их жизни в этих местах, что бывает чрезвычайно сложно сделать. Волки – очень умные и осторожные животные, к тому же немалые неудобства для исследователей доставляет обстоятельство, что по образу жизни эти хищники – бродячие охотники. Их охотничий участок может быть настолько большим, что изучать его, как, например, участки соболя или выдры, просто невозможно. Для этого нужны будут вертолет, мотонарты, радиопеленгаторы и, самое главное, надо постараться волков не беспокоить своим пребыванием. Иначе получится не изучение данной популяции, а обыкновенное преследование. Но все-таки кое-что, невзирая на сложности, в деле изучения местных волков удается.

Наконец, я обнаружил множество следов бурых медведей – небольшой самочки и годовалого медвежонка. Честно говоря, их появление меня несколько озадачило, так как эти довольно высокопродуктивные в отношении медвежьих кормов уголья в позапрошлом и прошлом годах занимали звери намного более высокого «социально-го» ранга. Здесь обитали старая и очень крупная самка и двухлетний ее отпрыск.

Все стало ясно, когда в небольших укромных местах я увидел шалаши, а в них петли из прочных стальных тросиков: широко практикуемые здесь медвежьи ловушки. Этими варварскими, без всякого сомнения, приспособлениями сенокосчики и прочая братия отлавливают как взрослых медведей, так и совсем юных медвежат. И никакого сладу с ними нет. Шкуры этих зверей красуются где-нибудь в квартирах, хозяева которых непременно хвастают тем, как ходили на медведей с рогатиной, а то и с одним только ножом.

Буквально в пятидесяти метрах от избушки отложила свои яйца самочка рябчика. Вероятно, она намеренно выбрала место вблизи тропы, чтобы уберечь кладку от многочисленных хищников. Поначалу при нашем приближении парочка рябчиков вспархивала на ветви в четырех-пяти метрах от земли и сердито топорила хохолки. Но никуда при этом птицы не улетали, даже если мы подходили очень близко. Отчего это? Оттого что инстинкт продолжения рода сильнее страха? Или, может быть, обитая по соседству с часто посещаемой людьми избушкой, они научились доверять им? Во всяком случае, давно известно, что рябчики образуют пары на долгое время, может быть, на всю их короткую жизнь. В стародавние времена эвенки не стреляли весной этих птиц, так как знали такую их особенность.

А еще в эти два дня я отметил на карте гнездо пары бо-

лотных луней, гнездо орланов, первое появление которых в этих местах нами отмечено еще пятого мая. В сотне метров от нас находится гнездо пары воронов. Причем последние ведут себя на удивление благоразумно – никаких поползновений к воровству или разбою, наоборот, скромно и очень тихо занимаются семейными делами.

Тридцатого мая впервые в этих местах закуковали кукушки. Теперь их две. Перелетая с места на место, они подают голоса, видимо, обозначая таким способом сферы своего влияния. Интересно, в чьи гнезда эти птицы откладывают свои яйца в этой местности.

Самым интересным и интригующим моментом в последних походах, пожалуй, было то, что мной было найдено гнездо с уже сидевшей на яйцах самкой ястреба-тетеревятника. В глухом уголке пойменного леса я сначала заметил в кроне лиственницы небольшое гнездо с торчащим из него хвостом какой-то очень светлой, пепельного или светло-серого оттенка оперения птицы. Из любопытства я решил спугнуть таинственную незнакомку с гнезда и рассмотреть ее получше. Для этого я хотел подойти к дереву и ударить палкой по стволу лиственницы, но сделать это не удалось. Птица стремительно сорвалась с насиженного места и скрылась среди крон очередного лесного островка еще до того, как я приблизился к дереву. Очевидно, пернатая хищница наблюдала за мной из-за крон лиственниц, будучи сама невидимой. Тем не менее увидеть пепельного цвета ястреба-стервятника, да еще весьма крупную размерами самку, для меня было настоящей удачей.

Сегодня довелось наблюдать полет двух очень мелких соколов-кобчиков. Это было удивительное зрелище. Щетавшие поблизости пичужки мгновенно затихли и спрятались, хотя благородным хищникам не было до них никакого дела. Наблюдать брачное игрище двух пернатых

аристократов было истинным удовольствием. Стремительные, как полет стрелы, виражи, явственно различаемый звук режущих воздух длинных, скоростных крыльев оставляют незабываемые впечатления. Видимо, только так и не иначе соколам нужно проявлять свои любовные чувства.

Окрестности гудят разноголосьем птиц и зверушек. Кажется, что сам воздух пропитан живительным эфиром. Всюду наблюдается необъяснимое, доступное лишь посвященным напряжение жизни. За последние сутки хвоя лиственниц, позавчера только распутивших почки, уже стала длинной в один сантиметр. Пробивается молодая зелень на освободившихся от снега участках почвы. По всему видно, что начинается новый отсчет времени для всей местной живности. Природа впервые вздохнула полной грудью после долгого зимнего сна.

Горы не прощают

Весна на притоках реки Колымы всегда долгожданная пора. Кажется, уже достаточно солнечного тепла, чтобы исчезнуть с долин белому покрывалу, а с многочисленных горных вершин – тяжелым снежным шапкам. Но те лишь меняют во время закатов свои цвета: с голубого на голубовато-розовый, а то вовсе становятся оранжевыми. Они как будто живые: ждут своего часа, чтобы тихо испариться под лучами нещадного солнца или превратиться в весело журчащие ручейки.

А пока только редкие проталины да провалы снежного наста говорят о том, что где-то там, в толще снега, идет незримая работа. Таково действие неумолимого, часто безжалостного светила. Тяжко в подобное межсезонье одинокому путнику. Земля вполне по-зимнему заснежена, и ночами всамделишные двадцати-тридцатиградусные морозы, а днем всюду наступает лето, и солнце жарит так, что температура подскакивает к плюс десяти градусам.

Груженный снаряжением рюкзак вдавливают жесткие лямки в уставшие от непосильных трудов плечи полевика. Расползающаяся краска от вечно мокрой рубашки въедается в распаренную и не успевшую приобрести защитный загар кожу. Но если рубашку ближе к полудню уже можно снять и набросить для просушки сзади, на станок рюкзака, то с лыжами совсем худо. Они довольно быстро пропитываются влагой, становятся чрезвычайно тяжелыми и почти неуправляемыми. Под тяжестью тела и поклажи они прогибаются коромыслом, скрипят и кряхтят, словно хотят предупредить незадачливого лыжника, что терпение их

может в любой момент лопнуть и они просто-напросто разломаются пополам, а хозяин побредет дальше, утопая по пояс в вязком и невероятно насыщенном влагой снегу.

В такую вот неудобную для охотника пору вышел я однажды на автомобильную трассу из глубинной, очень редко посещаемой человеком тайги. Час с небольшим ожидания – и на дороге с обеих сторон появляются два пыльных столба. Это мои старые друзья, водители специальных машин, спешат по своим маршрутам.

В том месте, где стою, они часто встречаются, выходят полюбоваться окрестностями, размять суставы. Обмениваются всевозможными новостями и байками. Все они, рыбаки и охотники, по несколько десятков лет прожили в районах Колымы и поэтому, наверное, знают все варианты местных рассказов и историй, где уже никому не суждено различить правду и вымысел: так тесно сплетены в них быль и небыль. Если кто-нибудь решится собрать их воедино, то, я уверен, окажет неоценимую услугу потомкам. Чрезвычайно интересно проникнуться духом колымского трассовского фольклора.

А пока я нахожусь среди этих битых жизнью людей и после длительного одиночества молча наслаждаюсь звучащей в таежной тишине речью. Видимо, сложно сразу после многих суток пеших переходов, когда ищешь во всем – в собственном дыхании, движениях рук и ног и наконец в мыслях – какой-то общий, помогающий уловить гармонию окружающего мира ритм, вступить в дорожную беседу. Приходится делать усилие над собой, чтобы оторваться от размышлений и уследить за сюжетом новой истории.

Крепкие мосластые руки этих парней знают каждую колдобину на трудной колымской трассе, похожей на рифленую стиральную доску. Их не заставишь суетиться и мельтешить при виде очередного начальника. Каждое

движение проникнуто внутренним достоинством и смыслом. Видимо, каторжный и малооплачиваемый труд заставляет иногда человека обратиться к самому себе. Как не вспомнить тут одно мудрое изречение, смысл которого заключается в том, что лишения, душевные и физические страдания очищают сознание и душу человека.

Ближе к вечеру одна из машин тормозит у деревянного моста через реку Буюнду. В десяти километрах ниже по течению стоит древняя, полусгнившая землянка, и до сумерек мне необходимо пробраться к ней.

Полтора часа пути по пробитой в снегу автомобильной колее – и два моих резиновых сапога с вынутым нутром устраиваются на завалинке землянки для просушки в солнечных лучах.

Здесь я решил провести праздничные майские дни. Но не рыбалке их посвятить, а одному весьма серьезному для специалиста моего профиля делу. Непосвященный, вникнув в мои намерения, в недоумении пожмет плечами, а для нас такое дело, как тропление ранневесеннего следа бурого медведя, совсем не предмет экзотики, а всегда маленький экзамен на трудоспособность. Через некоторое время я протискиваюсь сквозь тесный дверной проем и выхожу из землянки наружу, осматриваю через линзы бинокля возвышающиеся на юго-западе горные вершины. К вечеру на них становится видно все, что дает хоть какую-то тень. Пока что на поверхности снежников отмечаю только следы небольшого стада диких северных оленей-буюнов. Но я твердо уверен, что скоро должен появиться тот, кого я решил вытропить в эту весну.

Многодневная усталость и тепло от жарко натопленной печки окончательно разморили меня. Вдруг сквозь дрему слышу, как медленно, с глухим поскрипыванием открывается дверь землянки и кто-то, шурша одеждой, протискива-

ется в нее. Я быстро снимаю с гвоздя над нарами свой двустольный оленебой и поджидаю пришельца.

Но тут раздался гнусавый голос:

– А я как чувствовал, что ты в наших краях появился. От самого Магадана везу, совсем немного отпробовал, – и тут же гость достает из бокового карманчика литровую фляжку спирта.

– Мне нельзя, дед. Справишься с ней сам.

– Ты что? Как можно отказываться? Грешно такой праздник не отметить, удачи тебе не будет.

– Ну, ладно, старый черт. Уговорил, – его предупреждение меня больше раздражает, чем пугает.

После выпивки точно не будет удачи, проверено, статистически достоверно. С другой стороны, отвлечься немного необходимо, за зиму в настоящего отшельника превратился. Теперь уже выходим из землянки на воздух и поочередно всматриваемся в потемневшую от косых теней сопку. До нее несколько километров, поэтому приходится довольно долго всматриваться, чтобы различить на ней предметы с оленя величиной и цепочки следов крупных зверей.

Совершенно неожиданно замечаю бредущего по снегу медведя. Чувствую, как затрепетало, забило в предвкушении чего-то необычного сердчишко. Внимательнейшим образом высматриваю крохотную фигурку черно-бурого хозяина окрестных лесов. Да, именно он вышел на очередной обход своих обширных владений. Вот он, упираясь в снег передними лапами, тянет через нос воздух – изучает вечерние запахи. Что и говорить, выбрал удачное время для прогулки. С лесистой долины реки прямо на него с вечерним потоком воздуха несутся тысячи запахов. Мало есть на свете зверей, которые могли бы так в них разбираться, как бурый медведь. Поэтому и я не спешу. Пойду

искать его след только тогда, когда ночной морозец схватит ледяной корочкой подтаявший за день снег, а воздушные потоки изменят свое направление и потекут уже с вершин в долину и низовья реки.

– Дед! Погляди, какого зверя я высмотрел. Визируй вон над той сухой лиственницей. Сидит у овражка и философствует. Ну совсем как ты.

– Ну да? Покажи точнее. Не вижу ничего, – дед недоверчиво крутит винт наводки резкости, настраивая окуляры под свои подслеповатые глаза, затем все же произносит: – Может, олень?

– Сам ты олень. Большерогий, из среднего плейстоцена, – перехватываю бинокль и, теперь уже опасаясь, что зверь переместился на значительное расстояние и исчез из поля моего зрения, начинаю всматриваться вдаль, в подсвеченные низким вечерним солнцем горные склоны.

За спиной обиженно хлопнула дверь. Из печной трубы в синее небо полетели сердитые красные искры и сизо-черный дым. «Чего это я так с ним? – зашевелилось совестливое чувство. – Завтра я тоже могу не различить зверя – очки-то защитные раздавил в последнем маршруте, растяпа».

Кто ходил весной в ясный солнечный день по чистому, свежавыпавшему снегу, знает, что зрение значительно ухудшается уже через несколько десятков минут пребывания на освещенной поверхности.

– Во сколько пойдешь? – спрашивает у меня порядочно захмелевший дед.

В руках он держит заведенный будильник и настраивает стрелку звонка.

– В три. С рассветом, – отвечаю я.

Ровно в три часа утра я выхожу из землянки. Забрасываю за плечи солдатский вещмешок с минимумом продук-

тов и инструментов. Встал на лыжи и собрался было уже двинуться к темнеющим впереди громадам горных вершин, когда сзади окликнул меня старик:

– Возьми на всякий случай, – и тянет мне нож, вложенный в допотопные ножны. – Лезвие у него длиннее и покрепче, чем у твоего магазинского складня.

Издавна у большинства охотников и рыбаков фабричные ножи не вызывают доверия. Считается, что изготавливаются они из низколегированных сталей, да и само качество изготовления всегда вызывало много нареканий. Поэтому мало-мальски опытные охотники всегда предпочитали самодельные охотничьи ножи. Без раздумий запикиваю нож за голенище сапога. Мыслями я уже там – на гребне заснеженной горы.

С удовольствием отмечаю на пути к горам свежие наследи трех росомах и одной рыси. Все они направлялись в одну сторону – к одиноко стоящей сопке, с которой снег уже наполовину стаял, а сама она испещрена многочисленными траншеями. На ней всю зиму производили взрывные работы геологоразведчики. В горе оказалось много серебра и золота, и теперь лишь вопрос времени, когда начнется интенсивная промышленная разработка.

Пользуясь временным затишьем, любопытное зверье со всех окрестностей потянулось к грохотавшей всю зиму горной вершине, очевидно, для того, чтобы выяснить обстановку и осмыслить еще одну опасность. Наверное, звери все-таки понимают, что обречены.

Ближе к подножиям гор корка наста, покрывающая снежную толщу, становится все тоньше, а снег все глубже. Все чаще вокруг меня большими кусками обваливается наст. Наконец, у самого подножия горы одна лыжа ломается пополам. Теперь уже невозможно продвигаться, как прежде. Кое-как добираюсь до склона овражка, густо за-

росшего кедровым стлаником. Перебираюсь по его оттаившим веткам, через них попадаю на каменистую россыпь. Последняя выводит меня почти к самому гребню горы.

Наконец тут нахожу вечерние отпечатки медвежьих лап. Тщательно измеряю их, а данные записываю в полевой дневник. Теперь предстоит довольно кропотливая работа. Вытروпить зверя – это не только пройти по его следу, но и еще вникнуть в его намерения, выяснить причины того или иного действия с тем, чтобы всесторонне изучить медвежьи повадки. Неподготовленному такие задачи просто не под силу.

Уже начинает пригревать солнце, поэтому я спешу пройти лавиноопасные участки склонов до того, как на них размякнет от сильного теплового излучения пока еще плотный, фирновый снег. А медведь все еще тянет куда-то, к дальним скалистым отрогам. Последнее меня начинает по-настоящему беспокоить, так как иду без специального альпинистского снаряжения. Поэтому там, где пройдет могучий и ловкий зверь, цепляясь своими крючковатыми и длинными когтями, мне продвинуться вряд ли удастся.

Высокие снежные карнизы медведь использует как настоящую мостовую. Снег на них очень плотный, временами более похожий на лед, чем на любую из стадий снежного превращения. Вот и первое серьезное испытание – невероятно крутой склон у самой вершины горы. На самом верху каменного пика стоит триангуляционный пункт. Две его ножки упираются в южный склон, а две другие в северный. С обеих сторон глубокие, в несколько сот метров, жуткие при взгляде сверху пропасти.

Цепочка медвежьих следов протянулась по самому крутому участку, на нем очень толстый слой снега. По всем прикидкам, этот солидный по количеству заключенных в нем кубометров снежник должен был сойти с шумом и

треском, как все подобные лавины, еще несколько дней назад. Что-то задерживает его у вершины. Подношу к глазам бинокль и вижу причину такой «аномалии» – снежник подпирают в нижней части несколько острых каменных выступов. Весьма слабая подпорка для такой огромной массы снега.

Смышленный медведь не забыл «оставить» после себя смертельно опасную ловушку. Всякий, кто вздумает по неосторожности или недомыслию преследовать его днем или вечером по хорошо протаявшему снежнику, рискует стронуть лавину и навсегда исчезнуть в ней. Поэтому, чтобы сэкономить время и силы, решаюсь одолеть этот участок склона, двигаясь прямо по цепочке звериных следов.

Вот уже середина опасного участка, крутизна склона увеличивается. От спящей белизны снега устают глаза, временами крутяк, и все вокруг сливается в одно кровавое марево. С трудом координирую свои движения, и каждый последующий шаг требует усиленного внимания и большого напряжения. В какой-то миг необъяснимым образом возникает ощущение близкой катастрофы. Но уже поздно. Обманчивый блик помешал мне рассмотреть очередной отпечаток медвежьей лапы. Обутые в сапоги ноги потеряли опору и соскользнули в бездну.

В трех метрах ниже линии следов удается зацепиться воткнутым по рукоять ножом и каким-то непостижимым образом вонзившимися в неподатливый снег пальцами свободной руки. «Все, это фиаско». Растрacены силы, упущено время, выбит в попытке пробить выемку для опоры большой палец на ноге. Вдобавок лед подо мной начал таять, и холодные струйки потекли под фланелевую рубашку. Еще некоторое время, распластавшись на крутом снеговом склоне, переживаю неудачу.

Выбравшись на безопасное место, устраиваюсь поу-

добнее на снежном карнизе и подставляю взмокшую одежду солнечным лучам. От мокрой рубашки идет густой пар. Но мне не до него. О том, чтобы продолжить преследование медведя, не может быть и речи. На точно такую же западню можно нарваться в любом месте и в любое время дня.

Вспомнились высказывания шерпов, которые в Гималаях частенько подрабатывают переноской грузов различных альпинистских экспедиций. Так вот, они утверждают, что к горам необходимо подходить, испытывая чувство благоговения. В этот день я вполне убедился в том, что непочтения к себе горы никогда не прощают.

Медведьсы страсти

Он обратил на себя мое внимание сразу, как появился в бассейне этой реки. По всем статьям хищный пришелец был необычным зверем. Долгое время оставаясь в тени происходящих событий, он все более интриговал меня. Интуиция подсказывала, что именно этот, пришедший из-за ближайшего водораздельного хребта медведь окажется в центре внимания немалого числа людей. Кое у кого его действия вызовут самую настоящую панику.

На обширной водосборной территории этой речушки давно уже расположились сельскохозяйственные угодья местного, довольно приличного, по региональным меркам, совхоза. Как классифицировали грамотеи-сельхозники, направление последний имел животноводческо-полеводческое. Основу его оборотных фондов составляло, по словам главного зоотехника, лучшее в регионе стадо чрезвычайно высокоудойных коров.

Очевидно, испытывая некоторый дефицит летних пастбищ, животноводы вынуждены были выпасать свой весьма многочисленный скот на оборудованных всем необходимым для этих целей старых, зарастающих редким подростом и различной кустарниковой растительностью вырубках. Вдоль речки, на которой расположились выпасы, было немало небольших по площади, но чрезвычайно продуктивных разнотравных лугов. В течение короткого северного лета на них кормилось почти все совхозное стадо.

Густая растительность, изобиловавшая к тому же кустами камчатской жимолости, сибирской рябины и черемухи,

а также многочисленными полянами брусничника, голубичника и шикши, во все времена года привлекала к себе другую, всегда обитавшую здесь еще до появления в этих местах человека, часть животного мира. Наиболее колоритными представителями последнего были, конечно же, бурые медведи.

Каждый летний сезон хищные звери бок о бок с дойными коровами и подрастающими телятами поедали сочные травы на злачных полянках, лакомились зрелыми плодами и ягодами черемухи, рябины и жимолости. При этом какой-нибудь из особо крупных хищников мог запросто соблазниться мясной добавкой к своему ежедневному рациону.

Благо здоровенному зверю – чаще всего стервятниками становились именно достигшие зрелости самцы – не составляло никакого труда свернуть шею какой-нибудь зазевавшейся буренке. В течение нескольких ночей корова съедалась. За первой жертвой обязательно следовали другие. Аппетит, говорят, приходит во время еды.

Конфликт в большинстве случаев можно было разрешить только одним способом – убийством мохнатого хищника. Что и делалось каждый летний сезон очередного года. При этом невинными жертвами, как это ни странно, оказывались частенько и сами бурые медведи.

Коварное существо – человек, и очень корыстное. Все медвежьи уловки и хитрости, конечно же, не идут ни в какое сравнение с тем, на что бывают горазды их двуногие оппоненты. Поначалу было сложно понять, кто первый «ступает на кривые пути, на одном из которых обязательно упадет». Ведь сия заложенная в библейской заповеди мораль незнакома медвежьему населению. В оценке звериных поступков необходимо всегда применять другие критерии.

Я их быстро нашел, и, надо сказать, нередко мои симпатии оказывались на стороне хищников. Механизм превращения нормального, со слабо развитой склонностью к убийству крупных животных зверя в кровожадного стервятника оказался очень простым и, к сожалению, почти безотказным. Редко какой клыкастый гигант появлялся в долине этой изобилующей кормами речки уже законченной убийцей крупного рогатого скота. Чаще всего он становился таковым на месте коровьих пастбищ.

Есть на многих выпасах несколько видов растений, поедать которые травоядным тварям никак нельзя. Многие коровенки каким-то особым чутьем угадывают, несмотря на вкусный аромат, ядовитость этих травушек-муравушек и не прикасаются к ним. Но другие, то ли потому, что бывают очень голодны, то ли просто от природы своей бездарны, с жадностью кушают отраву. Результаты, всегда плачевные, не заставляют себя ждать. Скотину начинает пучить, а сильно раздувшиеся пищеварительные органы, помимо того что сами являются источником токсинов, все больше угнетают работу других систем жизнеобеспечения – сердечно-сосудистой, дыхания. Несчастные животные без посторонней помощи быстро погибают.

Само собой разумеется, что если нерадивые хозяева и спохватываются, то отыскать их сразу удается нечасто. Бывает так, что завалявшийся где-нибудь на спрятавшейся в лесистой чащобе травяной лужайке труп домашнего животного раньше людей находят вездесущие медведи. Последние никогда не брезгают, если это случилось в начале или в разгар лета, такими великолепными для них подарками. Более того, закусив одним «презентом», мохнатые твари начинают искать и требовать следующие, такие же. Ну чем не малые дети? Правда, эти младенцы обладают чудовищной физической силой и невероятной выносливо-

стью. Не родился еще такой человек, который оказался бы способным забороть взрослого и находящегося в физическом здравии медведя.

Не находя более трупов домашних животных, хищники переходят к попыткам добычи последних, которые в большинстве случаев бывают удачными. Кто виноват в подобном развитии событий? Люди или разбудившие с их активной помощью в себе плотоядные инстинкты крупные хищники? Сказать однозначно бывает сложно. Из трех самых крупных медведей, заселивших, после того как истребили их многочисленных предшественников, бассейн этой реки, ни один не проявлял вначале наклонностей стервятника.

Первым не выдержал и поддался на соблазн очень старый зверь, занимавший центральную, самую богатую кормами часть поймы и притоков, стекавших в нее с окрестных сопок. Я видел ту загубленную буренушку, у останков которой ему суждено было погибнуть. Чтобы вывести эту породу крупного рогатого скота с очень высокими показателями удоев молока, потребовались усилия поколений животноводов и ученых. Но произошел банальный случай. Наевшаяся, кроме всего прочего, вегетативных частей местной разновидности чемерицы, бедная животина поспешила домой, но не дошла до изгородей совсем немного. Никто ей не помог почему-то – не знали, как это сделать, или, что вероятнее всего, всем было все равно. Мне же на другой день было очень неприятно выслушивать сказки о якобы нападшем на скотину в ста метрах от фермы огромном медведе, убившем ее. Все повреждения, найденные на ее теле, оказались посмертными, нанесенными обыкновенным плотницким топором. Мохнатый «убивец» в конце концов нашел залежалый труп коровы и принялся его поедать.

Последнее кое-кому из местной совхозной братии было очень на руку. Желчь и шкуры медведей в конце восьмидесятых и начале девяностых годов были весьма ходким товаром, так как пользовались спросом и, вероятно, продолжают иметь спрос в индустриально развитых странах Восточной Азии.

Частенько случалось, что, разделавшись с несколькими медведями, можно было очень скоро обрести пусть и подержанную, но добротную и высокотехнологичную иномарку. То, что при этом приходилось иногда жертвовать весьма дорогими, породистыми буренками, новоявленных дельцов очень мало волновало.

В подобный доходный промысел были вовлечены почти все, кто имел отношение к охоте на медведей и попросту жил и трудился в местах обитания зверей. К тому же была очень распространена добыча бурых медведей различного рода петельными самоловами. Самой распространенной до сих пор является петля-удавка из стальных тросов диаметром в шесть-восемь миллиметров. По способам постановки этого орудия лова, кстати, давно запрещенного законом, можно различать несколько сложившихся в различных регионах страны разновидностей.

Нужно отметить, что именно добыча петельными самоловами привела во многих местах азиатской части России к почти полному истреблению бурого медведя. Петля-удавка не различает, кого она умерщвляет – двухтрехцентнерного стервятника или медвежонка-лончака в пятьдесят килограммов весом. Зачастую поблизости в подобную же удавку попадает и бедняжка мамаша. Нет смысла разьяснять, какой урон, причем совершенно неоправданный, наносится при этом той или иной медвежьей популяции.

Происходит обыкновеннейшее, бездарное, бессмысленное уничтожение интереснейшего и высокоценного с охотничьей точки зрения животного.

Один из трех черно-бурых гигантов был отстрелян довольно быстро. Группа опытных охотников устроила в душную летнюю ночь засаду у уже тронутых медвежьими зубами коровьих останков. Ровно в пять часов утра ничего не подозревающий лесной увалень вывалился из предрассветной тьмы и принялся пожирать зловонную тухлятину. Заснувшие было члены расстрельной команды встрепенулись, увидев огромного зверя, хорошенько изготавились, прицелились и произвели оглушительный залп из пяти разнокалиберных стволов. Несчастный медведь не успел даже испугаться, как тут же на месте своей последней трапезы испустил дух.

Другой, самый молодой, зверь лишь иногда ступал на запретную для него территорию. Соперники у него были очень сильны, что, конечно же, молодым зверем прекрасно осознавалось. Поэтому никакие соблазны не могли его заставить искушать судьбу. Я даже не брал его в расчет, когда вычислял очередного потенциального скотинника. Просто регистрировал следы его жизнедеятельности. Хорошо отработанная мной несколькими годами ранее методика исследований после некоторого периода наблюдений позволяла достаточно полно воссоздавать картины жизни тех или иных особей. Конечно же, и этот зверь не избежал моего пристального внимания.

Зато третий был наделен талантами, и немалыми. Он свободно разгуливал по чужой территории, пожирал не принадлежащую ему ягоду и плоды. Особенно почему-то этот зверь налегал на зрелые плоды черемухи. Я предположил тогда, что ранние его годы прошли в местах, изобиловавших ею, и зверь через всю свою долгую медвежью жизнь

пронес пристрастие к ней. Даже там, где были незаметны отпечатки его здоровенных лап, я безошибочно определял появление именно этого зверя из-за отсутствующей у соседней столь преданной любви к плодам черемухи.

В первое время он ни разу не позволил себе прикоснуться к валяющейся на лесных пастбищах падали. Что-то зверю подсказывало, что присутствие большого количества мяса не случайно и таит в себе опасность. Тем более он не трогал живых коров. Водители совхозных грузовиков доверительно рассказывали мне, что несколько раз в ночное время попадал им этот медведь в лучи света автомобильных фар. Рост мохнатого чудища почему-то единодушно определялся как «выше ураловского бампера».

Я-то очень хорошо знал, что даже очень крупный и упитанный медведь в местных таежных урочищах вряд ли может быть выше одного с небольшим метра в холке. Поэтому никогда не воспринимал всерьез рассказы дилетантов, всего, может быть, несколько раз в жизни видевших живого медведя, и не горел, что вполне естественно, особым желанием проверять достоверность подобного рода сведений. Но все же более тщательно стал всматриваться в отпечатки мозолистых звериных лап. По четким и очень глубоким вмятинам можно было в какой-то мере судить о довольно большой массе хищника.

Несколько раз, на всякий случай, побывал в местах, часто посещаемых им. Определил, откуда, по каким тропам зверь объявляется в изобильной кормами долине. Попутно в местах обследования угодий я собирал ягоды камчатской жимолости. Последняя была здесь очень крупной и ярсной. При этом всячески демонстрировал, что занимаюсь исключительно собирательством. Все это сыграло немалую роль в том, что осторожный и предусмотрительный зверь перестал опасаться моего присутствия в своих вла-

дениях. Часто медведь без всякой опаски разгуливал по свежим отпечаткам моих сапог.

В свою очередь, я не позволял себе передвигаться по его тропам. Некоторые лесные просеки и проселочные дороги, несмотря на жгучее желание изучить их, я оставил необследованными, так как зверь любил передвигаться по ним в ночное время и сразу насторожился бы, появившись там мои следы хотя бы один разочек. Подобно дальновидному и упорному в достижении своей цели хищнику, мне хотелось знать все о будущей жертве, в то же время всячески убеждая ее в том, что сам не являюсь источником сколько-нибудь серьезной опасности. Это мне удалось, и весьма неплохо.

Но проявил себя этот во всех отношениях неординарный хищник как-то неожиданно. Принудили его поддаться на соблазны стихийные обстоятельства. В то лето вдруг хлынули обложные дожди. Вода в речках, до того тихих и незаметных, вскипела, забурлила, вышла из берегов, заполнив собой все межгорные пространства.

В летних животноводческих лагерях и в непосредственной близости от них погибло, утонув в мутных водных потоках, около сорока рогатых скотинок. Большая часть трупов захлебнувшихся буренок рассредоточилась в лесистой пойме, вдоль заросших растительностью берегов реки. Все они вскоре оказались доступными лучам солнца, дождям, зверушкам и всевозможным птицам. Через довольно приличный промежуток времени двух уже начавших разлагаться животин стали поедать местные медведи. Почему из нескольких десятков лакомой для падальщиков тухлятины они выбрали именно этих коров, осталось для нас загадкой.

Прикормились к такой на редкость обильной приваде всего три медведя — медведица с детенышем и тот самый

зрелый самец, за жизнью которого я наблюдал уже целый год. Теперь было ясно, что как стервятник он уже состоялся, и будущим летом следует ожидать убийства пасущегося в этих таежных местах домашнего скота. Но была одна возможность предотвратить надвигающиеся трагедии, а именно здесь же, у нечаянной мясной привады, отстрелять черно-бурого гиганта.

Когда я с тремя егерями и имевшими опыт медвежьих охот общественниками прибыл на место предстоящей работы, выяснилось, что сутками ранее здесь уже побывала группа добытчиков. На ближних к падали деревьях были оборудованы стрелковые гнезда, то есть попросту устроены примитивные сиденья, а в секторах обстрела срезаны все мешающие обзору ветви и стебли кустарников. Но пробыли в засадах в ночные часы незнакомцы совершенно напрасно – звери и не думали появляться в эту ночь вблизи своего распробованного ужина.

Разделившись на пары в сгущающихся сумерках, мы заняли готовые стрелковые номера у двух уже вовсю пожираемых в ночное время суток коровьих туш. Совсем некстати начавшийся ночной дождь позволял кровососущим насекомым безнаказанно упиваться нашей кровью. Он смывал нанесенную ранее на открытые участки кожи жидкость от комаров и мошки, чем тут же с успехом пользовалась многочисленная мошкара. Места укусов горели, а напившиеся крови комары, если их удавалось прибить на месте преступления, дополняли пятнами человеческой крови камуфляжные одеяния. В какой-то степени порывы дождя уменьшали то отвратительное зловоние, которое издавали разлагающиеся трупы животных. Стрелковые номера были оборудованы прямо над ними. Из-за роя комаров никому из участвовавших в засаде не удалось вздремнуть даже на мгновение.

В темную ненастную ночь под пологом густого леса зрение бесполезно, поэтому приходится очень внимательно прислушиваться ко всем раздающимся в лесной чаще шорохам. А в эту ночь пойменный мелколиственный лес, осыпаемый множеством дождевых капель, шумел вовсю.

Все же в какой-то миг я сумел услышать, как прошлепал по речной галечной косе совсем недалеко от нас крупный уверенный в себе зверь. Конечно же, это был интересующий меня медведь. Но нашу приваду тот почему-то обошел стороной и направился к следующей, у которой его ждала другая пара охотников. Через три-четыре минуты в той стороне раздались два приглушенных стеной леса и шумом дождя ружейных выстрела. Я ожидал услышать еще два, но их почему-то не последовало. Неужели положили зверя двумя пулями?

Спешно покинув свои гнезда-сиденья, мы двинулись к месту второй засады. Там уже скакали по деревьям отражаемые от влажной листвы и ветвей, а также ниточек ночного дождя световые лучи включенных электрических фонарей. Охотники продолжали еще сидеть на деревьях: видимо, боялись спуститься на землю. Последнее меня озадачило и насторожило. Неужели подранок? Тогда почему только два выстрела? Почему не предупредили нас криком? Вопросов возникло много. Я знал, что зверь подошел к их приваде. Доскональный осмотр места происшествия и окрестностей было решено провести утром.

Следующим днем выявился довольно неприглядный факт. Один из приглашенных мной на это дело добытчик, заслышав подозрительное шуршание и очень сильно желая опередить соседа, так как в этом случае шкура доставалась стрелку, убившему медведя, включил прикрепленный к ружейным стволам фонарь и произвел выстрелы по

первой попавшей в поле зрения трухлявой и отдающей в лучах фонаря коричневыми оттенками валежине. А зверь-то находился совсем недалеко! Охота на крупных хищников до сих пор требует высокого уровня взаимопонимания и коллективности действий. Ясно, что этот состав бригады я поклялся никогда уже не допускать к подобным мероприятиям.

Наблюдаемый мной медведь оказался на редкость способным зверем. Он превосходно усвоил преподанный ему незадачливыми добытчиками урок. Никогда он больше не подходил к издохшим коровам, если последние находились под пологом густого пойменного леса, где деревья имеют мощный древесный ствол, а в кронах развиты боковые ветви. С некоторых пор всякий лакомый кусочек в виде лежащей мертвой коровы в мелколиственном зрелом лесу стал ассоциироваться у него со смертельной опасностью.

В следующее лето избежавший гибели новый хозяин благодатной долины в полной мере проявил свои незаурядные способности. Вначале он вообще не появлялся вблизи изгородей летних животноводческих лагерей. Очевидно, в первой половине лета он был занят более важными и неотложными для него брачными делами. Освободившиеся самки медведей требовали ухаживаний, вследствие чего много времени хозяин потратил на то, чтобы прийти с каждой из них к устраивающему обоих соглашению – консенсусу. Видимо, в целях закрепления за собой высокого в медвежьей иерархии положения новому властителю нужно было произвести некоторые демонстрационные действия. Вероятно, устрашение возможных противников и соседей по индивидуальным участкам входит в их закрепленную на генетическом уровне жизненную программу.

При явном обилии высокоценных пищевых ресурсов, таких как ягоды жимолости, брусники, голубики, шиповника и шикши, а также животного десерта к ним в виде снулой лососевой рыбы, в изобилии валявшейся в это лето по берегам всех нерестовых проток, убийство крупных рогатых скотин объяснить иначе чем способом закрепления и подтверждения своего высокого социального статуса было весьма затруднительно. Но тем не менее это происходило во второй половине лета. И действия зверя вызвали реакцию, близкую к панической, не только у четвероногих конкурентов, завистников и подчиненных ему самок.

Черно-бурый медведь принялся убивать домашних животных. Одну из буренок он прикончил посреди бела дня на глазах у оторопевшего пастуха. Тот боялся зверя так сильно, что не предпринимал попыток криком, палками и камнями отпугнуть, отогнать от стада зарвавшегося топтыгина. Человек не решался даже пошевелиться и вдохнуть воздуха – настолько был деморализован, что потерял всякую способность трезво мыслить и иметь какую-либо волю к решительным действиям. И было от чего.

Черно-бурый монстр абсолютно открыто вышел на середину залитой солнечным светом травянистой лужайки, где паслось стадо совхозных коров. Последние на спокойные вначале действия хищника ответили лишь тем, что подняли от пожираемой зеленой травы рогатые головы и уставились на пришельца, не предпринимая попыток коллективно атаковать его или, наоборот, бежать во все лопатки с этого страшного места.

Зверь спокойно, со знанием дела выбрал себе жертву. Быстро, не мешкая и ни на что не отвлекаясь, навалился, оседлал бедную исходящую жалобным мычанием буренушку и сноровисто прикончил ее. На разбегающихся во все стороны ближайших к нему коров он не обращал ни-

какого внимания.

На окраине стада не поддавшиеся панике коровы начали было группироваться, концентрироваться для совместной ответной атаки. Видимо, в критические моменты в некоторых случаях у отдельных коров просыпается спящий в них стадный оборонительный инстинкт и совместными усилиями, толпой они способны все же совершать агрессивные, сокрушающие противников действия.

Хищник, очевидно, бывает в курсе подобного оборота дел, вследствие чего он легко и непринужденно оторвался от плотной массы рогатых, но медлительных преследователей. Он осознавал, что теперь совершенно бессмысленно ввязываться в какую-либо потасовку – дело-то сделано. Как всегда, ночью он рассчитывал появиться вновь на месте преступления, чтобы приступить к трапезе. Спустя несколько часов зверь вернулся к жертве, но не обнаружил ее. На этот раз совхозники проявили редкую, но, к сожалению, неуместную расторопность. Туша мертвой коровы в тот же день была вывезена для утилизации.

Когда главный специалист хозяйства, курирующий животноводческую отрасль этого многопрофильного предприятия, позвонил мне и рассказал о нападении и своих последующих действиях, я разъяснил ему его ошибку. В следующий раз специалист пообещал сделать так, как я его устно по телефону проинструктировал.

В этот летний сезон поголовье домашнего скота несло немалые потери от хищничества бурых медведей. Почти из каждого села или поселка поступали тревожные сигналы о том, что в каком-то свинарнике на окраинах поселения медведь частично убил, уволок, а частично разогнал по окрестностям подсвинков или даже весьма крупных боронов. Терялись из подсобных хозяйств коровы, телята.

В одном поселке произошел даже весьма курьезный

случай. Хищник выкопал и съел только что посаженную на приусадебном клочке земли семенную картошку. Впоследствии удалось выяснить, что на дно посадочного гнезда в качестве удобрения предприимчивый частник клал протухшую в результате неправильного хранения лососевую рыбину. Терпкий запах разлагающейся красной рыбы свободно проникал сквозь толщу взрыхленной почвы в приземный слой атмосферы и легко разносился потоками воздуха на сотни метров вокруг. Ясно, что любой проходящий мимо таежного поселения медведь моментально реагировал на близкое присутствие тухлятины.

Между всеми прочими делами я терпеливо выжидал очередного проявления сложившихся уже у медведя стервятнических наклонностей, которые рано или поздно и именно в это лето заставят его убить еще хотя бы одну взрослую корову. Но в один из теплых летних дней мне позвонил из самого дальнего в моем районе поселка глава администрации этого населенного пункта. Мой давнишний знакомый без обиняков попросил срочно приехать к ним в поселок и отстрелять зверя.

На окраине этого расположенного на развилке двух колымских автотрасс поселка дважды видели молодого, но довольно крупного медведя. Случай, на первый взгляд, обычный, не заслуживающий каких-то экстренных мер. Но выяснившиеся в ходе разговора обстоятельства ужаснули своими возможными последствиями. По моей спине пробежал холодок.

На самом краю поселения, на холме у самой границы с листвяговой рединой – всего, что осталось после сплошных вырубок от густой древесной растительности, – находились поселковые детские ясли. Несколько десятков малолетних детей ежедневно с раннего утра до вечера вместе со своими молоденькими нянями находились тут, пока

родители были заняты на работе. Вот к этому-то месту, соблазнившись пищевыми отбросами, неосторожно выброшенными за пределы детских яслей, проявил повышенное внимание появившийся в ближайших окрестностях поселка молодой бурый медведь.

В тот же вечер, оставив все текущие дела, я на первом же междугородном автобусе преодолел три сотни километров, разделявших два северных населенных пункта. Пять часов спустя, подняв с постели некоторых местных охотников, которые все были мне давно знакомы, я держал с ними совет. Все они сошлись во мнении, что этот медведь из молодых, не обладающих собственной территорией бродяг. Сегодня на окраине поселка – завтра уже за горным перевалом. Искать же его дело бесполезное, пустая трата времени. Я принял к сведению доводы опытейших полевиков, по несколько десятков лет имевших дело с охотой вообще и с медведями в частности. Но все-таки решил одни сутки посвятить поискам зверя.

Мне удалось обнаружить многочисленные следы пребывания молодого, двух с половиной лет медведя. Но самого хищника обнаружить все же не удалось. На вторую ночь в полутора десятках километров от поселка я «оседлал» небольшой водораздельный хребет. По этому невысокому горному образованию пролегалла хорошо натоптанная, используемая, видимо, несколько тысяч лет тропа диких северных оленей – буюнов. Кроме хозяев троп оленей ею пользовались все остальные обитающие в этой местности животные. Конечно, при этом не составляли исключения бурые медведи.

Я выбрал наиболее подходящее в таежном урочище место для устройства засады. С одной стороны, более пониженная по отношению к тому месту, на котором обосновался я, оленья тропа просматривалась почти на один ки-

лометр. По другую сторону извивающаяся змейкой звериная дорожка виднелась на добрую сотню шагов. Устроившись поудобнее под ветвями кедрового стланика, я принялся изучать сквозь призмы бинокля покрытые редкостойным листвягом и редкими куртинами стланика горные склоны. На противоположных мне травянистых увалах в поле моего зрения попадали даже перелетающие с места на место выводки белой куропатки.

Но тот, кого я ожидал увидеть, так и не появился поблизости. Очевидно, молодой медведь покинул окрестности поселка в тот же день, в который прибыл в поселок я. Ну что же, тем лучше для него. После практически бессонных суток рано утром я вновь объявился в трассовском поселке. Хозяин квартиры, где я чаще всего останавливался, поведал мне о том, что вчера вечером был ему какой-то странный звонок. Некто из поселка Стекольный сообщал ему о том, что здоровенный медведь задавил одну корову и теперь все ждут моего приезда.

– Что это за корова такая, что тебе нужно за триста верст мчаться и освидетельствовать ее кончину? Мировая рекордсменка по удоям?

Мне показались очень забавными и тон, и вопросы старого таежного волка Александра Петровича Ляпунова, поэтому я не сдержался и покатился со смеху. С трудом подавляя приступы хохота, я посвятил его в тайну ночного телефонного звонка. В ответ Петрович обратил мое внимание на то, что с хроническим недосыпанием на медведя весьма опасно охотиться. Можно проспять нужный момент, а могут и нервы подвести, и в результате можно сделать что-нибудь совсем не так, как подобает. Посоветовал постараться выспаться за те шесть часов, которые междугородный автобус с остановками в промежуточных пунктах будет одолевать эти три сотни километров.

Вечером того же дня я без препон добрался до спрятавшихся в глухой таежной долине летних пастбищ местного совхоза. Доярки и скотники со всеми подробностями рассказали суть происшедшего. В сопровождении одного из них я осторожно выдвинулся к месту недавней трагедии и с некоторого отдаления рассмотрел и оценил обстановку.

Как в большинстве предыдущих случаев, черно-бурый стервятник отогнал облюбованную им корову подальше от стены пойменного леса и на болотине, в совершенно открытом месте, зверь несколькими ударами обладающих чудовищной убойной силой когтистых лап умертвил беззащитную жертву. Убийство было совершено в двух сотнях метров от коровника, поэтому труп был найден сразу. Но, как было договорено ранее, останки не стали убирать и к тому же, хотя и с некоторым опозданием, – вокруг все же успели потоптаться пастухи и скотники – ограничили к ним доступ любопытствующих людей. Все это как нельзя лучше устраивало меня. За исключением лишь того момента, что устроить в болоте засаду было чрезвычайно сложным делом.

Единственное подходящее для верховой засидки дерево находилось в шестидесяти метрах от останков коровы. И было оно очень небольшого диаметра, низкорослое и лишено развитых боковых ветвей. Лишь в самой кроне листовяговые побеги образовывали нечто, напоминающее розетку, но сама вершина, слегка искривленная, выглядела весьма неубедительно.

У такого ветхого убежища тяжелый мускулистый и чрезвычайно сильный зверь мог, в случае невозможности стряхнуть седока с дерева ударом огромной лапы, попросту заломить комель, навалившись на тонкий древесный ствол своей мощной грудью. Тем не менее я принимаю ре-

шение устроить ночную засаду именно на нем.

С противоположной от останков коровы стороны дерева и на большом удалении от него при помощи плотницких инструментов сооружаю переносную лестницу. Затем, прихватив с собой заранее припасенную для устройства сиденья дощечку, подхожу к дереву, стараясь при этом как можно меньше оставлять следов. Стальной проволокой накрепко прикручиваю лестницу к древесному стволу, а прихваченную дощечку привязываю поперек, на ветвях в кроне, под самой вершиной. В довершение всего в качестве подставок для ног прибиваю две короткие поперечины. Когда стрелковое гнездо сооружено, я собираю инструмент, подбираю оставшиеся щепки и тем же путем, что пришел, ухожу прочь от засады, чтобы появиться вновь только после заката солнца.

Сумеречным вечером возвращаюсь к месту охоты. При мне двуствольный оленевой шестнадцатого калибра, который я давно уже опробовал на многих подобного рода охотах. Сверху на ружейных стволах прикреплен очень мощный галогеновый фонарь, приспособленный для освещения ночных целей.

Взгромоздившись на стрелковое место, привязываю себя к лиственнице прочным лодочным тросом. Но все равно уверенности очень мало, так как слишком хорошо представляю себе ненадежность места засады, вследствие чего вся процедура отстрела стервятника должна пройти без сучка и задоринки. В противном случае в затруднительное положение мог попасть я сам.

Первые часы ожидания пролетели, как одна минута. Болотная тишина безраздельно властвует здесь. Лишь отдаленный, приглушенный стеной леса и потому еле слышимый рокот речных перекаатов изредка нарушает ее. На четырехметровой высоте я улавливаю терпкий запах

болотного багульника. Иногда редкие подвижки воздушной толщи доносят до вершины чахлой лиственницы тошнотворный душок разлагающегося трупа рогатого животного. Сегодня могучий хищник обязательно придет, чтобы сожрать оставшиеся части туши коровы.

После полуночи с холодных просторов Охотского моря набежал густой и промозглый туман, отчего видимость на болоте значительно ухудшилась. Несмотря на сырость и холод, к утренним часам меня потянуло на сон. Это были мучительные мгновения, так как шевелиться в засаде я не имел права. Любое мое даже минимальное движение сразу передавалось дереву, и оно начинало шататься, трепетать и шуршать. Все это могло насторожить или даже отпугнуть уже, может быть, затаившегося поблизости стервятника.

Под утро, в самые темные мгновения ночи, в белесой пелене тумана я стал различать какие-то непонятные поначалу шорохи. Вокруг тухлятины было чисто, в отдалении тоже не наблюдалось никакого движения. Но я все же насторожился, а мое внимание максимально обострилось. И вдруг...

...Из-под моего стрелкового гнезда и чуть слева от дерева в поле моего зрения материализовался огромный хищник. Подобно драконам с острова Комодо, он медленно, с величайшим достоинством вышагивал, широкоставляя когтистые лапы. Каким-то образом зверь круто вверх поднимал когти, да так, что почвы касались в основном только мозолистые подушечки лап. Шагал он почти бесшумно, причем с той же стороны, с какой подошел к засаде я. Сверху с очень близкого расстояния хорошо различалась вся моторика его движений. Туловище медведя было настолько большим и упитанным, что лапы поневоле приходилось ему держать на предельном отдалении друг

от друга. Создавалось впечатление, что могучие медвежьи конечности растут не снизу туловища, как у всех высших млекопитающих, а с боков, как у древних гигантских рептилий.

И вот этот вынырнувший из густого тумана, как из глубин миллионолетий, динозавр каким-то чудом не зачужал ни моих вечерних следов под деревом, ни меня самого на дереве. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что за эти предутренние часы я умудрился ни разу не шелохнуться.

Поддаться первому эмоциональному порыву и ударить двумя пулями сверху, когда черно-бурый зверь находился в непосредственной близости, я не мог. Свалить одним дуплетом гиганта, вес которого явно и намного превышал четыреста килограммов, было весьма проблематично. К тому же медведь сразу обнаруживал восседавшего на одиноком и низкорослом дереве охотника и даже смертельно раненый в случае атаки мог представлять серьезную опасность.

Чтобы уменьшить до минимума смертельный риск, я должен был иметь небольшой запас времени для того, чтобы успеть перезарядить оружие. Поэтому после некоторых колебаний принимаю решение отстрелять его у привады, когда тот примется за еду. В первые мгновения этот страшный монстр наверняка будет дезориентирован, что заставит его проявить в первую очередь пассивную оборонительную реакцию. А это уже будет означать мой безоговорочный успех.

Не дойдя до затравленной ранее им коровы, медведь свернул в сторону и начал по кругу обходить приваду. При этом зверь тщательно нюхал воздух, обследовал мшистую поверхность почвы, изучал запахи. К этому моменту я уже изготовился к стрельбе и выжидал, когда медведь станет в нужную мне позу, чтобы прицелиться и произвести точные выстрелы по убойным на теле зверя местам.

Но то, что произошло в следующие мгновения, чрезвычайно обеспокоило меня. Совершив вокруг разлагающегося трупа скотины довольно приличную в диаметре окружность, черно-бурый монстр подошел как раз к тому месту, где вечером стояла и смотрела на корову группа любопытствующих работников совхоза. Запах их рабочей обуви, брошенного неряхой окурка, даже благовоние духов или одеколона могло задержаться в толще мхов и торфяника, в переплетениях трав и кустарников. Как он поведет себя? Откажется от пищи и уйдет восвояси? Тогда через несколько суток он снова задавит корову, и вся охота на него начнется сызнова.

Возможно, что отстрелять стервятника удастся только в следующем году. А это снова потери домашнего высокоценного скота, вероятно, даже покалеченные или погибшие люди. Все это меня не устраивало. Поэтому, несмотря на то обстоятельство, что зверь отошел далеко и дистанция для всегда сложной ночной стрельбы по такому сильному и крепкому на рану животному, как медведь, была предельной, и в других условиях я бы, может быть, этого не делал, все же принимаю решение отстрелять монстра.

Зверь уже повернулся ко мне задом, чтобы продвинуться в противоположную от меня сторону, когда я включил галогеновую фару. Мощный, невероятно концентрированный луч ударил из рефлектора фонаря в маячившую в отдалении в пелене тумана фигуру зверя. Тот действительно был сбит с толку происходящим, так как сразу принял позу угрозы, то есть встал ко мне боком и поднял на загривке шерсть. Этого-то я и ожидал.

В следующее мгновение я нажимаю на один спусковой крючок. После точного попадания пули все сразу изменилось. Медведь моментально сориентировался, лег на живот, пригнул голову с яростно оскалившейся пастью и оглу-

шительно заревел. Белые клыки и маленькие глаза в свете лампы ярко светились и придавали всему происходящему весьма зловещий смысл. В следующий момент он мог броситься в атаку, поэтому я вынужден поскорее нажать второй спусковой крючок. И снова слышу сквозь звериные вопли, как пуля шлепнула по телу медведя. Видимо, а это была изготовленная из куска латуни пуля Рубейкина, снаряд прошелся по массивным костям черно-бурого гиганта.

На короткое время, для перезарядки оружия, я выключаю фонарь и, в ожидании стремительного броска умирающего медведя, спешно меняю в патронниках оленебоя стреляные гильзы на новые пулевые патроны. Когда в доли секунды все, что нужно было проделать, я сделал, то увидел, что от трупa коровы наискосок с огромной скоростью, более подобающей скаковой лошади, чем медведю, удирает на длинных махах громадный зверь. Только и слышно было: «Уф-ф. Уф!». Вскоре он исчез в клубах сизого тумана, для того чтобы – об этом я уже знал – уйти в мир иной.

Действительно, на следующий день был обнаружен труп этого тиранозавра. Оказывается, уже на исходе сил, теряя на бегу сознание, медведь на полном ходу столкнулся с еще свежим древесным пнем, и эту корягу диаметром почти в полметра он вывернул вместе с корнями.

После долгой процедуры промеров и взвешиваний я вернулся к деревцу, на котором сидел в эту примечательную для меня ночь, и, честно говоря, зауважал себя чуть более обычного. Медведю ничего не стоило одним ударом могучей лапы вывернуть жалкую болотную лиственницу вместе с ее жиденькими поверхностными корнями.

Ну что же, мне довелось еще раз на практике проверить истинность утверждения о том, что «дело», как и крупные хищники, «мастера боится».

Пойутный пролысел

Уже второй раз за последние сутки наш внедорожник увязал по самые топливные баки в буюндинских пойменных болотах. Мы жестоко ошиблись, когда посчитали, что морозы последних дней октября накрепко и окончательно заковали многочисленные зимники, по которым в подавляющем большинстве случаев только и приходится добираться до отдаленных охотничьих угодий.

Глубокой ночью, обманувшись пятнадцатисантиметровым снежным покрывалом, мы вогнали военный ГАЗ-66 в первую грязевую ванну. Автомобиль, содрогаясь всем корпусом и надсадно взывая двигателем, напрасно пытался вырваться из вязкого плена.

Очень скоро стали невозможными всякие попытки продвинуться как вперед, так и назад. Ветреная, с мощными снеговыми разрядами позднеоктябрьская ночь стала свидетелем судорожных, мучительных попыток спасти тяжело груженный снаряжением и припасами грузовой автомобиль.

За несколько часов экипажу из трех охотников-договорников двуручными пилами и топорами и при помощи домкрата удалось подвести под мосты и днище колесного вездехода платформу из коротких бревен и жердей, что позволило вырвать газик из крепких объятий спрятавшейся под хрупкой ледяной корочкой трясины. Чтобы не искушать более судьбу, мы отказались от ночной езды по коварным таежным пространствам. Когда чуть забрезжил утренний свет, со всеми предосторожностями, изменив значительно маршрут, продолжили свое продвижение,

чтобы через пару десятков километров снова оказаться в подобной же ситуации.

Теперь уже пришлось разгружать часть груза, которым оказались мое личное охотничье снаряжение, продукты питания и двадцатикилограммовая деревянная бочка, набитая загодя, еще на осенней гольцовой рыбалке, мальмовыми потрохами, которые я планировал использовать в качестве приманки и привады для горностаев, соболей, лисиц и довольно многочисленных в этом году лесных разбойниц росамах. За последними я следил внимательно, фиксировал на схеме охотугодий появление всяких следов их жизнедеятельности, наблюдал поведение и заранее готовился к тому, чтобы изловить парочку этих бесстрашных, напористых и по-своему нахальных хищников.

От места выгрузки снаряжения до старого охотничьего зимовья, где мне предстояло провести нынешней осенью несколько недель, лесными тропами, по заросшим речным протокам и наконец по ледяным заберегам я должен был перенести почти весь охотничий скарб на своих плечах еще на двадцать километров ниже по течению реки.

Заканчивался мой очередной отпуск, поэтому свои контрольные функции по предотвращению нелегальной добычи ценных охотничье-промысловых видов зверей я начал, не дожидаясь даты официального выхода на работу.

Охотничий промысел и надзор. Последний часто на огромной территории, что для одного нормального человека, владеющего общепринятыми методами работы, попросту не под силу. Но у меня получалось, и в качестве вознаграждения за сверхнормативные усилия в любое время года мог посетить всякий понравившийся мне или заинтересовавший меня, как специалиста, частенько весьма удаленный от жилья и дорог таежный уголок. Что явля-

лось в таких случаях попутным, а что главным, – не имело никакого принципиального значения.

Многие ученые-охотоведы, не говоря уже о разношерстной массе всевозможных инспекторов, никогда не изменяют своим главным в жизни увлечениям. Большинство из них заядлые охотники и рыбаки, и, как показала жизнь, одно здесь дополняет другое, помогает в работе, а чувство единения с жизнью дикой природы заставляет еще более дорожить промысловыми ресурсами. Конечно же, как и во всем остальном, бывают тут исключения.

Позапрытав в ближайших ивняковых кущах и зарослях березы Миддендорфа весь свой походный и охотничий скарб, я принял участие в объезде ближайших дорог и зимников.

Большая часть добротных, используемых зимой и летом таежных дорог проложена геологическими экспедициями и старательскими артелями. По подобным путям всегда можно пройти или проехать до базовых лагерей и старательских участков, на которых частенько с началом осенней охоты на боровую и водоплавающую дичь, а затем и на пушные виды зверей проживает не брезгующий побаловаться на досуге ружьишком всевозможный таежный люд.

В эту осень со мной был годовалый щенок восточносибирской лайки с довольно распространенным в промысловых районах севера Сибири именем. Назвать кличкой имя самого преданного друга и помощника язык не поворачивается. Тайга – так звали светло-палевого окраса, с едва заметной рыжиной на загривке, лопатках и боках щенка. Черный нос и очень выразительные темно-карие глаза придавали всему облику моего четвероногого друга редкое очарование. Прибавьте ко всему этому невероятную для столь молодого (даже для собаки) возраста сооб-

разительность и, как уже мне ранее удалось выявить, врожденный охотничий азарт.

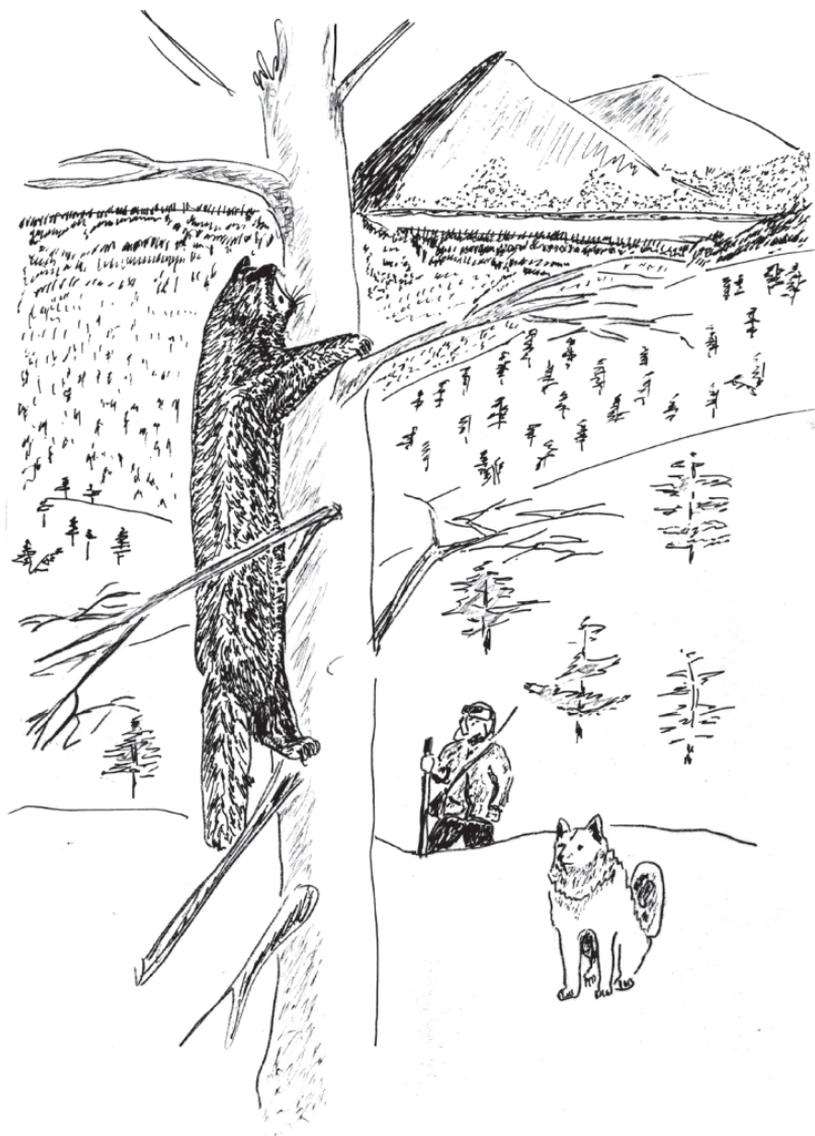
Без всякого преувеличения выдающиеся, заслуживающие поощрения и изучения качества моей остроухой помощницы еще принесут нам немало охотничьих удач, радости от общения с миром девственной природы, в этом я был абсолютно уверен.

Мы очень быстро объехали все сколько-нибудь проходимые дороги и проселки, на которых, к удивлению, обнаружилось немало свежих следов от автомобильных шин. Большею частью это были охотники-любители из соседнего административного района, не имевшие отношения к промысловой добыче лицензионных видов животных.

Составив несколько протоколов о мелких нарушениях, а кое-кого просто предупредив о возможной ответственности, на одном из поворотов проложенной по крутому склону сопки дороги я расстался со своими помощниками и напрямик направился через широкую болотистую равнину к руслу реки Буюнды.

Начало этого прекрасного осеннего дня оказалось весьма удачным. Лайка ушла в поиск куда-то на склоны ближайших сопкок, а на моем пути всюду попадались односуточной давности следы соболей. Я раздумывал: позвать ли свистом собаку или отложить в этот день всякую охоту.

Всего-то спустя минуту фортуна улыбнулась мне – из ближайшего массива кедрового стланика на ствол большого, поваленного бурей дерева вдруг черной тенью стремительно выскользнул соболь. Заметил он меня слишком поздно, чтобы пытаться убежать. Это зверек понял сам и все, что посчитал уместным в данной ситуации сделать, так это попросту взобраться на самую вершину правильной пирамидальной формы листовенницы и замереть. Очевидно, наивный соболек полагал, что я не удосужусь им за-

няться и полная неподвижность спасет его от всяческих напастей. Тут он, конечно, жестоко просчитался.

Сквозь редкие листовые ветви мне были хорошо видны все части искрящегося драгоценным мехом тела животного, который даже не смотрел на меня, а уставился острой мордашкой куда-то в синюю таежную даль. Было чрезвычайно любопытно и забавно, что же зверек предпримет, сменит ли позу, удостоит ли меня взглядом сверху, когда я подойду к дереву и ударю по нижним ветвям лиственницы прикладом своего ружья. Ни на эти, ни на какие другие действия соболек не удосужился среагировать. Видимо, умению маскироваться и крепко затаиваться его научила родительница, и он неоднократно пользовался этими необходимейшими навыками выживания до той поры, пока не встретился со мной.

Надолго, несмотря на живой интерес к зверьку, я на этом месте задерживаться не мог, так как начинало стремительно вечереть. Клонящееся к горизонту солнышко все более принимало красноватые, закатные оттенки. Посему нужно было спешить к месту ночлега.

Зверька, несмотря на симпатию к нему и огромный познавательный интерес, пришлось срочно отстрелять. Охота на него открывалась как раз в этот благословенный денек.

На прозвучавший в стынущем воздухе резкий одиночный выстрел очень скоро прибежала тайга, попрыгала вокруг меня, принюхиваясь к содержимому карманчиков рюкзака. Конечно же, она уловила запах только что убитого драгоценного зверька.

Устраиваться на ночевку предстояло на старой, построенной еще в середине столетия геологической базе. Со временем от многих построек на ней осталась лишь одна полуземлянка, в которой время от времени останавливались рыбаки и охотники.

Вот и в этот раз в полусгнившей развалюхе должен был, по некоторым сведениям, прожить пенсионер. В молодые, лучшие свои годы он отработал в геологических партиях и теперь иногда наведывался на несколько месяцев в места былого. Видимо, у этих уже далеко не молодых людей с огромными таежными просторами Колымы связано немало всевозможных воспоминаний. Много жизненных драм, радостей и трагедий видно и пережито ими здесь.

Очевидно, именно поэтому все знакомые мне инспекторы негласно и каждый по собственной воле позволяли этим изработавшимся старикам некоторые свободы, которые жестко пресекались в отношении других таежных пользователей. Ясно было, что эти люди в отличие от многочисленной охотничьей и рыбацкой братии заслуживают снисхождения.

К сумеркам я уже был у дверей допотопной полуземлянки. В ней никого не оказалось, хотя была она жилой и на столике даже стояла баночка мороженой брусники. Видно было, что хозяин покинул ее всего лишь на несколько дней и в ближайшие сутки мог объявиться вновь. От давно изжившего свой век жилища до тайника было всего три километра. Но то, что произошло несколькими часами позже, заставило отложить поход за брошенным охотничьим снаряжением на двое суток.

Все лето и осень я провел в тяжелейших маршрутах и рейдах по всей южной части огромного, площадью в несколько европейских государств, Колымского нагорья. Я сам себе удивлялся – насколько может быть живуч человек. В условиях на выживание я не заработал ни одной простуды, ни разу даже насморк не цеплялся ко мне, и это после ночевки на каменных россыпях, в промозглую погоду и в снегопад, когда пламя костра не греет и не сушит.

Все, что было задумано, спланировано на прошедший теплый сезон, было мной выполнено с лихвой. С изрядной долей самодовольства я обдумывал план предстоящих работ, все хорошо складывалось, получалось как нужно, в срок и с наименьшими затратами сил и времени. Но в этот же вечер пришлось внести существенные коррективы. Подвел меня свой же доселе неуязвимый организм.

Еще во время колки дров и растопки железной печурки я неожиданно почувствовал сильное недомогание. Резко поднялась температура, а вслед за ней и другие неприятные симптомы. Все было ясно. Копившаяся весь сезон хворь, как заправский охотник, выжидала своего часа, чтобы неожиданно, в самый неподходящий момент свалить меня с ног. Я понял, что застрял в таежке на порядочное время.

Не только простуды ближайших ночей, когда приходилось в снежную круговерть выручать из вязкой промозглой жижи транспортное средство, но и все ледяные купания, обсушка на студеных горных ветрах, недосыпания на россыпях и речной гальке, то есть там, где прихватит в поисковом маршруте исследователя темная таежная ночь, вдруг разом, в момент, когда, казалось бы, можно было слегка расслабиться, насладиться результатами содеянного, свалились на мою голову. Валяться несколько суток охваченным изнурительной лихорадкой в холодной полуземлянке, закутавшись в полуистлевшее тряпье, – редкое и очень жуткое занятие. Положение усугублялось тем, что весь аварийный запас лекарств находился в снаряжении, припрятанном в трех километрах от ночлежки.

Лишь к вечеру вторых суток я почувствовал облегчение и начал передвигаться, сначала внутри помещения, а затем, когда были сожжены все дрова, снаружи. Невесть откуда взялась тайга, потерялась понимающе о мои коле-

ни и улеглась у входной двери. Моя верная собака была все это время предоставлена самой себе. Где и как она добывала себе пропитание, долгое время оставалось для меня загадкой.

Было очень жаль потерянного времени. Несколько рабочих дней из столь любимой мной промысловой страды выбрасывались напрочь.

За считанные сутки я перенес почти все снаряжение, оставалась лишь приманка из рыбьих потрохов, которую я собирался унести также в несколько приемов. Промысловой охотой я занимаюсь очень давно и подобные мероприятия проделываю с ходу и очень быстро.

Но случай и тут помог мне. Как раз в эти дни начали заброску на свой участок соседи по охотничьим угодьям. Первым делом они завезли снегоход «Буран» и приготовленное для него топливо. Попутно с последними была увезена и бочка с приманкой.

Во многих местах ледяные забереги настолько разрослись, что образовали довольно широкие и прочные перемычки, которыми я сразу же начал пользоваться.

Очень часто тайга подавала голос с другого берега или с больших, поросших густым пойменным лесом островов, облаивая в кронах деревьев многочисленных в этом охотничьем сезоне белок.

Я был рад тому, что собака не облаивает рябчиков и белых куропаток. Каким-то образом она догадывалась о том, что это не та добыча, ради которой необходимо тревожить хозяина, хотя при этом часто наблюдала, что иногда я отстреливаю их. Каким образом молодая собака могла улавливать различные уровни мотиваций, делать отбор и оценку и к тому же совершенно адекватно реагировать? Все это было удивительно, тем более что иному взрослому мужчине бывает необходимо долго и упорно втолковыв-

вать, казалось бы, простейшие вещи, а тут собака решает с ходу такие же задачи.

Правда, моя лайка почему-то обожала одно очень удобное для меня занятие. Она сутками напролет могла охотиться на зайцев-беляков. Поймать последнего ей, конечно, было сложно, но это не мешало собаке носиться по хорошо натоптанному заячьим тропам, гонять длинноухих белоснежных обитателей, как только мы оказывались вблизи высокоствольных пойменных лесов, изобилующих зайцами-беляками, на которых, в свою очередь, охотятся рыси, россомахи, лисицы, волки и даже соболи. Из-за последнего обстоятельства я опасался применять на зайцев петельные и захватывающие конечности зверей самоловы, так как в них запросто могла попасть моя помощница.

Ночами, когда заканчивался охотничий рабочий день, досветиться лайки было немалой проблемой. По полчаса я стоял где-нибудь посреди протоки или русла реки и особым, знакомым только нам обоим свистом подзывал ее к себе. Собака прибегала откуда-то издалека, запыхавшаяся, уставшая, но чрезвычайно довольная и благодарная мне за то, что, как мне казалось, давал ей время на такие забавы. Гонка за зайцами была единственным и до времени неисправимым пристрастием тайги.

Я не наказывал собаку, снисходительно прощая ей такую слабость, полагая, что с возрастом ее склонности и увлечения резко переменяются, так бывает почти всегда. Лишь однажды я не на шутку рассвирепел и откровенно сорвался. Случилось все это самым обыденным образом, так, как частенько бывает на промысловой охоте.

В непосредственной близости от зимовья появился свежий наброд россомахи. Это была моя старая знакомая, которая регулярно, почти каждый год обходила промысло-

вые путики, умело обходила заряженные самолеты и съела понравившиеся ей куски приманки и привады, а иногда даже попавшихся в ловушки ценных зверьков. Излишне напоминать о том, какой ущерб иногда наносят росомахи траперам, то есть широко применявшим самолеты охотникам.

С самого начала соседства мы находились с ней в состоянии тотальной, непримиримой войны. Конечно, я знал причину, по которой этот интересный для меня зверь нахальничает. По самым последним научным данным, во всех регионах, почти по всему своему огромному ареалу росомаха вынуждена жестоко голодать, так как былого изобилия основных для нее кормов уже нигде нет. То, чем она перебивается во все сезоны года, основой ее благополучия быть не может.

В конце концов мне удавалось ее оттеснить на периферию участка, туда, где я сам редко появлялся. Но стоило мне покинуть угодья, как бандитка объявлялась вновь и не где-нибудь, а под окнами моего зимовья. Подолгу топталась на крыше моего зимовья, у дверей, под окном, подчищая все оставленные снаружи продукты и заготовленную приманку. Затем исчезала, чтобы через некоторый промежуток времени появиться вновь и с теми же, разумеется, стяжательскими намерениями.

Забраться зверю внутрь помещения не составило бы особого труда, но что-то все-таки сдерживало ее. То ли хитрая тварь не желала терять выгодного соседа – все-таки ее рацион существенно пополнился за счет моих трудов, то ли росомаха попросту опасалась. Если последнее, то не напрасно.

Специально для ее поимки я привез несколько волчьих рамочных с заклепанными на станине захватами капканов. Обработал их нужным образом и стал выжидать, когда

противница даст о себе знать снова. Как только это случилось, в нескольких укромных местах я выставил все самоловы, не забыв при этом выложить приманку из солидных кусков мороженных рыбьих потрохов, которые, несмотря на мороз, продолжали источать сильные и на редкость аппетитные для зверья запахи.

Я уже заранее предвкушал свою безоговорочную победу, представляя себе, как прожорливая хищница, не устояв перед притягательной силой рыбьих ароматов, начнет сначала кружить у приманки, затем попытается хапнуть лакомый кусочек, тут ей и придет конец.

Но, к большому своему огорчению, в самом ближнем от зимовья капкане оказалась первой моя помощница Тайга. Совершенно необъяснимый приступ любопытства (а ведь была уже научена мной не подходить к привадам у ловушек) повлек ее к самолону.

Заслышав громкие, истошные вопли, я бросился ей на выручку. Быстро, но осторожно разомкнул стальные челюсти волчьего капкана и освободил от них лапу все еще продолжавшей визжать лайки.

В целях профилактики, а также от великой досады на то, что в элементарнейшей ситуации мой четвероногий друг сморозил такую непростительную глупость, я пинком обутой в тяжелый унт ноги отбросил собаку от самолона, отчего лайка заскулила еще больше, клацнула от неожиданной и незаслуженной обиды несколько раз зубами в мою сторону и стремительно убежала к избушке.

На следующий день, чтобы как-то загладить вину, я приготовил собаке отборную пищу, не скупился на ласки и всячески пытался при этом удержать ее возле зимовья. Мне хотелось, чтобы полученная травма лапы поскорее и хорошенько залечилась. Но к полудню лайка перестала прихрамывать, повеселела, стала, как обычно, заигрывать

со мной, вызывая на игру в догонялки – это сказывался, очевидно, щенячий возраст. Она простила мне вчерашнюю обиду, а после полудня снова началась обычная промысловая работа.

То и дело мне приходилось отвлекаться от заготовки дров и благоустройства жилища, хватать ружье и патроны и по уже порядочно прибавившемуся снегу нестись в очередной раз на зов своей неутомимой помощницы. Она слышала передвигающихся по стволам и раскидистым кронам деревьев белок за двести-триста, а то и за четыреста метров, так что дистанция моих пробежек иной раз была весьма приличной.

Каждое утро, задолго до того как начинали проявляться первые признаки рассвета, лайка открывала дверь и, усевшись на пригорке рядом с избушкой, начинала прослушивать заросшую густым пойменным лесом речную протоку. Зачастую отстреливать обнаруженную и облаянную собакой белочку приходилось почти в полной темноте, ориентируясь только на силуэт грызуна, всегда выделяющийся на фоне более светлого, звездного неба.

В течение нескольких лет на этом промысловом участке я отслеживал жизнь местных лосей. Группа сохатых с моим приходом насчитывала всего четыре особи, но затем зверей стало десять, и добыть хотя бы один экземпляр мне так и не удалось. Видимо, по той простой причине, что не ставил себе никогда заготовительских целей.

Этот отдаленный, затерянный в колымских просторах уголок тайги мне мечталось оставить в первозданном виде, когда в местных лесах многочисленны самые крупные обитатели – лоси, дикие северные олени и сопутствующие им хищники. Хотелось вернуть в местные уголья естественное, существовавшее еще до появления в этих местах людей с огнестрельным оружием динамичное

равновесие и гармонию между хищниками и их жертвами с наличием всевозможных кормов и их травоядных и плотоядных потребителей. Не секрет, что на огромных евразийских просторах подобного миропорядка давно уже нет, хотя необходимость его становится все более актуальной.

В разгар белкования, в начале зимы лоси и олени держались от меня за пределами одного дневного перехода. Позволяло им это наличие доступных кормов в поросших ивняками ручьях и распадках. Относительная недоступность для пешего охотника подгольцовых урочищ позволяла многим крупным животным благополучно пережить самые опасные для них зимние месяцы. Но с увеличением снегового покрова и одновременно с усилением морозов лоси вынуждены были подтягиваться к хорошо освоённой человеком пойме большой реки. Я же наоборот, как только в зимнем небе в полдень вместо одного солнца над горизонтом появлялось три-четыре, а то и пять-шесть солнц одновременно, прекращал активную охоту на пушных зверушек. Появление множества ложных светил было первым свидетельством того, что температура окружающего воздуха опустилась ниже сорока пяти градусов по шкале Цельсия и что не за горами шестидесятиградусные морозы, выдержать которые в морозобойной яме, которую представляла из себя облюбованная мной котловина, было чрезвычайно трудно.

В такие морозища становится хрупким металл, с трудом воспламеняется бездымный порох типа «Сокола» или «Барса». Вместо полноценной стрельбы могут получиться хлопки или затяжные выстрелы, когда свинцовый снаряд выплевывается в снег на несколько метров от стрелка, а из ружейного ствола выбрасывается облачко зелененького несгоревшего пороха. К началу таких морозов лучшим

действием было попросту убраться из угодий и на полтора-два месяца оставить в покое всю местную живность.

На следующее утро тайга снова подала голос в трехстах метрах от избушки. Я оставил недопитый чай, сыпанул в карман куртки несколько дробовых патронов и двинулся на зов охотницы. При моем приближении лайка грамотно переместилась на другую сторону облаянного дерева, стараясь тем самым не мешать моим действиям и в то же время постоянно держать в поле зрения затаившегося в прозрачной листвяной кроне зверька.

После хлесткого выстрела белочка сорвалась с вершины и, кувыркаясь, полетела вниз. Она судорожно цеплялась скрюченными когтистыми лапками за тонкие и гибкие концевые веточки, замедляя тем самым свое приземление. В конце концов это произошло. Стремительно подскочившая к ней лайка должна одной точной и безжалостной хваткой умертвить жертву и передать ее мне. Так заведено давно, это тысячелетняя целенаправленная выучка, результат искусственного отбора, и еще долго такой порядок вещей будет существовать.

Но пушистый зверек умеет бороться за свою жизнь. Он ловко увертывается от собачьих зубов, быстро проскальзывает между ног обескураженной тайги и подбегает ко мне. Из последних сил она вцепляется в суконные штаны, затем в полы куртки и взбирается на мое плечо.

Лайка не решается хватать зверька, пока тот карабкается по моей одежде. Более того, она с явным удивлением переводит взгляд своих выразительных глаз с белки на меня и обратно. Зверек пристраивается у самого моего уха, сжимается в комочек. Я вижу его глаза, в них уже гуляет смертельная истома, но зверек все еще держится. Он не признает во мне врага, наоборот, ищет вблизи меня последнее убежище, спасение. Эта сцена заставляет жаться

от накатившего чувства жалости все мое существо.

«Все! Хватит с меня. Завтра ухожу домой», – вдруг неожиданно, как-то само собой созревает решение. Пятьдесят белок, один соболь, рябчики, куропатки, зайцы и глухари стали моими трофеями за неделю чистого промыслового времени, без учета непроизводительных его затрат на заброску, заготовку дров, передышки между выходами на путики и обработку трофеев. Неплохой результат. Мои показатели значительно лучше, чем у соседей, но у тех все еще впереди. Нагонят.

Я же твердо решил оставить на некоторое время в покое местные таежные уголья. Очень скоро по большим снегам должны подтянуться мои знакомые сохатые, и я питаю надежду в следующей свой приход увидеть возле старого, вросшего в землю зимовья свежие лосиные наброды. И неизвестно, обрадуюсь ли я, когда, что вполне вероятно, увижу в одном из волчьих капканов закоченевший трупик разбойницы росомахи. Может, оставаясь живой, самим фактом своего существования она доставляет мне большую радость, а местные таежные урманы становятся от кипящей в них жизни еще более интересными и заманчивыми? Скорее всего, именно так и есть.

По следу пещерного медведя

Осень в местные горные плато приходит всегда на месяц, а то и на полтора раньше, чем в широкие долины вытекающих из них северных рек. Основательный, покровный снег в верховьях крупных водостоков частенько начинает белеть уже во второй и третьей декадах сентября.

Самое интересное время для полевой исследовательской работы. Не только потому, что отсутствует докучливая мошкара и солнце не жарит, как в летний знойный день. В эти дни еще не залегли в берлоги медведи. Выбегают погреться в лучах светила суслики и сурки. Активно заготавливают на зиму корма пищухи и бурундуки.

Все, кому предстоит переживать суровую зиму, впадая в спячку или неглубокий зимний сон, и те, кому этого делать не нужно, всеми доступными способами готовятся встретить лютые морозы и глубокие снега. Отъедаются орехами, ягодами, грибами.

Кому повезло жить, хотя бы некоторое время, вблизи нерестовых речек разнообразят свою нехитрую диету рыбными деликатесами. Более или менее крупные хищники не прочь поохотиться и на серьезную дичь. Их добычей становятся разжиревшие на зеленых кормах снежные бараны, дикие и домашние северные олени, а иногда даже гигантские северо-восточные лоси Бутурлина.

И травоядные, и хищники много перемещаются – исследуют все доступные пространства. Конечно, на первом

месте разведка пищевых ресурсов. По возможности кормные места или даже обширные территории вокруг них животные с развитым собственническим инстинктом, а таких абсолютное большинство, пытаются закрепить за собой, определить право единоличного или хотя бы приоритетного пользования жизненно важными ресурсами.

Ясно, что активные, масштабные перемещения крупных и не очень животных оставляют после себя массу самых разнообразных следов и свидетельств. Поэтому, проникнув на заселенную давно непуганым зверьем территорию, можно многое узнать о жизни местных обитателей – вплоть до того, что происходило в конкретном урочище месяц, а то и три назад. Все это лучше, интереснее, чем самый захватывающий детектив или фантастический блокбастер.

Разумеется, чтобы видеть, слышать и понимать эту самую живую из живых летопись, нужно быть подготовленным, то есть долго и упорно учиться. Дипломы даже о самом высшем образовании могут котироваться здесь лишь как справки о неполной и самой средней школе.

В этот раз к подножию перевального гольца подвзвивший меня внедорожник подошел на два часа позже обычного. Без всяких расчетов было ясно, что к месту первой ночевки на пути в дальние, самые недоступные и всегда интересные мне территории подойду только к середине ночи.

Перспектива ходьбы в кромешной темноте, по бесконечному кочкарнику, избилующему гнилыми, не замерзшими еще болотинами радовать даже заядлых любителей пеших походов не может.

Но чем отличается опытный полевик от новичка или притякого и амбициозного дилетанта – тем, что даже малейшего намека на жалобу или какую-либо мученическую обреченность в глазах на предстоящие и часто немалые тяготы узреть бывает невозможно. Напротив, трудности за-

каляют характер, тренируют тело, укрепляют дух. Поговорка «В здоровом теле – здоровый дух» как нельзя кстати.

У самого подножия огромной и голой сопки протянулась узкая звериная тропиночка. Когда ее протоптали олени, лоси и медведи? Даже приблизительно определить сложно. Она то теряется ненадолго, то снова вырисовывается на пути ходока.

По ней я углубляюсь в небольшое, закрытое с трех сторон высокими и крутыми склонами гор ущелье. По дну этого каньона, в благостной тишине несет свои воды к далекому Ледовитому океану маленький ручеек. Перед тем как основательнейшим образом попотеть во время затяжного восхождения в горные тундры, которые в виде широких мохово-травянистых плато или просторных и пологих склонов раскинулись по всему водораздельному хребту, я обычно сбрасываю на мшистом бережку поклажу и с удовольствием, вволю напиваюсь живой водицы. Почему она живая? Видимо, потому что проистекает из небольшого сереброрудного месторождения.

Яркая охра лиственничной хвои, изумрудная зелень собирающихся в крутые склоны куртин кедрового стланика и цвета чистой бирюзы небеса окружили меня, когда я вышел к месту крайней остановки перед броском наверх.

Минул раскидистую, довольно низкорослую лиственницу перед поворотом тихого ручья. Оглядел ее сверху до низу. Битая заморозками хвоя уже начала стекать с деревьев, и я опасаясь затронуть нижние ветви каркасом станкового рюкзака – могут густо осыпать хвойной мишурой.

В пятнадцати метрах за ней другая, не менее ветвистая листвяшка, к которой я уже подошел, чтобы сбросить нелегкую ношу, когда за спиной, совсем близко услышал звуки токования тундряной куропатки. Конечно, даже не видя куропача, догадался, что сидит он на той самой листвяжине,

под которой я прошел всего несколько секунд назад. На дереве не было никакой птицы! Откуда она там взялась?

Сбросил на мягкий моховой покров тяжелый рюкзак. Положил рядом карабин и спокойно, как ни в чем не бывало напился ледяной воды. Куропач все токует. Более того, в трехстах метрах от него, в устье другого, еще меньшего ручейка затоковал второй петушок. Мой токовик ответил ему еще более азартными:

– Кр-р-ры, кур-р-ры.

Почему токуют осенью, в погожие деньки самцы тетеревов, глухарей, куропаток? На это есть несколько версий, и каждая из них может быть хорошо обоснована. Скорее всего, все они в разной степени и в различных ситуациях отражают истину.

Для меня же неожиданная материализация дичи чуть ли не на моих собственных плечах означала явный знак удачи в уже начатом походе. «Надо брать птичку – неспроста все это».

Не поднимаясь на ноги, на руках и носках сапог, как комодский дракон, подползаю к карабину. Снимаю его с предохранителя и только после этого начинаю внимательно осматривать восседающую в гуще верхушечных ветвей тундряную куропатку.

Картинка очаровывает, даже жалко губить куропача. Ослепительно белая птица в желто-оранжевой гуще хвои на фоне пронзительно голубого неба соперничает яркостью своего наряда со столь же сверкающей чистотой вершины соседнего гольца.

При этом птица явно любит себя, как Нарцисс из античного мифа. Кто бы мог подумать – даже куропаткам чувство прекрасного не чуждо.

В патроннике боеприпас с тяжелой экспансивной пулей. Менять ее на более подходящую остроносу и легкую

уже нет возможности. Стрелять в туловище никак нельзя – разорвет на мелкие части. На ужин не останется ни одного приличного кусочка – только ворох посеченных перьев. Поэтому целюсь не в куропатку, а в сучок, на котором она сидит. Жертва должна погибнуть от осколков металла и древесины, задев которую свинцовая пуля взорвется.

Хлесткий выстрел разрушил идиллию. Вверх и в стороны взметнулось большое белое облачко. Но я все же успел заметить, как куропач, очевидно, уже бездыханный, камнем плюхнулся в куртину багульника под лиственницей. Но откуда столько перьев? Куда же все-таки угодила пуля?

Последние из перышек еще витали в воздухе, когда я уже стоял под деревом и рассматривал несчастного петушка. У того отсутствовала нога. Ее попросту распылило на десятки метров позади листвяшки. Перья тоже оказались большей частью посечены на мелкие части. Все остальное в полной сохранности.

Другой токовик после короткого молчания снова и с еще большей силой продолжил свою песню, явно ободренный выстрелом в стороне соперника. Разбираться со вторым куропачом не было ни желания, ни времени, и отсутствовала к тому же всякая необходимость в этом.

Четыре крутых подъема сменились длинным, затяжным спуском по полям небезопасных для пешего путешественника «живых камней» сланцевых россыпей. На всем пути, порой в самых неожиданных местах встречались маховые и контурные перья тундряных и белых куропаток.

Все говорило о том, что на этом локальном участке горных тундр и редколесий разбойничает какой-то крупный и очень умелый пернатый хищник. Возможно, что даже целая семья разбойников промышляет здесь.

Обычно птичьи перья быстро растаскиваются мелкими зверушками и пташками. Вся живность хорошо осведомле-

на о том, насколько ценным строительным материалом и прекрасным утеплителем жилищ являются такие неизбежные отходы охотничьей деятельности пернатых хищников.

Пухом и перьями часто утепляют свои гнезда мелкие вьюрковые и воробьиные. Не упускают возможности обзавестись перинами полевки и землеройки. Кстати, первые к мышам не относятся – полевки, а видов их много, принадлежат к более высокоорганизованной группе грызунов – хомячковым. Суслики, пищухи, бурундуки также не гнушаются утеплять свои гнездовые камеры перышками перелинявших или погибших птиц.

Причина такого изобилия неприбранных перьев выяснилась быстро, в эту же ночь. К середине ее с большими трудами пробился через крайне неудобный для ходьбы болотный кочкарник. Легко отыскал обычное место стоянки. Только во второй половине ночи развел костер, наготовил для ноги дров, принялся за запоздалый ужин. И лишь к этому времени начали раздаваться голоса самцов белых куропаток. А птицы эти весьма голосистые – в весеннюю пору бывает так, что даже очень усталому путнику не дадут заснуть.

Поначалу только в глубине леса. Затем один из них разразился оглушительной барабанной дробью в двадцати шагах от яркого ночного костра. Куропач пришел пешком, причем издалека. Чуть позже было слышно, как он совершает короткие и очень осторожные перелеты по хорошо известному ему маршруту.

Стало ясно, что всю местную живность, не только пернатую, надо отметить, терроризирует семья ястребов-тетеревятников. В условиях горных редколесий и низкорослых кустарников этот ловкий хищник превращается в настоящего пернатого терминатора, убивающего не только охотничью добычу, предназначенную для пропитания, но и более слабых конкурентов.

Несколько раз приходилось находить трупы болотных сов, некрупных неясителей, принявших смерть от длинных и острых когтей тетеревиатников. Последние не собирались не только съедать пойманных конкурентов, они даже не пытались ощипывать их. Очевидно, потому что другой живности было в избытке. Временно, конечно. Как только пищи становится недостаточно для прокорма потомства, хищники либо перестают размножаться, либо меняют место своего пребывания.

Понятно, что самым главным и опасным конкурентом ястреба всегда является человек. В нашем случае я тоже не обрадовался тому, что даже глухой, абсолютно темной ночью пернатая дичь опасается покидать свои укрытия.

Следующие два перехода были значительно менее уютными. Местом базового лагеря был выбран берег крохотной речушки, протекающей уже за следующим небольшим водораздельным хребтом. До него, кроме оленеводов, мало кто и в советские-то времена добирался.

В первый же вечер за три часа до заката решаюсь проинвестировать разведку ближайшего к стоянке гольца. Всюду изобиловала дичь. Подтаявший снег испещрен следами зайцев, горностаев, соболей, строчками полевок. Через каждые полкилометра поднимается очередной выводок тундряных и белых куропаток. И те и другие уже начали собираться в крупные, пока еще в тридцать-пятьдесят птиц группы. Чуть позже некоторые из них объединятся в огромные – по пятьсот, а то и по тысяче голов стаи.

Разумеется, не дремлют и желающие полакомиться их плотью хищники. На моих глазах пара огромных, с размахом крыльев значительно более двух метров камчатских беркутов охотилась сразу на несколько стай тундряных куропаток.

Поочередно преследуя то одну, то другую стайку бело-

снежных птиц и не добившись никакого результата, орлы устало садились на вершины сухих лиственниц и подолгу отдыхали. При этом некоторые группы куропаток разбивались на еще более мелкие табунки, очевидно, состоящие уже из членов одного выводка, и разлетались в разные стороны.

Одна такая семейка перелетела лесистый каньон и приземлилась в паре сотен метров впереди и чуть ниже меня. Я уже двинулся к ней с намерением составить конкуренцию беркутам, когда справа, совсем рядом со мной появился какой-то темно-серый сокол.

Благородный охотник не обгонял меня и не отставал. Видно было, что сильный встречный ветер не только поддерживал раскинувшего крылья хищника, но и помогал ему двигаться вперед. Причем ровно с такой скоростью, с какой перемещался по каменистому гребню гольца с карабином через плечо его двуногий собрат. Сокол был явно знаком с ружейной охотой, то есть прошел хорошую школу охоты в тандеме с человеком. Это было очевидно. Чаще всего в таких охотах используется сокол балобан. Легче переносит жару Средней Азии и Ближнего Востока, проще обучается и не сильно тоскует по свободе.

Поначалу я принял его именно за сбежавшего – или полувыведенного, что вероятнее всего, «вольную» от хозяина – балобана. Его охотничий век тоже не очень долгод: как только начал стареть, слабеет или попросту лениться, человеку, использующему его скоростной полет, ничего не остается, как отпустить его на волю. Конечно, с благодарственными словами и признательными чувствами напоследок.

Однако, присмотревшись, я сделал вывод, что этот сокол не кто иной, как некрупный южносибирский кречет – шахин. Видимо, тоже беглец или «вольнотпущенник», возможно, также немало лет охотился в компании с человеком. Пернатый охотник ищет родственную бродяжку

душу, и я поприветствовал его свободной рукой.

Минуту спустя вышел на край круто идущей вниз каменной россыпи. За ней чуть ниже и совершенно открыто, без каких либо движений сидят прилетевшие ранее куропатки.

Мне интересно: сокол понимает, что для атаки сверху вниз позиция идеальная, но воспользуется ли он ею? Осторожно, без лишнего шума и суеты начинаю спускаться по «живым» камням с единственной целью – спугнуть выводок и тем самым заставить их подставиться под удар сокола. Что легко удастся. Пять куропаток уже в полете. Не спеша расходятся веером и так же неторопливо переходят в медленное, затяжное планирование на противостоящий склон соседнего гольца. Сокол даже бровью не повел. Поднятая на крыло пятерка куропаток почему-то с самого начала не интересовала его. Казалось бы, уже обреченные птицы сразу почувствовали это и, соответственно, не проявили ни малейших признаков страха.

Эта ситуация высвечивает интереснейший момент: сокол умеет считать, во-первых. Во-вторых, пернатый хищник – рачительный хозяин и, что кажется поначалу невероятным, милосердный охотник. Отказался атаковать неполный, уже понесший потери выводок тундряных куропаток, а его появление вблизи последнего – не более чем патрулирование и защита своих охотничьих угодий от посягательств конкурентов.

На обратном пути, на заснеженном склоне, прямо по моему ходу заметил свежайшие следы поимки этим шахином молодой куропатки из куда более многочисленного выводка, чем предыдущий. Слегка оципаный, уже обезглавленный куропаченок лежал на пригорке возле моих ног. С грудинки был сорван крохотный кусочек мяса – снял пробу и оставил в качестве презента. Кому? Можно удивляться, но, кроме автора этих строк, в ближайших окрест-

ностях и на много километров вокруг никого не было.

В этот вечер закатное светило имело очень странные отсветы. Все видимые ближние и дальние скальные обнажения и горные хребты окрасились в багровые, кроваво-красные с лиловыми оттенками цвета. Небо обрело темно-синие, свинцово-серые тона.

Вся картина имела тяжелый, психологически крайне некомфортный вид. Добавить ко всему этому промозглый, пронизывающий все одежды арктический ветер – ледовое дыхание недалекого Полярного океана – и желание поскорее спуститься к берегу ручья, под защиту горной гряды и полосы низкорослого леса становится неодолимым. Пожалел лишь о том, что в эти мгновения в моем рюкзаке отсутствовал фотоаппарат.

Перед рассветом проснулся не оттого, что потух костер и стало холодно в легком спальнике. С этим как раз бывает все в полном порядке – дрова горят сверху и сбоку крупных уплощенных камней, выполняющих роль аккумуляторов тепла. Разбудили огромные, с большой палец величиной снежинки. Они густо и круто планировали под брезентовый полог, прямо на лицо. Радоваться или огорчаться такому обильному и, видимо, продолжительному снегопаду – я еще не знал. Если снега навалит выше колена, то придется в первые сутки после снегопада вырываться, причем в максимально короткие сроки, из горной ловушки, в которой по собственной воле оказался. Но если осадков окажется чуть выше щиколоток, то не менее чем на одну-полторы недели предоставится чудесная возможность поохотиться по свежему снегу.

Уже на рассвете встрепенулся от разом охватившего меня безотчетного чувства тревоги. Стало казаться, что кто-то очень внимательно наблюдает за мной. Я тут же меняю магазин в карабине. С нарочито громким лязгом пере-

дергиваю затвор. Теперь в патроннике первым патроном и, соответственно, выстрелом будет разрывная пуля. Она, как правило, не убивает крупного зверя, но на несколько драгоценных мгновений оглушает его и вызывает болевой шок. Иногда даже весьма приличного медведя выстрел с близкого расстояния попросту сбивает с ног.

Следующие пули – со стальным сердечником в свинцовой оболочке, они довершают дело, так как обладают выраженным бронебойным действием. А более удлиненная форма корпуса при малейшей встрече с твердыми препятствиями выводит пулю из состояния динамического равновесия. Смертоносный кусок металла меняет направление движения, кувыркается внутри тела животного, что приводит к появлению несовместимых с жизнью повреждений даже при не очень удачных попаданиях.

Конечно, все относительно. На кого охотник нарвется – есть экземпляры вообще не чувствительные ни к болевому шоку, ни к тяжелейшим повреждениям жизненно важных органов. Элемент везения, удачи всегда присутствует в зверобойном деле – на то она и охота.

Когда стало достаточно светло, обследовал подступы к лагерю. Причина ночной тревоги выяснилась быстро. К стоянке с наветренной стороны подошла росомаха. Услышала треск ночного костра или увидела в ближайших кронах лиственниц редкие отсветы слабых всполохов пламени. Некоторое время она пыталась выяснить, кто впереди. Долго стояла на задних лапах. Даже подпрыгивала на них, желая рассмотреть или унюхать что-либо сквозь кустарник. Еще сутки назад все это было ей по силам. Но в эту ночь все до последней веточки кустарников и деревьев оказались облеплены влажным снегом, и перед хищницей предстала сплошная белая стена.

Звон железа открыл ей истину. Без видимых признаков

испуга зверь побежал обратно и в сотне прыжков по ходу следа свернул с тропы и обычным своим аллюром двинулся в очень крутой склон сопки. Прямо в лоб – завидная сила и выносливость. Росомаха попросту обежала опасное место на своем пути и продолжила путь к какой-то ей только известной цели. Было ясно, что это разведчица и где-то неподалеку должны быть и другие росомахи.

К обеду снегопад почти прекратился, но небосвод по-прежнему был затянут плотными снеговыми облаками. Но я решил воспользоваться даже такой возможностью для исследования окрестностей.

В горных тундрах на высоте почти в полтора километра над уровнем моря снежная целина была нарушена многочисленными заячьими набродами. Вскоре были обнаружены следы зверей, увидеть которые я меньше всего желал бы. Лапы трех рыскающих по сопкам взрослых росомах прочертили дорожки в обычном для них стиле облавной охоты.

Но совсем не зайчики их интересовали. Конечно, придет время, и с зайцами-беяками начнут, причем без особого труда, разбираться. Но в этот момент разбойницы нацелились на снежных баранов. Иногда, когда очень повезет, хищницы ловят вполне здоровых рогачей. Но чаще ими добываются подранки или находятся трупы уже издохших по разным причинам зверей. По большей части это оказываются огнестрельные ранения.

Кто может оставлять, причем в большом количестве за раненных животных в самых отдаленных уголках, почти недоступных для пеших охотников? Куда даже вездеходы не всегда решаются гнать – так сложны дороги и высока стоимость топлива и запасных частей.

В воровские девяностые и на рубеже веков устраивали себе воздушные сафари все, кто имел доступ к винтокрылым машинам или кто мог раскошелиться на воздушного

извозчика. Результаты такого безобразия будут сказываться около четверти века. Так было после гражданской войны, в чуть меньшей степени после Второй мировой войны.

Развал некогда могучего государства имел последствия губительные даже для дикой природы, сравнимые с последствиями мировых войн.

Невероятно, но даже волки не выдерживали такого тотального свинства. Часть уходили из родных мест, оставшиеся переставали размножаться. Почти всегда они брезговали оставшимися после воздушных налетов подранками и трупами продырявленных сверху вниз копытных. Волки хорошо понимали, что следующими на очереди являются именно они.

Зато менее привередливые росوماхи имели все возможности попировать и довольно долго. Для них это была пусть «пиррова», но все же победа. Через несколько лет их ожидал еще более голодный паек, чем раньше. В подобные времена в дикой природе начинают исчезать даже почти совсем истлевшие, покрытые плесенью кости животных, которые никогда до этого не привлекали даже самых голодных волков и росомах.

Наблюдая подобные трагедии, которые, кстати, в глубокой древности уже по природным причинам происходили и регулярно повторялись в гигантских, континентальных масштабах, легко понимаешь, каким образом так называемые «высокоспециализированные» хищники обретали свои «специально хищнические» зубы. С рассеканием мышц и вообще с мясной диетой их появление никак не связано. Прекрасный пример того, как умение правильно наблюдать, строго мыслить помогает разбираться с псевдонаучными мифами.

На обратном пути спустился в соседний, чуть более лесистый ручей. Сразу наткнулся на большой выводок не пу-

ганных еще охотниками рябчиков. Птицы при моем приближении поочередно вспархивали на нижние ветви лиственниц и подпускали к себе буквально на расстояние вытянутой руки. Чтобы добыть на ужин три рябка, пришлось отойти на двадцать шагов назад, иначе скоростная пуля может разнести дичь на мелкие куски. Бедняжки такого отношения к себе никак не заслужили.

Уже на подходе к лагерю замечаю знакомого сокола. Тот так же летит в сторону моей стоянки, вертит головой во все стороны. Явно ищет меня. Замечает. Делает круг надо мной. С набором высоты уходит в сторону недалекого хребта. Закладывает еще один круг, как бы приковывая к себе мое внимание. Кречета становится уже плохо видно, боюсь потерять его на большом удалении. Поэтому вынимаю из рюкзака свой двадцатикратный бинокль и продолжаю следить за ним.

Под самым облаком, почти растворившись в белой пелене, тот совершает еще один круг и уходит в пологое пикирование. Точно над поросшей лесом седловиной исчезает за хребтом. Что бы это значило? Птица целенаправленно указала мне на это место.

К середине ночи снова начался обильный снегопад. И так же с началом следующего дня он почти полностью прекратился. Сквозь облака стала проглядывать небесная синева.

Какой-то не в меру любопытный зайчишка подбежал ночью вплотную к кострищу и потянул цепочку следов к горным отрогам. След был такой четкий и свежий, что я не удержался, отложил все работы по заготовке дров и благоустройству лагеря, схватил оружие и побежал тропить беляка.

Ушастый зверек сделал несколько сдвоек с последующими скидками и двинул на дневку в обширные заросли березы Миддендорфа. Здесь я его быстро достану – кустарник именно в этом месте рос не густо и был очень низ-

корослым. Так мне казалось поначалу – полдня ходил за ним и всего два раза увидел его, не спеша перебегающего небольшие полянки, но выстрелить, конечно, не успевал. Все-таки не дробовик в руках.

Пытался разного типа свистом остановить его на открытом месте, но тот и не думал останавливаться и подставляться под пулю. Когда заяц пошел на третий круг по уже пройденным следам, стало ясно, что этот «братец кролик» умеет водить за нос любых охотников. «Несолоно хлебамши» делаю осторожную скидку с заячьего следа и выхожу на край редколесья – пусть теперь думает, куда подевался его мучитель.

Случайно бросив взгляд на недалекий теперь горный хребет, замечаю трех снежных баранов. Черные на совершенно белом фоне толстороги были больше похожи на картинку художника-сюрреалиста, чем на сцену из реальной жизни. Два из трех чубуков неотрывно смотрят вниз, в

мою сторону. Возможно, давно наблюдают за моими «заячьими» маневрами и не могут понять, кто там и для чего перемещается, опасен ли он. Третий рогач спокойно копытит корневища многолетних растений, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг него.

Принимаюсь через стекла бинокля рассматривать зверей. В этот момент появляется окно в тучах, прямо напротив солнца. Не обращая внимания на прямые солнечные лучи, продолжаю водить биноклем, не пытаюсь затенить его объективы ладонями. И совершенно напрасно.

Как только два взрослых, опытных, стрелянных из всех калибров сверху и снизу снежных барана заметили слабый световой блик от стекол бинокля, моментально сообразили, кто именно перед ними маячит. Встрепенулись и в несколько быстрых прыжков, на ходу построились в походную колонну. Ступая след в след, почти синхронно, как солдаты на плацу, двинулись к уже знакомой седловине.

– Ай да сокол. Ну молодец! Вот что он показал. Звериный лаз – место, где часто преследуемые животные имеют возможность скрытно от глаз охотников и врагов преодолевать опасные участки на пути их движения по местам сезонных биотопов.

Конечно, вид всего трех чудом оставшихся в живых рогачей вместо обитавших здесь недавно двух десятков восьми-, а часто и четырнадцатилетних, элитных во всех отношениях красавцев вызывал в душе лишь чувство жалости и досады за некомпетентность и беспринципность тех, кто в девяностые и на рубеже веков принялся всеми доступными способами уничтожать сухопутные и водные биологические ресурсы. Вертолетные пулеметно-пушечные налеты стали настолько частыми, массированными, что выжить зверю крупнее лисицы стало очень сложно.

Меня не отпускает вопрос – почему кречет принялся по-

могать мне? Возникло много версий. Первая, самая правдоподобная заключается в том, что хищник, долгое время охотившийся с человеком, поневоле становится более социальным животным, чем бывает в дикой природе. Другая, тоже интересная мысль предполагает, что пернатый аристократ решил попросту разделить возможную добычу. Для него самого птички – рябчики, куропатки. Для меня все, что покрупнее и на четырех ногах. В обоих случаях сокол проявляет недюжинные интеллектуальные и духовные способности, явно и значительно недооцененные людьми.

Снова полетели крупные белые хлопья, подул сильный ветер, все вокруг погрузилось в непроглядную снежную кутерьму. Ничего не оставалось, как возвращаться в лагерь и заниматься остаток дня заготовкой дров. По всему было видно, что если снегопад продолжится хотя бы ближайшие двое суток, на обратном пути придется пробиваться сквозь глубокие сугробы.

На следующее утро ветер, как по заказу, стих настолько, что падающие на ветви деревьев и кустов снежинки, налипая на них, превратили все окрестности в гигантскую белую сказку. Этот праздник природной фантазии никак меня не радовал. Пройти сквозь низкорослый и небольшой по площади кустарник и не вымокнуть до последней нитки было практически невозможно – влажный снег таял на одежде.

Как только снегопад прекратился и даже солнышко стало изредка заглядывать в просветы между туч веселым и теплым оком, я резво бросился в разведку по ближайшим хребтам. Нужно было хорошенько осмотреться и с вершин гольцов оценить опытным взглядом, насколько будет выбираться из снежной ловушки.

Подобные моменты в полевых исследовательских маршрутах случаются регулярно. Главное, даже тогда, когда бывает очень трудно, не паниковать – выход, в большей

или меньшей степени приемлемый, всегда найдется.

Взобравшись на перевал, я пересек совершенно лишнюю какой-либо растительности долину горной речушки. Попытался с ходу штурмовать вершину отдельной, совсем лысой сопки – снег с нее сдут значительно более сильными ветрами, чем те, что дуют на ближних к лагерю горах. Здесь они имели строго южное направление, и казалось, что с просторов необъятного Ледовитого океана воздушные потоки неслись, не встречая никаких препятствий. При этом только набирая силу ледяного дыхания.

Зато голые гребни и вершины сопки были очень удобны для передвижения по ним. Можно было подробнейшим образом осмотреть сквозь линзы бинокля как ближние, так и самые дальние подступы. Увидеть то, что творит арктический циклон в местах, отстоящих от меня на пятьдесят-шестьдесят километров. При этом самым серьезным образом обдумать ситуацию и подсчитать, хотя бы примерно, сколько дней я еще могу побродить в горном краю без опаски остаться здесь навсегда.

По поводу продуктов питания какие бы то ни было опасения отсутствовали совершенно. Бывает часто, когда заканчивается принесенный с собой харч, приходится переходить на «подножный корм». В эту осень было изобилие выводков белых и тундряных куропаток. По бесчисленным, густо заросшим поймам ручьев и речек прятались семейки непуганых, никогда не видевших человека рябчиков. Иногда пробегали гонимые волками, росомахами и, к сожалению, воздушными браконьерами северные олени, лоси и снежные бараны.

Патронов в такие выходы приходится брать с избытком. Относительно дешевых, но «короткобойных», то есть таких, качество которых таково, что лучше не пытаться добывать серьезного зверя с приличного расстояния. Прихо-

дится подкрадываться к ним практически в упор, чтобы уложить зверя в лучшем виде и в нужном месте.

В противном случае может быть подранок, что уже означает неизбежную погоню охотника за ничем не заслужившим таких мучений животным. Добытчик при этом сам легко становится, и совершенно справедливо, законной добычей хищника.

На крупного, почти всегда опасного, зверя приходится искать специальные, куда более дорогостоящие боеприпасы, беречь их, расходуя лишь в случаях необходимости. Запасной магазин с «матчевыми» патронами всегда носится во внутреннем кармане – в тепле.

Пришлось остановиться на полдороге. На голые камни, на которых даже лишайники не хотят расти, кроме самых примитивных, конечно, налетело густое облако и закрыло белой ватой добрую треть гольца. Осматривать окрестности возможно стало только со склона на подступах к вершине.

То, что открылось перед моим изумленным взором, заставило крепко призадуматься. Большая часть прилегающих территорий находилась во власти уже вполне зимнего ненастья. Здесь бушевали метели, мела поземка, было, судя по всему, очень холодно. В другой части, значительно меньшей, было ясно – горные склоны ослепительно сверкали белыми снегами. Здесь властвовала теплая погода – ленточки лиственничного леса и огромные массивы кедрового стланика освободились под лучами светила от снежного покрывала. Жизнь в этих местах снова была ключом.

Каким боком накроет меня циклон в ближайшие сутки, предугадать было сложно. Конечно, всегда нужно быть готовым к худшему. В моем случае это означало, что нужно отыскать место, защищенное от сильных ветров, при дополнительном условии – там должно быть достаточно дров для ночного костра.

Основательно продрогнув в легкой охотничьей куртке, спешно, своим следом двинулся ко временной стоянке на берегу веселого горного ручейка, на ходу обдумывая один вариант за другим – куда можно было бы спрятаться от рано и, как часто шутят над коммунальщиками, неожиданно нагрянувшей зимы?

В момент, когда уже преодолевался водораздельный хребет, вдруг выглянуло яркое солнышко. Развернувшаяся впереди картина стала значительно более четкой. На снежном полотне проявились не только заячьи и куропа-точьи наброды, но и строчки полевков, землероек, а также следы предрассветных охот на них сов и неясителей.

Случайно бросив взгляд вправо и вниз, на мгновение окаменел от неожиданности – по крутому склону со стороны отрогов самой большой в этой местности горы протянулся свежайший и вполне человеческий на первый взгляд след.

Кто бы это мог быть? Зэк, сбежавший из тюрьмы, воспользовавшийся непогодой для того, чтобы замести следы и оторваться от погони? Заблудившийся турист-экстремальщик сумел взобраться на каменистые склоны глубокого ущелья с противоположной стороны этого гольца?

Тот и другой представляют сейчас собой не более чем полуобмороженный кусок живой плоти, с трудом передвигающий свои еле живые ноги. В любом случае придется все бросить и забыть, чтобы тащить бедолагу за более чем полсотни километров к федеральной трассе. Это означает – рушатся как карточные домики, тают, как ледяные дворцы в жаркое лето, все мои исследовательские и охотничьи планы на эту осень. Человеческие глупости, некомпетентность дорого обходятся окружающим.

Сделав несколько десятков шагов, снова поднимаю к глазам бинокль. На этот раз прослеживаю следовую до-

рожку до самого верха, где вижу несколько огромных, только что вывороченных скальных обломков. Возникает вопрос: каким большим и сильным должен быть беглый ээк или заблудившийся турист, чтобы справиться с ними?

Ответ приходит сам собой – это йети, алмасты, бигфут, снежный человек или, еще проще, «чума двадцатого века» из известного литератураторам «Созвездия Козлотура».

Два этих явления объединяет один человек, в разных качествах, конечно. Однако как феномен зоологический – вечная и почему-то не осуществляющаяся мечта крипто-зоологов просвещенного века.

Казалось бы, те сотни и тысячи свидетельств и очевидцев давно должны были снять вопрос о существовании реликтовых гоминоидов – их наличие определено логикой эволюционного процесса. Конечно, если последнюю правильно понимать. Пора уже ставить вопрос о статусе этих представителей большого и древнего ствола двуногих приматов. Сюда следует отнести многочисленные исторические свидетельства из разных стран. Действительно, невозможно представить, чтобы крестьяне в немалом числе ловили и заставляли работать покрытых волосами двуногих существ и при этом могли бы спутать их со своими безволосыми современниками. Фавны, сатиры, лесные человеки и так далее появились скорее по следам реальных событий.

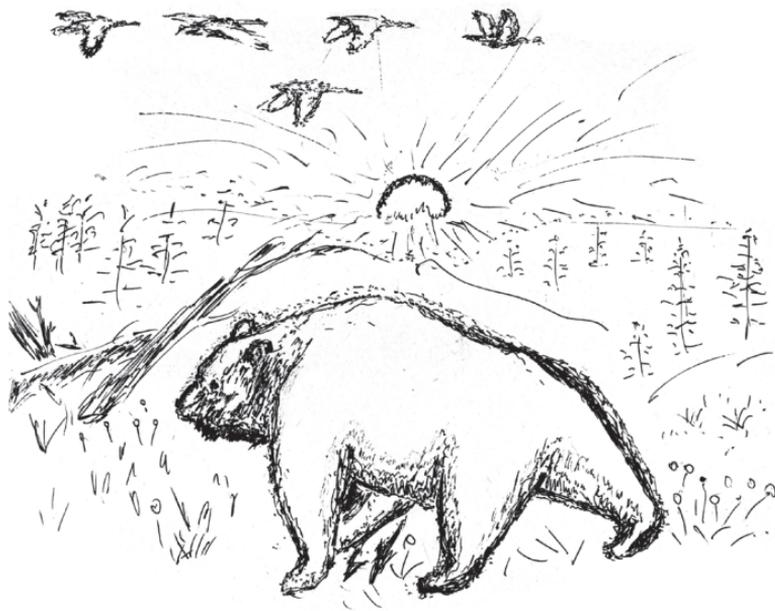
Продвигаюсь еще на сотню шагов и осторожно подхожу к краю пологого возвышения. С него начинается длинный, лишенный растительности спуск. Я опасаясь, что на фоне снега и абсолютно белой ваты облаков за моей спиной темная фигура человека будет замечена моментально.

Существо, спустившееся из окутанного густыми облаками горного кряжа, вышло на мой след и... пошлепало по нему в сторону моего базового лагеря. Сейчас он, наверное, уже там. Хозяйничает.

Я прибавляю шаг с решимостью расставить все по своим местам – «Богу богово, кесарю кесарево», вору ворово, кем бы тот ни был. Десятизарядный карабин придает абсолютную уверенность в споре с оппонентами любой степени волосатости.

Великий уравниватель был сдернут с плеча, снят с предохранителя. Уже появился план, как взять ворога врасплох, без малейших шансов на спасение, когда замечаю, что через сотню метров след пришельца уходит круто в сторону и тянется ко все той же поросшей лесом седловине. Это уже лучше. Теперь я точно знал, кто вышел на мою следовую дорожку. Собственно, за одним из них я и пришел в это место...

Принимаюсь скрупулезно изучать отпечатки медвежьих лап. Делаю множество промеров каждого следа на

протяжении десятков метров. Зверь шел быстро, останавливаясь лишь для того, чтобы прилечь, осмотреться, поэтому отпечатки его следов получались смазанными. Пришлось делать записи параметров более пятидесяти следовых вмятин. Дома будет подсчитано среднее квадратическое отклонение. Посмотрим, насколько статистика достоверно отражает реальную жизнь. Для этого нужно добыть спустившегося из снеговой тучи хищника.

О существовании необычных медведей я знал давно. За пятнадцать лет до этого момента автором этих строк велась работа по новой, значительно более прогрессивной методике исследований. Она позволяет выяснять, причем сразу, многие важнейшие моменты, которые раньше вообще не замечались. Наброды этих медведей отмечались короткий период – в моменты перекочевок с побережий, от нерестовых речек в глубь континента.

Происходило это на другой стороне горного узла, в сотне километров от места нынешней встречи. Сами следы, направления, характер передвижений заметно отличались от таковых других медведей. Теперь оставалось совсем немного – добыть загадочного представителя древних и давно уже вымерших фаун.

Солнце чаще выглядывает из-за белых, клубящихся в вышине облаков. Снег начал подтаивать и опадать сначала с лиственниц и березок, а затем и стланиковые заросли принялись освобождаться от снеговых гирлянд. Нужно было поторапливаться.

Места знакомые, исхоженные вдоль и поперек во время предыдущих поисковых экспедиций и засад. Снежный покров как нельзя кстати. Но в считанные часы или даже минуты могут нагрянуть северные олени или табунок снежных баранов. Вслед за ними здесь окажутся волки и росомахи или, еще хуже, воздушные браконьеры. Попро-

буй после всего этого разобрать, где чей след. Особенно если это приходится делать с расстояния в несколько десятков и даже сотен метров.

Возвращаюсь к лагерю. Забираю имеющиеся в наличии боеприпасы, бросаю в рюкзак топорик и пленочный фотоаппарат. Единственное преимущество пленочных фотокамер – не замерзают батареи питания на морозе, так как их на многих моделях попросту нет. Во всем остальном сплошные минусы.

По обходной дуге преодолеваю гребень перевального хребта и по днищу ручья подкрадываюсь к тому месту, где зверь должен спуститься с седловины. След нахожу сразу, но останавливаюсь в нескольких метрах от него, в густых зарослях.

Зверь может лежать в ближайших куцах лиственничника и держать под наблюдением из-под разлапистых ветвей, а в субальпийском поясе все деревья такие, свой входной след. Медведь идет против ветра. Даже перед самым кратковременным отдыхом оставляет позади себя большие открытые пространства, преодолеть которые незамеченным, особенно когда не знаешь, даже предположительно, где хищник завалился на дневной отдых или передышку, невозможно.

Добыть зверя методом длительного, но примитивного тропления, как это всегда приходится делать охотникам, также не представляется возможным. Зверь уходит заблаговременно и, конечно, незамеченным. Преследователи могут тропить его сутками или даже неделями, но при этом ни разу, даже мельком, не увидят его.

Это очень предусмотрительная тактика умного, способного к глубокому размышлению, умеющего делать правильные выводы из жизненных наблюдений хищника. Иначе и быть не может, так как выживать в течение не-

скольких миллионов лет и при этом быть хотя бы чуточку менее способным, чем он есть, нельзя.

Чтобы не попасть в поле зрения, возможно, уже «окопавшегося» косолапого и не оказаться в струе ветра, приходится делать обходные маневры. Очень осторожно, в закрытых для медвежьего взора местах подходить и удостоверяться в правильности направления хода зверя. Снова закладывать обходную дугу, при этом постоянно контролировать направление ветра, не допуская пересечения линии воздушного потока к медвежьим носовым ходам.

Занятие утомительное и нервное, требующее огромных затрат физических сил и драгоценных минут короткого светового дня. Приходится руководствоваться почти исключительно собственными и практически всегда умозрительными расчетами. Единственный критерий истинности будет найденный в нужном месте и имеющий расчетное направление след реликтового медведя.

Все происходит до тех пор, пока следовых отпечатков в нужном месте не окажется. Это будет означать, что либо зверь сменил направление, либо он остановился на отдых и я его уже обогнал. Теперь как его взять?

Вопрос не праздный. Одно неверное движение, ошибка, потеря контроля ситуации и – все пропало. Все усилия, тяжелейший и рискованный труд пойдут насмарку. Начинать сначала будет вдвойне сложнее.

Мне повезло. Узкая, временами густая полоска леса к вершине ручья исчезала совсем, уступая место низкорослым, но довольно обширным кустарникам. Выше был уже сплошной альпийский пояс с разнотравными лужайками и лишайниковой тундрой, с полями все более увеличивающихся каменистых россыпей. Чтобы перейти в следующий водораздел, зверь должен был пройти через них.

Выбрав место на небольшом возвышении, я залег под

крайним кустом кедрового стланика, за которым только сплошное белое безмолвие. Последнее медленно сгушалось, обрело сероватые и голубоватые сумеречные тона. Солнце стремительно катилось к закату. Через час на землю окончательно спустится ночная мгла. Это означает полное фиаско моего охотничьего предприятия, в течение следующей ночи реликт может переместиться на несколько десятков километров от места дневки. В таком случае он становится практически недосягаем.

Снег подо мной подтаял. Пальцы, накручивающие винт наводки, замерзли и одеревенели, а медведя все нет и нет. С неохотой принимаю решение перейти к единственному в моем арсенале способу – «разведка боем». Либо зверь залег и отдыхает, не подозревая ни о чем, либо изменил направление движения. Что-то заставило его нарушить правило – идти всегда против ветра. Тогда зверь уже пересек мой обходной след, увидев его, обо всем догадался и теперь удирает во все лопатки от этого жуткого места в нескольких километрах отсюда.

Поднимаюсь и, на ходу согревая пальцы, быстрым шагом продвигаюсь к той невидимой линии, которая ведет воздушный поток к входному следу зверя. Дальше ни шагу.

При подходе к ней неожиданно из-под ног вспархивает выводок тундряных куропаток. Испугался не птиц, а шума, который они наделали. Долго стою неподвижно, всматриваясь, вслушиваясь во все, что происходит в чаще леса чуть ниже меня по склону. Противоположная сопка, освещенная солнцем, уже начала обретать красноватые, закатные оттенки. Осенью в горах темнеет стремительно.

Впереди обширная поляна, сплошь покрытая густыми переплетениями стланиковой березы. Худшего препятствия даже для обычного передвижения по ним трудно представить, а тут финальное скрадывание. Идти нужно именно по

ней. Ни одно существо крупнее лисицы не пройдет по зарослям бесшумно. Это физически невозможно.

Но я стараюсь, иду как по минному полю, медленно продвигаюсь к густому лиственничнику на пологом пригорке.

Сквозь стволы деревьев ярко просвечивает освещенный закатным светилom противостоящий склон соседней горы. Несколько веток громко хлестанули по голяшкам резиновых сапог. Очередные, витиевато изогнутые побеги зацепились за полы куртки и так же с шумом отцепились от них.

Спустя секунды после этого на белом с розовыми оттенками фоне, обрамленном к тому же древесными стволами, как в кинотеатре с гигантским экраном, появляется крадущийся медведь. Идет осторожно, но достаточно быстро. Еще чуть-чуть и все – исчезнет навсегда из поля моего зрения. До зверя чуть больше двадцати метров.

Не пытаюсь даже определить, уходит ли медведь, услышав подозрительный шорох, или пытается скрасть меня, я выбираю первый же подходящий прогал в лесной чащобе и выпускаю в убойное место три высокоточные «матчевые» пули.

Еще недавно, до того, как опала листва, и за несколько часов до этого, когда ветви березок были облеплены мокрым снегом, хищник исчез бы незамеченным. То же случилось бы, не будь впереди подсвеченного солнцем фона.

Зверь с редкой для медведей быстротой и гибкостью, в несколько прыжков исчезает за стеной густого кустарника и древесных стволов. После более чем смертельных ранений показать такую прыть мог только действительно выдающийся хищник.

Я быстро сменил магазин на новый, с тяжелыми убойными пулями. Вынул из рюкзака фотоаппарат, повесил его

на шею и, не спеша, часто озираясь по сторонам, выбрался из зарослей на медвежий след.

В месте, где животное было пробито насквозь смертоносным металлом, в снег ударили струи алой, артериальной крови. Любое существо, даже очень крупное, легло бы на месте, как подкошенное, «не ворохнувшись», только не реликтовый медведь.

Белый ковер по ходу зверя окроплен брызгами ярко-красной крови. Из пронизанного солнечными лучами снега они светились драгоценными рубинами. Не наступая на них, продвигаюсь рядом со следом, стараясь даже не закрывать кровавые бусинки своей тенью. В лучах вечернего светила они казались живыми. Более полусотни метров прошел и проковылял в последние свои мгновения этот чудовищной жизненной силы хищник.

Поначалу с большой опаской, затем все смелее обошел добытый трофей по кругу.

Контрольного выстрела не понадобилось. Не столько потому, что мертвое тело лежало без всяких признаков жизни, сколько потому, что сам факт выстрела в животное, до последнего вдоха боровшегося за свою жизнь, было бы непростительным проступком, свидетельством неуважения к зверю и самому себе.

После короткой фотосессии последними кадрами цветной пленки я наконец с замиранием сердца и без особых усилий раскрыл пасть реликта. Не терпелось взглянуть на зубную систему добытого трофея. То, что открылось, заставило в первый момент даже захлопнуть клыкастый рот медведя. Я не верил своим глазам. Такой невероятной удачи, на моей памяти и по всем литературным источникам, не имел никогда и ни один полевой исследователь за всю историю мировой зоологической науки.

Миллионы лет дохнули из окровавленной пасти добы-

того пещерного медведя. Произошедшее было равносильно тому, что где-то поймали самого древнего предкового мамонта или привели на веревочке прапредка шерстистого носорога.

Это был десятый реликтовый медведь, добытый к тому моменту. Самый древний, не попадавшийся палеонтологам в ископаемом виде, и самый «трудо­вой» – взять удалось лишь спустя пятнадцать лет непрерывной охоты на него.

По совокупности признаков его пришлось выделить в совсем другой, самостоятельный род пещерных медведей. Определить его, и легко, позволяет метод аналогий с двумя живущими в Евразии и Северной Америке родами барсуков. На излете миоцена они имели в Евразии своих предшественников и, в некоторой степени, экологических двойников. Этих, более древних барсуков, возможно даже не родственников современным, называли теми же родовыми именами, прибавив к ним приставку «рага». В нашем случае новый, абсолютно самостоятельный род древних медведей получает название *Paraspelearktos* – параллельный, превосходный и превосходящий пещерный медведь.

Все перечисленное, независимо от прямого перевода этого слова, включает в себя название этого древнейшего хищника.

Видовое название подразумевает закодированный образ жизни и место в экосистемах. В результате наблюдений нарисовалась весьма впечатляющая картина. Хищник не задерживается надолго в каком-то, даже очень кормном месте. Его естественный дом – это территория, включающая водосборные площади Северного Ледовитого океана и куда меньшие участки, входящие в водосбор Тихого океана. В древности, конечно, ареал был на порядок обширнее.

Часть лета хищник проводит на нерестовых речках. К середине осени начинает продвигаться к северу, добывая

разжиревших сусликов и сурков, оленей и снежных баранов. К большим морозам останавливается на северных и южных отрогах Черского и Верхоянского хребтов. После долгой зимовки в безлюдных, почти незаселенных районах начинается летний сезон с поедания прошлогодней ягоды, запасов орешков в бурундучьих кладовых, ловли в реликтовых тундростепях молодых сусликов и сурков, подбора погибших в снежных лавинах толсторогов и буюнов.

Умершие от ран моторизованных браконьеров животные составляют, видимо, немалую часть их рациона. Неумелые охотники замещают реликтовым медведям их прежних кормильцев – саблезубых смилодонов, динофелисов, ужасных волков, пещерных и гигантских львов, обитавших в плиоцене и плейстоцене в Евразии и Северной Америке. Конечно, как количество, так и разнообразие травоядных животных на порядки превышало существующее ныне.

В разгар лета хищные реликты появляются вблизи нерестовых речек и цикл их перемещений повторяется снова. Появление дорог, большого числа старательских артелей, геологических отрядов и бригад лесорубов сильно осложняет жизнь хищников. Давно уже существует угроза самому факту их существования.

Но это умные и рациональные звери, которые умеют делать выводы из своих наблюдений за окружающей обстановкой и сумеют перестроить жизнь в сторону меньшего размаха перемещений и компактного проживания в комфортных местах. Такие территории нужно выделять в обширные охраняемые зоны – природные парки, заповедники. Возрождать в них древнюю природную обстановку с изобилием травоядных животных – потенциальных кормовых объектов. Название вида, конечно, останется прежним – «*P. peregrinus*» [как синоним – «*P. pelegrimus*»] –

странствующий пещерный медведь. Тем более что соперников у него очень мало, кроме человека, разумеется.

Разделка туши, взвешивание и измерения добытого только на северо-востоке Сибири медведя-странника продолжались всю ночь. Неделю понадобилось, чтобы вынести трофей. После чего еще неделю отлеживаться, восстанавливаться и уточнять статус реликта.

Конечно, полагалось бы иметь при себе переносной бидон с жидким азотом для заморозки некоторых, негабаритных частей тела. Последние были бы пригодны не только для генетических исследований по нескольким альтернативным методикам, появится и реальная возможность успешного клонирования, может быть, уже самого последнего оставшегося в живых реликта этого рода и вида.

Желательно работать группой специалистов с оснащением от малой авиации до спутникового слежения. Где-то все это уже есть. Само собой, если нет нужных знаний и навыков, все эти высокотехнологичные атрибуты не более чем малополезные куски металла и пластика. Но когда всего необходимого с избытком, последние ох как пригодились бы в первую очередь для спасения и продолжения жизни тех из зверей, одного из которых мне удалось добыть на рубеже веков.

Содержание

ПОВЕСТИ

Не плачьте, лиственницы	6
На плато орлов и соколов.....	106

РАССКАЗЫ

Альпийский сон.....	177
К белому кречету.....	190
Удачный день.....	199
Весна в горах	205
Встречи	213
Колымская весна	220
Горы не прощают.....	225
Медвежьи страсти.....	234
Попутный промысел.....	256
По следу пещерного медведя	272

Эдуард Бочкин

«По следу йещерного ледведя»

Повести и рассказы

Охраняется Законом об авторском праве. Ни одна часть данной книги не может быть скопирована или распространена без предварительного письменного разрешения автора.

Иллюстрации
Эдуард Бочкин

Корректоры
Светлана Дабаева и Эмма Лазарева

Дизайн и верстка
Табиту Мердыгеев, «НоваПринт»

Издательство «НоваПринт»
Подписано в печать 24.08.2020 г.
Формат 70x100/32. Печ.л. 9,5. Печать офсетная.
Отпечатано ООО «НоваПринт»,
Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1.
Тел.: 8 (3012) 212-220, 212-552.
Заказ №891. Тираж 300 экз.